

Гемриил Рахмилов

Рахамим

семейные хроники

КНИГА 2 серии «Горские евреи»

*Издательство
Литературного объединения
горских евреев России*

*Москва
2023*

УДК 82-31
ББК 84(2)
Р 27

Рахмилов Г.И.

Рахамим. Книга 2 серии «Горские евреи». — М.: Издательство Литературного объединения горских евреев России/ИП Гусейханова В.В., 2023. — 304 с.

Вторая книга серии повествует о жизненных перипетиях членов семьи главного героя предыдущей книги. Внимание читателя — судьбоносные сюжеты и многообразие новых колоритных образов, тайны, традиции, открытия, интриги, раздоры и воссоединения, любовь и пороки.

Сюжет разворачивается на фоне ста лет развития промыслов и производств Дагестана, начиная со второй половины XIX века, в исторической канве общероссийских потрясений.

ISBN 978-5-6049031-2-4

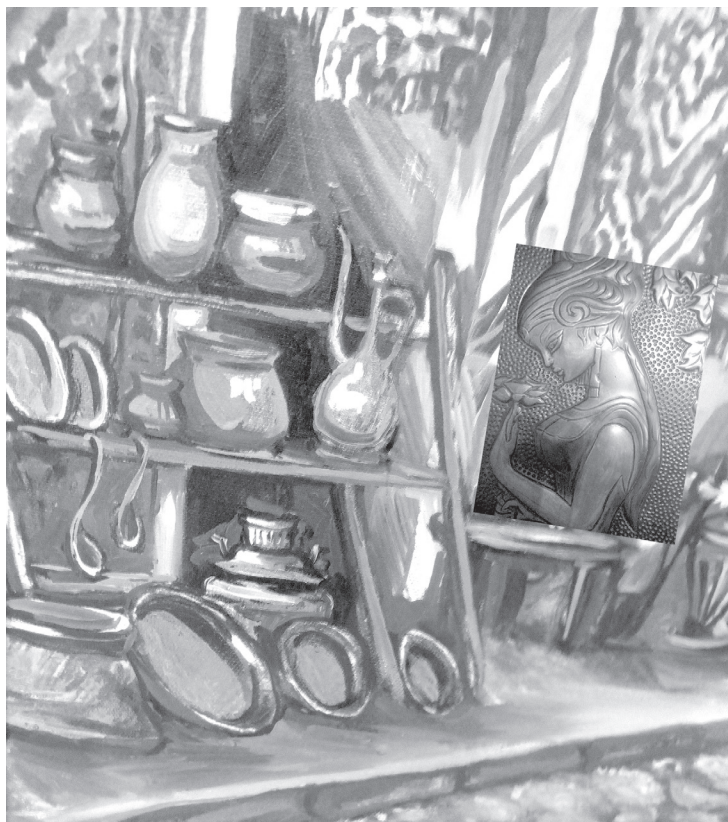
*Автор выражает благодарность Владимиру Тарасову
за помощь в работе над книгой*

**Обратная связь
с автором:**

gemriil@mail.ru

© Рахмилов Г.И., 2023

Гемриил Рахмилов

Рахамим

Раши Меиру
в знак уважения
к его творчеству
ПОСВЯЩАЮ

От автора

Уважаемый читатель, данное повествование может рассматриваться как отдельное независимое от содержания предыдущего произведения из серии «Горские евреи». Однако для более полного раскрытия характеров и судеб ряда героев рекомендую ознакомиться с содержанием предыдущей книги.

Позвольте напомнить о некоторых событиях, которые помогут вам рассматривать содержание книги в соответствующем историческом контексте, и вы будете меньше отвлекаться от жизненных перипетий героев повествования.

Прежде всего стоит рассказать о развитии дорожного строительства в Дагестанской области Российской империи во второй половине XIX века и последующем образовании новых городов. Далее предоставлю информацию о селении Маджалис¹, в котором разворачивается основная сюжетная линия повествования. Затем раскрою особенности мобилизации в Российской империи в период Первой мировой войны и обращу внимание на соответствующую поддержку членов солдатских семей. Напомню о развитии событий в Дагестане в период 1917–1921 годов. Расскажу о характере внутренней миграции насе-

---

¹ Маджалис — селение, расположенное в предгорном Дагестане. Ныне административный центр Кайтагского района Дагестана. Основано в 1581 году по указанию уцмий (правителя) Султан-Ахмедхана. Пять разросшихся соседних тухумов (объединение малых семей) слились в единое село. С 1588 года Маджалис — столица Кайтагского уцмийства (феодального государства с V по XIX век). С 1860 по 1928 год селение Маджалис являлось административным центром Кайтаго-Табасаранского округа Дагестана.

ления в республике, попытках властей его трудоустройства. В заключение коснусь темы репрессий в республике в 1930-х годах.

В случае отсутствия достаточного интереса к вышеизложенному уважаемый читатель может продолжить чтение со следующей главы.

До середины 1860-х годов дорог в привычном понимании этого слова в Дагестане практически не было. Были тропы, возникшие там, где мог проехать гужевой транспорт и пройти пешеход. Центром транспортных путей на том уровне, на каком они существовали в то время, являлся единственный город в Дагестанской области — Дербент. Помимо крепости с мощнейшей на Кавказе оборонительной системой, он играл роль важной торгово-перевалочной базы, морского порта и рынка сбыта товаров купцов многих стран. С внутренним Дагестаном связь поддерживалась по так называемому «великому пути народов», по которому в Дербент стекались предметы ремесленного производства, а также излишки продуктов животноводства и земледелия горцев. В обратную сторону или необходимые последним товары повседневного спроса и длительного пользования. В Дербенте находилось немало караван-сараяв для купечества, торговых лавок и монетный двор.

Из-за постоянных войн с Османской империей, которых в только в XIX веке было четыре, царское правительство вынуждено было строить в Дагестане объекты военно-стратегического значения — крепости, мосты, дороги, причем такие, по которым можно было бы провезти артиллерию и пропустить обозы. В 1857 году на месте заложенного тринадцатью годами ранее русского военного укрепления Петровское был основан город, получивший

название портовый город Петровск¹, а в 1866-м — на месте заложенной в 1834 году одноименной крепости город Темир-Хан-Шура². С 1864 по 1869 год между ними проложили первую в Дагестане шоссейную дорогу.

В течение 1860–1875 годов царские войска руками местного населения, насильно привлеченного к работе, и солдат соединили крепость Гуниб с Темир-Хан-Шурой колесной дорогой длиной 115 верст. Создавались укрепления в пунктах, наиболее выгодных с военно-стратегической точки зрения: в селениях Ахты, Хунзах, Гуниб, Кумух, Ботлих и других. Все эти укрепления должны были быть связаны надежными путями сообщения как между собой, так и с Темир-Хан-Шурой и Порт-Петровском.

Немаловажную роль в Дагестанской области играло селение Маджалис. В то время здесь компактно проживали две общины: кумыкская и горско-еврейская. Последние жили практически обособленно. Горско-еврейская часть села (еврейская слободка) располагалась компактно к северо-востоку вдоль одной из улиц, имеющей название Тубенаул³, кумыкская протянулась вдоль правого берега

---

¹ Портовый город Петровск (Порт-Петровск) — по преданию, во время Персидского похода в 1722 году на этом месте находился лагерь армии Петра I. С марта 1918 года по март 1920 года город удерживался антибольшевистскими силами и именовался Шамиль-кала в честь имама Шамиля. В 1922 году его переименовали в Махачкалу в честь одного из организаторов советской власти в Дагестане — Магомеда Али (Махача) Дахадаева (1882–1918).

² Темир-Хан-Шура — легенда связывает название с именем Тамерлана, шура — кумыкское «озеро», то есть «озеро Тамерлана», на берегу которого военачальник якобы отдыхал. В 1922 году город переименован в Буйнакск в честь дагестанского революционера У. Д. Буйнакского (1890–1919).

³ Тубенаул (в переводе с кумыкского) — нижний аул. Горские евреи же называли свой квартал «мэхьэллей джуури» — еврейская улица (район, квартал, слободка), а иногда и «джуут мэхьелле».

реки Уллучай. Один из небольших рукавов этой реки, называемый местными жителями Катте, проходил по границе еврейской слободки.

Согласно камеральным спискам 1843 года, в еврейской слободе села Маджалис проживало 253, а перед Первой мировой войной 529 человека. Главным источником дохода в общине была торговля. Жители Тубенаула занимались выделкой кожи, хлебопашеством, садоводством, охотой на пушиного зверя и ремеслами. Надлежащее внимание уделялось и молочному скотоводству. Работали в общине плотники, каменщики, мукомолы и виноделы. В селе проживало около 20 купцов и лавочников, в том числе купцы 1-й и 2-й гильдий. Большая половина купцов вела торговлю с центральными областями России.

Воевать за Родину — это гражданский долг. Это, конечно, относилось и к гражданам Дагестанской области. При этом обязательному призыву на воинскую службу при первой мобилизации на Первую мировую войну в 1914 году подверглось только христианское население — русские, армяне, грузины и другие¹. Тем не менее воевать шли десятки тысяч граждан из других конфессий — добровольно.

---

¹ Об особенностях мобилизации граждан Дагестанской области по царскому указу от 25 июня 1916 года «О привлечении мужского инородческого населения для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ» уважаемый читатель мог ознакомиться в книге 1 настоящего издания. Напомню лишь, что существенная часть нехристианского населения России, в том числе и Дагестана, в возрасте от 19 до 43 лет была мобилизована по этому указу как персонал конно-вьючного транспорта, обслуживавшего различные части. Уклоняющимся от призыва необходимо было оплатить существенную сумму военного налога, составлявшего 100 рублей, с принудительной реквизицией лошадей и подвод, что вызывало неприятие у многих горцев.

Зажиточной части населения служба представлялась почетным делом, дающим определенные преференции и открывающим возможности для дальнейшего продвижения, беднякам же она была выгодна в связи с тяжелым экономическим положением их семей: позволяла, рискуя своей жизнью, зарабатывать приличные по тем временам средства для содержания семьи и иметь некоторые льготы. Кавалеристы при этом получали более высокое жалование, земельные наделы, а их семьи освобождались от уплаты налогов.

Еще до войны, 26 июня 1912 года, был принят закон о призрении государством семей солдат, призванных на войну, предусматривающий выплаты казенного пайка их женам и детям. Размер пособия на одного призываемого составлял не менее 1 пуда¹ 28 фунтов² муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли, 1 фунта постного масла в месяц. Это равнялось месячному продовольственному довольствию солдата по воинскому уставу. Паек выдавался в денежной форме. Стоимость пайка за годы войны в основном росла в промежутке приблизительно от 2,50 до 3,25 рублей. Дети до 5 лет получали только половину стоимости пайка. Помимо жен и детей военнослужащего, обеспечению подлежали его отец и мать, дедушка и бабушка, братья и сестры. Последние — при условии, что они прежде находились на иждивении мобилизованного. Поскольку государство явно не желало помогать всем «страждущим», то оно использовало малейшие поводы для сокращения количества «иждивенцев». Очень многие солдатские семьи часто не могли получить законно на-

---

¹ Пуд — устаревшая единица измерения массы русской системы мер. С 1899 года один пуд равен 16,3804964 кг.

² Фунт — единица измерения массы. В русской системе мер фунт равен 1/40 пуда — 0,41 кг.

значенного им пособия. Помощь таким семьям оказывали общественные комитеты, создаваемые при городских и сельских самоуправлениях и земствах. Последние помогали составлять прошения и возбуждать по ним всякого рода ходатайства.

По некоторым данным¹, хотя автору и не удалось обнаружить каких-либо документов, обязывающих горских евреев к мобилизации с началом Первой мировой войны, «из всех коренных национальностей Дагестана только горские евреи призывались на службу в царские войска».

С первых месяцев войны ее жертвами стали тысячи дагестанцев, в том числе и горские евреи — из 1 552 человек, сведения о которых опубликованы в списках потерь на портале «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов», 197 числятся погибшими².

После свержения царизма в феврале 1917 года в борьбу за власть в Дагестане вступили созданные в Дербенте, Петровске, Темир-Хан-Шуре и гарнизонных крепостях³ Советы рабочих, солдатских и офицерских депутатов, религиозные общества, организованные этнические группы, русское чиновничество столицы Дагестана, местные купцы, промышленники и помещики. Образовывались органы Временного правительства.

Интеллигенция области с целью удержания власти в руках дагестанского народа решила организовать Дагестанский областной исполнительный комитет. Собрание

---

¹ Д.Ш. Рамазанова. Горские евреи Дагестана в национальной политике советской власти в 1920–1930-е гг. (см. Список литературы.)

² Горские евреи в Первой мировой войне / сост. Ирина Михайлова (см. Список литературы).

³ Гарнизонные крепости Дагестана на начало 1917 года располагались в поселениях Гуниб, Хунзах, Дешлагар, Хасавьюрт, Ахты и Чирюрт.

состоялось 9 марта 1917 года в базарный день¹ с участием «представителей» окрестных аулов. Вместе с горожанами и «народом с базара» было принято решение вместо старой царской власти в лице военного губернатора области организовать Временный областной исполнительный комитет в составе 30 человек. В него вошли по 3 человека из каждого округа Дагестана и 3 человека от каждого города. Указанным комитетом были отстранены от своих должностей окружные власти, назначенные на данные посты царскими властями, а также губернатор и его помощники.

Помимо Дагестанского облисполкома, в области вел свою деятельность и комиссар Дагестанской области. Он назначался созданным Временным правительством Особым Закавказским комитетом (ОЗАКОМ) в Тифлисе, который состоял из членов Государственной думы. К нему перешли функции наместника царя на Кавказе. При этом Областной исполнительный комитет мог контролировать действия комиссара.

7 ноября 1917 года в Петрограде произошло вооруженное восстание. Временное правительство было свергнуто. Государственная власть перешла в руки Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. В тот же день в Дагестане на своем заседании новую власть признал Порт-Петровский Совет рабочих и солдатских депутатов. Однако из-за слабости большевистской организации в Дагестане органы Временного правительства просуществовали здесь до апреля–мая 1918 года, а Советская власть была провозглашена Порт-Петровским Военно-революционным комитетом лишь 2 мая 1918 года.

---

¹ Базарный день — выходной день в регионах и государствах Востока.

С мая по август 1918 года в Дагестане сосуществовали органы Советской власти, Дагестанского мусульманского областного национального комитета и других политических организаций.

Начало осени 1918 года ознаменовалось временным падением Советской власти под напором объединенных сил контрреволюции, в частности Л. Бичерахова¹. Была установлена диктатура князя Н. Тарковского², убит один из лидеров сторонников советской власти М. Дахадаев.

Октябрь–ноябрь 1918 года — период турецкой интервенции. Н. Тарковский уступил власть созданному турками марионеточному правительству Республики Горской³ в составе бывших членов Союза горцев Северного Кавказа.

30 октября 1918 года Великобритания и Турция подписали так называемое Мудросское перемирие, ознаменовавшее поражение Турции в Первой мировой войне. Оно, в частности, предусматривало вывод турецких войск из Кавказа. Во второй половине ноября турки действительно покинули регион, за исключением оставшихся в Дагестанской области на правах подданных Горского правительства.

Затем на Кавказ вошли войска Антанты, главным образом британские. Этот период длился с декабря 1918-го

---

¹ Л. Бичерахов — Лазарь Федорович Бичерахов (Лазар Бичерахти) (1882–1952) — осетин, российский офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн.

² Н. Тарковский — кумыкский и российский князь Нух-Бек Шамхал Тарковский (1878–1951) — участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер.

³ Горская Республика — автономное государственное образование, провозглашённое на съезде северокавказских народов 1 мая 1917 года на территории Дагестана и горских округов Терской области. 11 мая 1918 года на конференции в Батуми провозглашена ее независимость.

по апрель 1919 года. В Темир-Хан-Шуре, центре Дагестанской области, образовалась английская военная миссия. Новое Горское правительство, сформированное в декабре 1918 года, стало ориентироваться на англичан.

Май 1919 года ознаменован нашествием войск А. Деникина¹ и образованием Временного правительства Дагестана во главе с генералом М. Халиловым. Последний захватил власть посредством военного переворота и без боя впустил полчища Деникина в Дагестан. 13 мая была арестована и впоследствии расстреляна группа деятелей подпольного обкома РКП(б), созданного в феврале 1919 года во главе с У. Буйнакским.

Деникинское командование направило в горы карательные отряды, состоящие из белых казачьих отрядов и контрреволюционных частей. Воинские части деникинцев были сосредоточены в городах — Дербенте и Темир-Хан-Шуре и в селениях — Маджалисе и Касумкенте. На площадях были установлены виселицы. Деникинцы убивали, грабили мирное население, учиняли массовые насилия над женщинами, силой оружия отбирали у жителей скот, домашнее имущество, одежду. Дагестанцы противились объявленной Деникиным мобилизации. Шло формирование партизанских отрядов. Неспособные встать на партизанскую борьбу отдавали свое оружие, лошадей партизанам. В ходе восстания партизаны разбили гарнизон деникинцев в Касумкенте, захватили орудия, пулеметы, патроны. Уничтожение деникинцев завершилось в сентябре 1920 года при активной поддержке Красной армии.

---

¹ А. Деникин — Антон Иванович Деникин (1872–1947) — лидер Белого движения на Юге России, главнокомандующий Вооруженных сил Юга России (1919–1920), заместитель верховного главнокомандующего Русской армии (1919–1920), с апреля 1920 года — эмигрант, один из основных политических деятелей русской эмиграции.

Началось восстановление Советской власти, которая укрепилась с подавлением в мае 1921 года Красной армией и партизанскими отрядами антисоветского восстания во главе с Н. Гоцинским¹.

Период с 1917 по 1924 годы ознаменован стихийным заселением горцами равнинных районов. В последующие годы развернулись плановые мероприятия партийного руководства республики по переселению безземельных и мало-земельных крестьян с гор на равнину, решался вопрос трудоустройства евреев после их массовой миграции из аулов и сел в города и крупные поселения, где они практически не имели возможности заниматься крестьянским трудом.

Ответственными за переселение крестьян органами являлись образованный в 1921 году на основании декрета ВЦИК «Об образовании СССР» Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) и созданные впоследствии его территориальные подразделения. Наркомзем ведал земельным и лесным хозяйством, намечал и осуществлял мероприятия в области развития сельского и лесного хозяйства на основе народнохозяйственных планов СССР. В части привлечения еврейского населения Советской России к производительному труду в 1924–1925 годах постановлениями Президиума ЦИКа были образованы Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся при президиуме Совета национальностей ЦИКа СССР (Комзет) и Общество содействия землеустройству еврейских трудящихся (Озет). Комзет был наделен бюджетом и открыто сотрудничал с такими международными еврейскими организациями, как «Агро-Джойнт», «ЕКО» и др. Однако одной из важнейших

---

¹ Нажмудин Гоцинский (1859–1925) — религиозный и политический деятель на Северном Кавказе, муфтий Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, один из руководителей контрреволюционного движения в Дагестане.

целей комитета было создание альтернативы сионизму. В 1927 году постановлением бюро Дагестанского обкома ВКП(б) при ЦИКе ДАССР был создан ДагКомзет.

4 октября 1926 года Президиум ЦИКа ДАССР на своем заседании предложил Наркомзему «представить предложения о районах расселения в сельских местностях горских евреев, сконцентрированных в городах, которые изъявили желание заняться земледельческим трудом...». Основные мероприятия по осуществлению поставленных задач выражались в переселении, обеспечении землей и водой, оказании государственной помощи, выделении натуральных и денежных кредитов, правильной организации хозяйств горско-еврейских трудящихся, коллективизации, введении агротехнических изучений.

Осуществлялись меры по переселению горских евреев из городов Дербента и Буйнакса, селений Ашага-Араг, Ханджалкала, Маджалис, Ньюгеди, из поселений Буйнакского и Хасавюртовского районов. Переселенцев направляли в Кизлярский округ Дагестана, поселок Араблинский, на участок Турпак-Кала и в другие поселения Дербентского района, на участки Габас-Кутан и Сунку-Кутан Буйнакского района, в Моздокский район Северо-Кавказского края. Небольшую часть горских евреев планировали переселить в Крым и Биробиджан.

Также была обозначена необходимость принятия срочных мер для укрепления существующих горско-еврейских колхозов в старожильческих поселениях Ньюгди, Аглоби, Мамраш, Ханджалкала, Хошмензиль и дербентского колхоза имени Смидовича.

Часть из переселенческих мероприятий в конечном итоге провалилась из-за просчетов в мелиоративной политике, несвоевременного выделения соответствующих фондов и неприятия переселенцев коренными жителями

окрестностей близ осваиваемых территорий. Имели место отказы от планов переселения еврейских хозяйств, например, из Дербента на участок Молла-кент и в село Аглоби, а также обратное переселение народа из Кизлярского округа в Дербентский район.

Вслед за голодом 1932–1933 годов, охватившим Северный Кавказ, другие регионы страны и унесшим немало жизней, разыгралась новая трагедия, не обошедшая ни один народ многонациональной державы, ни один уголок необъятной страны. Это репрессии.

Началом массовых расправ в СССР можно считать конец 1934 года, когда в связи с убийством 1 декабря секретаря ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома партии С.М. Кирова было принято закрытое письмо ЦК ВКП(б) «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова». Этот документ не обнаружен в архивах республики, однако ссылка на него встречается в другом закрытом письме ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», датированном 29 июля 1936 года.

По данным, приведенным в записке генерального прокурора Руденко, адресованной в 1954 году секретарю ЦК КПСС Хрущеву Н.С., содержатся следующие сведения о численности репрессированных: за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 580 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642 980 человек, содержались в лагерях — 2 369 220 человек, подверглись ссылке и высылке — 765 180 человек. В целом в 1937–1950 годах в исправительно-трудовых лагерях перебивало более 8,8 млн человек.

Многие граждане подверглись аресту за контрреволюционную деятельность, вредительство и религиозные воззрения. Жесткие приговоры судов, так называемых

троек НКВД, включая смертную казнь, не давали шансов тем, кто был очернен извращенными фактами или наговорами недоброжелателей. Пострадали большей частью ответственные партийные и хозяйственные работники, научная и творческая интеллигенция, военачальники, представители правоохранительных органов и органов госбезопасности. Не остались в стороне от этого всесоюзного катка репрессий и герои нашего повествования.

*Занимательного Вам чтения!
Ваш Гемриил Рахмилов.*

Пролог

В предыдущем повествовании мы оставили своих героев, молодоженов Рахамима и Динару, в селении Маджалис на попечение их вновь обретенных родственников — бабушки Динор, дяди Манашира и его жены Цици.

Шел 1906 год. Динаре, воспитанной и выросшей в любви и в то же время строгости в своей семье, не стоило большого труда приспособиться к жизни на новом месте, но увиденная ею воочию жестокая расправа над родителями долго еще не отпускала ни во сне ни наяву. Слава Богу, она всегда находила поддержку в глазах любящих ее Рахамима и бабушки Динор, которая была вне себя от счастья при появлении в ее, как ей казалось, уже прожитой жизни такой замечательной внучки. Пожилая женщина дарила Динаре столько тепла, сколько той было необходимо, чтобы пережить случившуюся с ней трагедию. После купания бабушка тщательно вычесывала ей волосы, рассказывая бесконечные истории из жизни их семьи. В своих воспоминаниях пожилая женщина постоянно возвращалась к истории отречения ее мужа от дочери Мельке после ее бегства с молодым человеком. Затем ее повествование непременно переходило в тихое размеренное скорбное *гирье*¹, ставшее со дня смерти ее мужа Пинхаса обычным для нее ежедневным занятием.

Динара искренне оберегала бабушку, предупреждая все ее возможные недомогания. А как же иначе? Кто у нее еще

---

¹ Гирье — плач; гирё — оплакивание, траурное причитание, траурное пение, общий плач (*перевод с джуури*).

остался на этой земле — Рахамим, бабушка, дядя Манашир с супругой Цилей и родная сестра Фатима, живущая с мужем в кажущемся таким далеким теперь поселке Бакинской губернии. У этой молоденькой женщины, которую здесь стали называть *чукле*¹ Динор, уже был опыт ухода за больным человеком: ее мама Малика в последние годы жизни постоянно испытывала недомогание и помощь девушки была неоценимой.

Динара часто напевала бабушке *ненуй-ненем*², слышанную ею от матери, когда та ложилась спать. Бабушка не возражала. И почти всегда у нее во время пения внучки появлялись благодарные слезы.

За короткий срок Динара научилась у бабушки вязать *джурабы*³ из четырех разноцветных шерстяных нитей. В дальнейшем она превзошла свою наставницу, используя при вязании до восьми цветов нитей. Джурабы при этом получались красочнее, ярче и праздничнее — так и просились осчастливить чью-нибудь ногу. Имеющая дар рисования с детства, любящая это занятие Динара перенесла свое умение на вязание джурабов. Затем, когда ей удалось купить у проезжего *чулчи*⁴ свой первый комплект *мулине*⁵, молодая женщина освоила вышивку крестиком. Нарисовав узор на белоснежной ткани, она зажимала ее меж двух оброчей внатяжку, и постепенно, крестик за крестиком, материал превращался в живописное полотно с деревьями, цветами, насекомыми, птицами и пр. За несколько лет десятки

¹ Чукле — младшая, маленькая (*перевод с джуури*).

² Ненуй-ненем — колыбельная песня (*перевод с джуури*).

³ Джурабы — это особые вязаные высокие носки, традиционные для народов Кавказа, горных районов Центральной Азии, Ирана и горных районов Пакистана.

⁴ Чулчи — мелкий торговец, коробейник (*перевод с джуури*).

⁵ Мулине — пряжа, произведенная специально для вышивания или других видов рукоделия.

полотенец, покрывал и подушек в доме вдовы и молодой семьи украсили яркие изображения.

Рахамим особо не преуспевал в сельском труде. Работать на земле, заготавливать дрова и сено на зиму, убирать за немногочисленными домашними животными — все это ему было не по душе. Однако, кроме него, этим теперь заниматься было некому, и он худо-бедно работал как мог. В общении с односельчанами Рахамим был зажат и немногословен, но всегда проявлял должное уважение к старшим. Синагогу молодой представитель общины посещал время от времени, с трудом овладевая простыми навыками чтения молитв и песнопений. Приятелями и тем более друзьями он не обзавелся. Ходил на рыбалку, часами пропадая на речке. Роль добытчика семьи ему удавалась плохо, и помощь дяди Манашира имела существенное значение.

В душе молодого человека теплилась мечта — открыть собственную мастерскую по изготовлению медных изделий. То, чему он обучался шесть лет у своего наставника Уста-Курбана, не могло быть напрасным. Рахамим был уверен в своих силах, к тому же в Маджалисе не было мастеров уровня лахиджских.

Именно эти переживания переполняли душу молодого человека. В них не было сколько-нибудь значимого места для своих оставшихся где-то глубоко в воспоминаниях близких — отца Беньягу и сестры Мозолут. «Как они поживают в своем Геокчае, испытывают ли как когда-то прежде нужду, ищут ли его, Рахамима, после всего произошедшего с ним?»

Последнее несильно трогало молодого мужчину. «Захотят найти — найдут! — резонно размышлял он. — Во всяком случае это не главное! Важнее развернуть здесь дело, чтобы обеспечивать себя и свою семью.

Показать, на что я способен и Манаширу, и бабушке, и Динаре, и всем сельчанам».

Конечно же, Динара знала о переживаниях своего мужа, который плохо ел и подолгу не спал по ночам, уставившись в одну точку. О его бессоннице она призналась Манаширу, когда тот в очередной раз приехал с женой к матери.

— *Дуьлесди небугьо хуб михисуй*¹, — заметил на это дядя.

Он и Циля по приезде были в приятном воодушевлении. Наконец, после многих лет семейной жизни, они решились завести ребенка, и беременность, похоже, проходила благополучно. Округлость уже угадывалась на теле стройной женщины. Чукле Динор же пока не было на это благоволения Господа, но молодые ничуть не расстраивались. Бабушка уверяла, что всему свое время, видно, организм юной женщины еще не созрел для материнства.

Утром Манашир предложил Рахамиму вместе пойти на кладбище. Мужчина ходил туда почти каждый свой приезд, чтобы проведать могилу своего отца Пинхаса, деда Ошира и еще несколько захоронений².

Еврейское кладбище Маджалиса, расположенное на склоне холма северной окраины селения, встретило мужчин пением одинокой горлицы и многочисленными надгробиями-стелами из местного камня — туфа и песчаника.

Они постояли некоторое время в скорбном молчании у слегка покосившегося могильного камня Пинхаса. Ма-

---

¹ Дуьлесди небугьо хуб михисуй. — У кого нет забот, тот спит крепко (*перевод с джуури*).

² Здесь и далее в повествовании автор, чтобы не вызывать тягостного восприятия у уважаемого читателя, избегает указания на то, что в этой и иных дагестанских семьях рождались и другие дети, которые, однако, часто умирали во младенчестве или при родах из-за практического отсутствия медицинского обеспечения.

нашир, прикоснувшись к камню левой рукой, приложился к нему губами. То же самое в знак уважения к Манаширу и почтения к усопшему проделал и Рахамим. Затем мужчины прошлись чуть поодаль и повторили эти действия у захоронения Ошира. Земля над этой могилой несколько вогнулась.

— Надо бы надсыпать здесь холмик, — заметил Манашир. — Вернемся сюда на следующей неделе с тачкой и лопатами.

Поднявшись от родника, где мужчины церемонно омыли свои руки и отпили воды с помощью лежащих здесь же глиняных чаш, Манашир предложил парню немного отдохнуть на сооруженной кем-то давно скамье из ствола сваленного дуба в тени свисающих из-за ограды соседнего сада ветвей тутового дерева. Сидевшим открывался прекрасный вид на овраг и тропинку, спускающуюся зигзагом к роднику.

Манашир, увидев некоторое удрученное состояние своего попутчика, спросил:

— Как тебе здесь живется, Рахамим?

— Хорошо, — ответил парень.

— Что-то по тебе никак не скажешь, что у тебя все в порядке.

— А что, очень заметно?

— Да уж заметно, — отметил мужчина, рассматривая молодого человека. — Что тебя гложет, дорогой? — после очередной паузы продолжил осторожно допытываться Манашир. — Что тебе нужно для счастья?

— У меня все есть, — не сдавался Рахамим.

— Ладно, — примирительно резюмировал Манашир. — Я тут подумал... быть может, ты хочешь заняться своим делом?

— Хочу! Ну и что с того? Разве это возможно? — не выдержал Рахамим и впервые посмотрел в глаза старшему собеседнику.

— Возможно все, надо только приложить усилия и не отступать перед сложностями, — уверенно произнес Манашир.

— Хочу! Нет слов, чтобы выразить мое желание заниматься медным делом. Очень хочу! — разгоряченно выпалил Рахамим. — Но как? Необходимо помещение, инструменты, сырье. Все это стоит немалых денег. Откуда их взять? Здесь заработать на какую-нибудь мелочь по хозяйству и то непросто.

— Я тебе помогу, Рахамим! На то и существуют близкие люди, чтобы помогать. У меня есть некоторая сумма — это во-первых; во-вторых, попросим поддержки у общины. В таком деле должны помочь.

— Я не смогу принять от тебя деньги, Манашир!

— Почему это?

— У тебя семья. Считаю, у твоего будущего первенца отнять, — заметил Рахамим. — Нет, не возьму!

— Что это еще за разговоры?! Ни у какого младенца ты ничего не отбираешь!

Несмотря на серьезность разговора, последняя реплика Манашира рассмешила обоих. Напоминание о том, что его ждет долгожданное рождение ребенка, не могло не вызвать счастливой улыбки у будущего отца.

— Ты возьмешь в долг. Вернешь тогда, когда сможешь. Никаких сроков. Могу я взять на себя хотя бы риск того, что ты вдруг не справишься и дело не выгорит.

— Я справлюсь! Обещаю! — уверенно произнес Рахамим. — И деньги верну, и подарок сделаю немалый твоему ребенку.

— На том и порешим! — улыбаясь, хлопнул ладонями по коленям Манашир. — А завтра с утра пойдем к рабби Юсуфу. Мне кажется: община тоже должна поддержать и помочь. А он может найти правильные слова для этого.

Мужчины встали и направились домой. Больше в этот день они к этой теме не возвращались.

Все население Маджалиса вместе с соответствующими органами управления, в которых преобладали ставленники из Темир-Хан-Шуры — отставные русские офицеры, насчитывало около тысячи человек. Основной функцией указанных органов были контроль и исполнение соблюдения гражданами на данных территориях законов и порядков Российской империи. При этом центральные власти во внутренние дела общин не вмешивались, полагаясь на избираемых ими лидеров — *ковхо*¹. Обе местные общины под руководством своих ковхо самостоятельно занимались рядом вопросов: бытовых, семейных, хозяйственных дел; вопросами водопользования и землеотведения в пределах своих условных границ.

Обычно общины избирали на должность ковхо одного из успешных своих представителей. Последним эта должность была необходима больше для статусности и возможности общаться и договариваться с властями. Горские евреи в большинстве своем, как, впрочем, и другие восточные народы, с уважением относились к своим более успешным собратьям, поэтому занять выборную должность ковхо при желании могли многие из авторитетных состоятельных жителей слободки. Конечно же, некоторая благотворительность по отношению к своим землякам также сопутствовала деятельности избранного ковхо.

---

¹ Ковхо — староста (*перевод с джуури*).

В те годы горско-еврейскую общину Маджалиса возглавлял купец 2-й гильдии Аарон Хайтоги, а его помощником и реальным лидером по степени образованности и авторитета был рабби Юсуф, к которому в первую очередь и направились Манашир и Рахамим, рассчитывая на поддержку в своем вопросе.

Рабби благодушно принял мужчин в прямоугольной похожей на библиотеку комнате, являющейся местной *талмидхундэ*¹.

В комнате было несколько лавок, располагавшихся вдоль длинной стены с четырьмя узкими высокими окнами, облаченными в рамы. Мазаный глиняный пол помещения был покрыт несколькими *сумахами*². Слева от окон находился вход в комнату со двора, справа — внутренняя дверь, разделяющая эту комнату с помещением синагоги, здесь же располагался столик с двумя табуретами и серебряным подсвечником с тремя наполовину сгоревшими свечами.

Рабби сидел за столиком спиной к окну. Он пригласил Манашира и Рахамима присесть на табуреты напротив себя. В другом углу комнаты за небольшим столом спиной к входящим сидел, углубившись в чтение, один из сыновей рабби Юсуфа — мужчина средних лет с усами, бородкой, стриженными *пейсами*³ и в шляпе, характерной для некоторых верующих ашкенази. Он проходил стажировку где-то в западном регионе России и уже второй год обучал ребят

---

¹ Талмидхундэ — общинная горско-еврейская школа для обучения мальчиков (*перевод с джуури*).

² Сумах — односторонний безворсовый ковёр с крупными узорами, в которых преобладают большие медальоны, заполненные мелкими геометрическими, растительными и зооморфными мотивами.

³ Пейсы — длинные неподстриженные пряди волос на висках как традиционный элемент причёски религиозных евреев.

местной талмидхундэ. По-видимому, сильно поглощенный чтением мужчина не видел пришедших и поэтому не сдвинулся с места.

Задав Рахамиму несколько вопросов о его житье-бытье на новом для него месте и внимательно выслушав Манашира о причине визита, рабби заметил:

— Еще раз: о какой земле вы говорите? У нас свободной земли нет.

— Уважаемый рабби Юсуф, за участком уважаемого Мушоила, там у него огород, есть небольшой притопленный участок размером в *осьминник*¹. Если часть этого участка, скажем в 100 квадратных сажений, осушить и построить небольшое помещение мастерской, то будет в самый раз.

— Да, знаю этот участок, — припомнил рабби, — но там же грунтовые воды.

— Установим качественный дренаж. В конце концов, нам там не огурцы выращивать, — настаивал Манашир.

— А денег-то у вас хватит на ваши задумки?

— Постепенно, не сразу, конечно, освоим этот участок.

— И сколько, по-твоему, составят общие расходы.

— Думаю: 35–40 николаевских червонцев.

— И когда, Манашир, парень сможет заняться делом?

— Думаю: через полтора годика начнет работать.

— Я, дорогие мои, совершенно не против, чтобы у нас в Тубенауле появился свой медник, но как-то все у вас выглядит зыбковато. Замечу: я не сомневаюсь в том, что парень будет делать изделия, которые будут продаваться. У меня вопрос к тебе, Манашир. Каким образом ты бу-

---

¹ Осьминник (осьмина) — старая русская единица измерения объема сыпучих тел (одна осьмина равнялась 104,956 литра) и площади (1/8 десятины, или 1365,674 м²).

дешь заниматься этим делом, проживая все это время в Дербенте?

— Рахамим будет этим заниматься сам, и я, конечно, буду ему помогать.

Рабби задумался, затем предложил.

— Давайте-ка, дорогие мои, соберем общину и обсудим ваше дело сообща. Через два месяца придет из России наш уважаемый ковхо Аарон, и мы попробуем решить ваш вопрос положительно.

— Уважаемый рабби Юсуф, я через некоторое время не смогу еженедельно быть в Маджалисе — мы с женой ожидаем ребенка, и, наверное, я должен буду быть поблизости к ней, когда придет время.

— Господь, благослови рождение этого малыша! Поздравляю тебя и твою супругу! — с восторгом и воодушевлением воскликнул рабби, подходя к будущему отцу. — *Джууро амбар гердо, халефлей ме!*¹ Приходите сюда в воскресенье за полчаса до утренней молитвы, попробуем решить ваш вопрос, — улыбаясь мужчинам, произнес рабби и, повернувшись к молодому человеку, добавил: — Рахамим, мальчик мой, принеси, если у тебя есть, что-нибудь из сделанных тобой изделий. Есть у тебя такие?

— Поищу, уважаемый рабби Юсуф, — ответил молчавший до этого Рахамим, вспоминая, что же из его изделий есть в домашнем обиходе и у Динор.

— На том пока и порешим, — подытожил рабби. — Не первый раз мы решаем важные вопросы без ковхо. — Надеюсь: он простит нам такую самостоятельность.

---

¹ Джууро амбар гердо, халефлей ме! — Да приумножатся евреи, мой мальчик! (Перевод с джуури.)

Манашир и Рахамим от души поблагодарили рабби.

Еще о чем-то вспомнив, рабби спросил у них:

— А вы, ребята, когда в последний раз накладывали тфилин¹?

Манашир несколько замялся, а затем признался рабби что уже давно этого не делал из-за занятости, а по приезде в Дербент непременно это сделает.

— А вы, молодой человек? — обратился рабби к Рахамиму.

Рахамиму нечего было сказать. Последний и единственный случай, о котором он помнил, был еще в Геокчае. Ему тогда помогал отец, отчего-то очень радуясь этому событию. На мгновение в памяти явственно всплыло мужественное и в то же время доброе лицо отца. Молодой человек почувствовал одновременно и некоторое тепло, и боль в сердце. На несколько секунд проявившись в мелких деталях, лицо отца сразу же растворилось в сознании Рахамима.

— Давно не накладывали. Много лет.

— Да вы что, уважаемые, такие дела задумываете, а тфилин не накладываете. Или вы отказываетесь от присутствия Господа в вашем деле?! Нехорошо! — несколько эмоционально заметил строгим голосом рабби. — Взрослые мужчины раз в день должны накладывать тфилин — это одна из заповедей, подтверждающая приверженность признанию воли Всевышнего над собой.

— Нэтен! — обратился рабби к своему сыну, уже повернувшемуся на своем стуле и не отрывая глаз от книги

---

¹ Тфилин — небольшие черные коробочки-футляры с кожаными ремешками, содержащие написанные на пергаменте отрывки из текста Торы. Как сам тфилин, так и пергамент сделаны из шкуры кошерного животного. Происходит от слова «тфила» (*иврит*) — молитва.

прислушивающемуся к происходящему. — Помоги ребятам наложить тфилин и произнеси молитву во исполнение их намерений. — Затем взглянув на Манашира и Рахамима, рабби Юсуф продолжил: — Вы правильно сделали, что пришли. Еще есть вопросы, которые необходимо обсудить до собрания общины?

— Нет, уважаемый рабби Юсуф, — произнес Манашир. — Спасибо!

— Тогда ладно. *Гьеммише Худо э гьулгьой ишму гьувот дешено!*¹

— *Нум Худо кумек!*² — ответили на добрые пожелания рабби Манашир и Рахамим.

К просителям подошел Нэтен и уже примерял коробочку тфилина на лоб Манашира, собираясь кожаным ремнем обернуть определенным образом его левую руку.

— И еще одно, Нэтен, тфилин этот по окончании молитвы подари молодому человеку и *сидур*³ тоже ему найди поновее.

Рабби Нэтен очень ответственно подошел к поручению отца — быстро и профессионально провел соответствующий обряд для обоих односельчан.

Вечером за ужином, когда вся семья сидела на *нимдерах*⁴ за обеденной скатертью, накрытой поверх сумаха на полу в кунацкой (так было заведено Динор, несмотря на наличие здесь небольшого круглого стола и нескольких табуретов), и ела приготовленную Цилей пшеничную кашу

¹ Гьеммише Худо э гьулгьой ишму гьувот дешено! — Пусть Бог всегда дает силу вашим рукам! (*Перевод с джуури.*)

² Нум Худо кумек! — Бог в помощь! (*Перевод с джуури.*)

³ Сидур — книга с текстами еврейских молитв.

⁴ Нимдер — у горских евреев стеганный матрас, набитый овечьей шерстью.

с отварной вяленой рыбой, Манашир поделился с присутствующими с его с Рахамимом планом открыть мастерскую и соответствующим разговором с рабби Юсуфом.

— Прекрасная идея, но откуда вы возьмете столько денег? — всплеснула руками бабушка Динор.

Жены наших мужчин, очевидно, уже знали о затее мужей, поэтому ничему не удивились и скромно молчали.

— У нас с Цилей есть накопления. Мы будем рады помочь молодым, — ответил матери Манашир.

— Что ты говоришь, Манашир? *Ишму харъоит? Мэхътельум! Гиджбесер бирейт бегем? Чендгъэдер хундейт, эгъуьлменд не бисдорит! Э у харъои!*¹ — вспыхнула бабушка. — Как вообще такое возможно? У вас своя семья. Скоро родится ребенок. Это немалые расходы.

— Рахамим с Динарой нам тоже не чужие люди, — заметил мужчина. — У нас есть работа. Пусть и молодые встанут на ноги.

Младшая Динор в это время с благодарностью слушала своего дядю, а Рахамим уткнулся носом в тарелку и медленно разделял вареную рыбу на кусочки.

— Сколько у вас денег? — обратилась мать к сыну.

— Мама, зачем тебе это знать? — ответил Манашир.

— Как так?! Как так — зачем тебе знать? Умру я от вас!.. — воскликнула и как будто разом обмякла она. — Вы моей смерти хотите, что ли? Сколько у тебя денег, я спрашиваю?! — закипала Динор.

— Мама, не волнуйся, тебе вредно, — пытаюсь быть хладнокровным, сказал Манашир. Затем, посмотрев

---

¹ Ишму харъоит? Мэхътельум! Гиджбесер бирейт бегем? Чендгъэдер хундейт, эгъуьлменд не бисдорит! Э у харъои! — Вы дураки? Я недоумеваю! Поглупели, что ли? Сколько ни учились, умными не стали! Дураки и есть! (Перевод с джуури.)

в лицо возбужденной и готовой сорваться матери, ответил: — Рублей триста есть.

— Сумасшедший! Дурак! Я не думала, что мой старший — дурак. Я думала, что у меня один сын глупый: оказалось — оба! — в сердцах кричала женщина. Обратившись к слегка опешившим Рахамиму и Динаре, она сказала: — Вы, дети мои, не думайте, что я против вас. Мое замечание относится к Манаширу и вас не касается. Столько лет учились, работали и все свои копейки готовы отдать!..

Затем бабушка необычно резко встала и пошла куда-то в дальнюю комнату. Циля посмотрела на Манашира, чтобы понять, идти ли ей за свекровью: вдруг ей станет плохо. Манашир только отмахнулся.

Через несколько минут бабушка вернулась, держа в руке связанный платок, села на свое место и стала его развязывать. Справившись с одним узлом, она принялась за второй, от другого платка, вложенного в первый, затем за третий. Из последнего она выложила на стол дюжину николаевских червонцев и лоскут плотной парчовой ткани. К последней рядами было прикреплено около двух дюжин таких же червонцев и четырех дюжин серебряных *аббаси*¹. Крепление производилось металлическими колечками через маленькие дырочки в монетах.

---

¹ Аббаси — персидская серебряная монета, впервые выпущенная около 1620 года при Аббасе I Великом и весившая 7,7 грамма. 1 аббаси равнялась 200 динарам (или 4 шахи, равнявшимся 1/50 тумана). Монета чеканилась на территориях, входивших в разное время состав Персии. К концу XVIII века выпуск аббаси был прекращен. До недавнего времени горские евреи и другие кавказские народы называли аббаси монету 20 копеек российского, а затем и советского производства. После 1931 года монета перестала содержать серебро.

— Рахамим, Динара, дети мои — вот это деньги на вашу мастерскую, — деловито произнесла женщина. — Мне они незачем. Младшего Азарью они нам с Пинхасом не помогли спасти от тюрьмы. Пусть помогут хотя бы внучке с зятем. — Посмотрев на эффект, произведенный ее поступком на детей, бабушка Динор подытожила: — Только одно условие. Похороните меня так, чтобы мне не было стыдно перед людьми.

Часть 1. Динор

Глава 1.1. Отец и брат

Бабушка Динор не раз рассказывала чудом объявившейся в ее жизни внучке различные истории из своей жизни. Воспоминания отвлекали ее от множества болячек, которые постепенно пригибали ее тело все ниже и ниже к земле. Они были единственной радостью, что оставалась этой пожилой женщине.

Мать Динор была дочерью лавочника, а отец — одним из состоятельных ремесленников селения Маджалис, вернее, его еврейского квартала, насчитывавшего в то время около 150 семей. Ремеслом отца было производство примитивных на теперешний взгляд одноосных повозок, называемых *арбами*¹. Помимо лошадей, такие повозки производились и под других тягловых животных — волов, буйволов, мулов и ослов.

В 1836 году, после жестокого подавления царской армией волнений в *Кайтаге* и *Табасаране*² с широким использованием артиллерии, в горах осталось немало количество сирот. По семейному преданию, Исай, так звали отца Ди-

---

¹ Арба́ (от перс. ароба, через *тюрк.* араба) — высокая двухколесная или четырехколесная повозка (в Средней Азии, в Крыму, на Кавказе). Водителя арбы называют арбакеш. На Кавказе арба продолжала использоваться еще в XX веке. Колеса арбы вращались вместе с осью.

² Кайтаг и Табасаран — исторические и географические области в Дагестане.

нор, оказался одним из этих беспризорников. Особо неприемлимой позицией к новым властям отличилось население села Шиляги, которое в итоге было полностью сожжено и разгромлено. Его оставшиеся в живых немногочисленные жители вернулись к полностью разрушенным очагам. Они вынуждены были отстраиваться заново.

Исаю наряду с двумя другими сиротами приютила кумыкская семья из этого кайтагского селения, потерявшая в этой бойне некоторых своих близких. Хозяин семьи зарабатывал тем, что мастерил двухколесные арбы для крестьянских нужд. После восстановления жилища ребятам нашлась работа и в мастерской приемного родителя. Помимо трех приемных, в семействе было и четверо родных сыновей. Все дети между пятью намазами в день шаг за шагом старательно изучали ремесло.

Куда девались его собственные родители и из какого из разрушенных селений он сам, Исай, не помнил. Мозг мальчика отказывался воспроизводить трагические события тех дней. Традиции, прививаемые Исаю в новой семье, очевидно, отличались от тех, которым следовали у него дома. Способствовала постепенному восстановлению картинок из памяти паренька местная детвора, которая отчего-то называла его еврейским отродьем.

В пятнадцать лет Исаю захотелось самостоятельности. Он убежал из приютившего его дома и в надежде заработка пешком добрался до Маджалиса. В то время именно это селение привлекало многих молодых людей возможностью заработать, оторвавшись от родительской опеки. В Маджалисе он снял комнату, поселившись не в кумыкской, как можно было предполагать, а в еврейской его части. Пользуясь небольшим набором привезенных с собой инструментов и материалов, Исай открыл мастерскую.

Дело пошло практически сразу, и вскоре местная община горских евреев осознала, что получила в свое распо-

ряжение работающего и умного кустика-мастерского, а си-нагога — обязательного и щепетильного в вопросах веры прихожанина.

Не прошло и полутора лет, как Исай женился на местной девушке, дочке лавочника, владельца арендованных им жилища и помещения мастерской. В 1845 году у молодых родился сын, названный ими Эсефом, а впоследствии — две дочери Динор и Турунж.

Летело время, дела в мастерской шли хорошо. Исай начал постепенно привлекать своего подросткового сына к процессу изготовления и ремонта повозок, радуясь его успехам и сообразительности. Во второй половине 1860-х годов в состоянии дел отца и сына наметился значительный положительный скачок.

*Арабесохтегорью*¹ или *черхсохтегорью*² — так называли семью ремесленников из Тубенаула. Они продолжали увеличивать свои доходы, нанимая новых работников и расширяя производство. Этому удачно поспособствовало несколько причин.

Первая — исчезновение в 1866 году производителей-конкурентов из селения Шиляги в результате очередного (третьего по счету) восстания населения, на этот раз против реформ местного управления в Кайтаго-Табасаранском округе. Мятеж поддержали и в других селениях. В результате село Шиляги было уничтожено оперативно мобилизовавшимися для отпора повстанцам подразделениями царской армии. Инициаторы бунта были повешены, оставшееся население было депортировано в Херсонскую губернию³.

---

¹ Арабесохтегорью (мн. ч) — производители повозок. Арабесохтегор — то же слово в единственном числе (*перевод с джуури*).

² Черхсохтегорью — производители колес (*перевод с джуури*).

³ По иным сведениям — в Архангельскую губернию (С.М. Зубаилов «История Кайтага», см. Список литературы).

Вторая причина — улучшение качества используемых материалов и производимых работ.

Третья и наиболее существенная причина — резкий рост объема строительства автомобильных дорог в Дагестане.

В 1870-х годах предприятию Исая и Эсефа стало тесно в Маджалисе. К тому же им уже было что предложить военным и состоятельным гражданам — экспериментальную, современную на их взгляд, двухосную (четырёхколесную) телегу на конной тяге. Пытаясь проникнуть в тонкости производства, отец с сыном изучали существовавшие к тому времени образцы колесной техники — тайно посещали мастерские, в том числе в Баку и Тифлисе, подетально изучали обозные повозки расположенного в урочище Дешлагар *83-го Самурского пехотного полка*¹.

Кожаный удлинённый саквояж с чертежами был постоянным спутником Эсефа в поездках. Молодой человек умел не только читать чертежи, но и мастерски набрасывал их на бумаге, обучившись этому у специально нанятого тифлисского инженера.

Возникла необходимость в новой производственной площадке с совершенно иным технологическим процессом и большими денежными вложениями. Мастерские в Маджалисе не были приспособлены для становления нового производства и выглядели в глазах Эсефа архаичными.

Уже имея торговых партнеров на юге — в Дербенте, для запуска нового производства отец с сыном обратили свои взоры на север — быстроразвивающийся, ставший недавно городом, областной административный центр Темир-Хан-Шура. Такие молодые города, как Темир-Хан-Шу-

---

¹ 83-й Самурский пехотный полк — воинская часть Русской императорской армии. Сформирован в 1845 году, в 1864 году получил свое наименование, а в 1871 полку присвоено имя Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича. Во время революции 1905 года постоянно дислоцирован в урочище Дешлагар.

ра и портовый город Петровск, в то время в отличие от Дербента имели налоговые льготы как для торговых, так и для мастеровых, были весьма привлекательны для переселенцев. Население этих городов, состоявшее изначально из военнотружущих гарнизонов соответствующих оборонительных крепостей, росло не столько в результате естественного прироста, сколько за счет людей, прибывших из губерний европейской части России, Кавказа и *Привислинского края России*¹, среди которых было немало евреев.

Изначально сообщество города Темир-Хан-Шура в основном составляли русские — члены штаба командующего войсками, офицеры, солдаты и служащие Апшеронского полка, значительный медицинский персонал. Позже здесь стали селиться армяне, евреи, персидско-подданные, к концу XIX века стали обосновываться кумыки из близлежащих селений. На основании положения об управлении Темир-Хан-Шурой от 1867 года всем евреям в городе были предоставлены те же льготы, что другим народностям. Остались в Дагестане и многие солдаты-евреи, служившие на Кавказе в период его покорения. Согласно статистике по Закавказскому краю за 1886 год, в Темир-Хан-Шуре проживало 2 579 человек постоянного населения, из которых 35 % евреев. В 1890-х годах европейским евреям запретили здесь поселяться, и к переписи 1897 года, несмотря на некоторый рост в количестве, вышеуказанное соотношение снизилось до 13 %.

Исай уже давно просчитывал возможности переселения своего сына в обустроенный русскими военными город. Его усилиями Эсеф уже много лет как был помолвлен с дочерью проживающего здесь крупного садовладельца, своего партнера и кунака, уроженца Аварского округа

---

¹ Привислинский край России — область в Центральной Европе; до 1867 года десять губерний Царства Польского входили в состав Российской империи.

Захарьи. Прежде чем устроить свадьбу, отец с сыном приобрели участок земли под дом для будущей молодой семьи и начали его строительство. Одновременно они арендовали в администрации города землю под мастерские.

Процессы производства всевозможного типа повозок настолько занимали Эсефа, что невесте, которую засватали ему в ее тринадцатилетие, пришлось еще долгие годы после созревания ждать свою свадьбу, выплакивая ведра слез и наблюдая изнутри за воротами отцовского дома. Это едва не привело к серьезному скандалу между *габилео*¹, являвшимися, как указано выше, кунаками. Несмотря на неуравновешенный характер будущего тестя, многочисленные домыслы и нападки домочадцев с обеих сторон, свадьба наконец состоялась. Жениху к тому времени было за тридцать, а невесте двадцать три года. Девушку звали Зоов.

В 1877 году Исаем был заключен первый контракт с военным ведомством на производство простой двухосевой обозной повозки для одинарной конной тяги с деревянными колесами, обитыми металлическим ободом. Предложенная им в конкурентной заявке стоимость повозки была на 30 % меньше, чем у ближайших участников. К тому же в пользу принятия положительного решения отвечающему за итоги конкурентной борьбы чиновнику через доверенное лицо была передана немалая сумма. В первый год Исай должен был поставить 50 повозок по твердой цене, каждый последующий год — по 70 повозок (330 повозок в целом по контракту).

Выполнение этих обязательств вынуждало отца и сына полностью сконцентрировать свои усилия на производстве обозных повозок. Производство и продажи одноосных арб были полностью доверены зятю Исаю и Эсефу, мужу Динор

---

¹ Габилео — сваты (перевод с джуури).

Пинхасу, который оставался за главного на производстве в Маджалисе.

Итак, дело отца и сына процветало, и виделись перспективы его дальнейшего роста. В то же время на Дагестан направили свои взгляды фабриканты и из других частей империи. Требовалось все больше и больше повозок для военных целей, увеличились требования к их качеству. Открылись другие производства на территории области, и они обеспечивались заказами гражданских лиц и военного ведомства.

Был востребован и общественный транспорт — брички, дрожки, тарантасы, дилижансы и фаэтоны. Усилилась конкурентная борьба, вследствие чего появились и первые жертвы стремительного успеха.

Рабочую площадку удачливых туземных мастеровых все чаще стали проверять представители городского управления. Посмеиваясь над убожеством производственной базы и внешним видом производимых повозок, ответственные мужи угрожали запретительными мерами и предлагали между делом продать мастерские приближенным им фабрикантам по сходной цене.

Отец с сыном всегда держали ответ. Но разве могли еврейские мастеровые из Маджалиса с десятком наемных работников конкурировать с фабрикантами из центральных областей России, положение которых при местных властях было весьма значительным?!

Первым ребенком супружеской пары Эсефа и Зоов был мальчик. Однако Эсеф его даже не увидел. Ребенок у Зоов, отосланной рожать к свекрови в Маджалис, родился с пороком сердца. Покричав несколько минут в этом прекрасном мире, мальчик внезапно замолк. Все старанья повитухи и обеих бабушек ребенка вернуть младенца к жизни результата не дали. В тот же день, еще до того как Эсеф узнал о несчастье, новорожденного похоронили.

Через месяц после смерти внука покинул этот мир пятидесятичетырехлетний Исай. Все заботы о мастерских легли на Эсефа.

Только взаимопонимание и крепкая любовь Эсефа и Зоов, а также рождение у супругов через полтора года дочери не позволили семье распасться. Роды на этот раз проходили в Темир-Хан-Шуре, а принимал их многоопытный акушер. Ребенок, несмотря на полный девятимесячный срок беременности, был крохотным, как котенок. Под присмотром врача, а затем и осчастливленных родителей, девочка уже к трехмесячному возрасту догнала своих сверстников: обрела нормальный вес. Теперь у Эсефа, помимо работы, появилось еще одно увлечение — дочь Ёфо. Жизнь добавила все еще молодому отцу много новых ярких красок. Эсеф мечтал вырастить и обучить свою малютку так, как это делают в семьях состоятельных русских военных. Его нежные чувства к дочери и поэтому желание чаще быть дома порой перехлестывали тягу к активной работе.

На производстве к тому времени произошел некоторый спад. Не все удавалось из-за различных препон: законодательных правил, чванства чиновников, а также откровенной неприязни к евреям. Но, как и прежде, деньги решали немало вопросов, и Эсеф пользовался этим ресурсом. Однако в той мере управляться с делами, как отец, у него не получалось. Необходимо было продлевать ряд контрактов. Тратились большие деньги и на взятки, и на улучшение конструкции повозок, тем не менее эти усилия не приводили к прежним результатам. В это время молодому фабриканту очень не хватало поддержки отца. Единственным человеком, кто ему реально помогал и поддерживал, был его друг и зять, муж Динор, Пинхас. Впрочем, последний не мог надолго оставить Маджалис.

Усугубило положение Эсефа и то, что после убийства народовольцами в 1881 году царя Александра II последо-

вала волна еврейских погромов в ряде областей и губерний Российской империи. Вступивший на престол Александр III издал в 1882 году «майские правила»¹. Новый император, как отмечал советский историк Петр Зайончковский, испытывал «зоологическую ненависть к евреям», его личный антисемитизм поддерживался его ближайшим окружением. Результатом стало резкое ужесточение политики по отношению к евреям во всей империи.

Осенью 1884 года администрация города отказалась продлевать истекающий к концу года договор аренды участка земли, на котором располагались мастерские. Эсеф не смог оперативно договориться о переносе производства в другое место на территории города. Перенос мастерских в сельскую местность, впрочем, как и переселение евреев из города в село, был запрещен «майскими правилами». В конечном итоге работа в мастерских была остановлена.

Переживания Эсефа вылились в конфликт с новым арендатором производственного участка, на котором располагались его мастерские, фабрикантом, отставным офицером царской армии армянского происхождения. Тот безапелляционно настаивал на продаже или сдаче ему в аренду имущества мастерских за бесценок. В одно из посещений территории мастерских Эсеф был избит близкими людьми фабриканта, да так, что еле остался жив.

Пока мужчина отлеживался, дело его жизни, родовое ремесло так или иначе перешло в руки к вышеозначенному

---

¹ Майские правила «О порядке приведения в действие правил о евреях» — нормативный документ комитета министров Российской империи от 3 мая 1882 года. Документ резко ограничивал права еврейского населения и фактически стал поворотным пунктом имперской политики в отношении евреев после реформ Александра II. Временные правила менялись по мере желаний центральных властей и были отменены лишь после Февральской революции Временным правительством России.

фабриканту, отставному поручику, пользующемуся благо-склонным отношением властей. Недовольство и жалобы в городскую управу, составленные стряпчими, ни к чему не привели. У территории, на которой размещались мастерские Эсефа, был новый законный арендатор.

Несмотря на мольбы и уверения Зоов не связываться, о том, что это добром не закончится, что у них дочь, которую надо еще вырастить, Эсеф решил подкараулить своего обидчика и высказать ему все о наболевшем и намекнуть о том, что дело, которое тот так подло получил в свои руки, не принесет ему счастья. По факту же пылкая речь туземного еврея не произвела желаемого впечатления на оппонента. Тот только отмахнулся от него, как от назойливой собаки, что привело Эсефа в бешенство. Разъяренный мужчина схватился за кинжал и, догнав удаляющегося от него фабриканта, попытался пронзить ему сердце. Однако тот резким движением увернулся и, забежав на территорию мастерских, закрыл за собой ворота. В ту же минуту оттуда вышло несколько подручных беглеца, которые градом ударов сокрушили Эсефа, повалив бедолагу на землю, а затем забили его палками до полусмерти. Особо преуспел в этом и неслучившийся потерпевший. Удостоверившись в своей безопасности, тот вышел из-за ворот и несколько раз с силой ударил лежащего без чувств мужчину. В довершение он ткнул Эсефа твердой подошвой сапога по лицу.

Измученный и изувеченный мужчина пролежал на земле несколько часов. Двое ранее работавших у несчастного подмастерьев едва узнали в нем бывшего хозяина: лицо было разбито и истекало кровью. Они отвезли его домой. На этот раз Эсеф не выжил.

Сразу после случившейся трагедии группа возмущенных расправой представителей горско-еврейской общины направилась в распоряжение генерал-губернатора. Это привело лишь к тому, что к ним вышел один из офицеров в зва-

нии штабс-ротмистра, заверивший, что областные власти и так делают достаточно много, чтобы оградить горских евреев от новых законов, касающихся ограничений в правах российских евреев в целом. Для убедительности он зачитал выдержки из «майских правил».

— Где это видано в России, чтобы евреи с ножами напали на военнослужащих и мирных предпринимателей?! — возмутился офицер, подняв вверх указательный палец. — Этого мы терпеть не будем! Вам понятно? Кому непонятно?

Толпа продолжала возмущенно гудеть, но никто не решился выйти вперед и высказать нагловатому молодому офицеру, наверняка не нюхавшему пороха на войне, все что думает.

Щепетильное расследование с целью выявления и наказания виновных в убийстве, инициированное тестем Эсефа Захарьей, имевшего связи в городской администрации, к аресту кого бы то ни было не привели. Главный подозреваемый, отставной поручик артиллерии, явился в суд в мундире, на котором, помимо нескольких медалей, красовался *орден Святого Георгия*¹ IV степени. Он с высокомерием и некоторой брезгливостью поглядывал на присутствующих в зале суда представителей местной горско-еврейской общины, несмотря на то что некоторые из них были одеты по-европейски безупречно.

С помощью двух свидетелей из своего окружения подозреваемому удалось уйти от ответственности. Он утверждал, что лишь защищал себя от нападения неадекватного на тот момент человека, глубоко ущемленного неотвратимым

---

¹ Орден Святого Георгия — высшая военная награда в Российской империи. Вручается за отличия в военных подвигах. Учрежден Екатериной II в 1769 году. Девиз «За службу и храбрость». Орденом Святого Георгия IV степени награждали также за выслугу лет (примерно 3/4 от всех награждений).

фактом потери арендуемого им ранее участка городской земли. К делу были приложены документы, подтверждающие законность аренды участка, переданного городской администрацией новому арендатору на основе соответствующей процедуры.

По настоянию Захарьи и его дочери, молодой вдовы Зоов, похороны Эсефа состоялись на городском еврейском кладбище Темир-Хан-Шуры. Необходимость отомстить за смерть хорошего человека, мужа, хозяина большого дела, читалась во взглядах большинства собравшихся мужчин, а особенно Захарьи. За отсутствием мужчин, прямых родственников покойного, *кадиш*¹ за своего друга и шурина читал Пинхас. Ему казалось, что именно в нем все видят человека, кто должен свести счеты с убийцей Эсефа.

Дома в Маджалисе и остатки имущества покойного арабесохтегор в Темир-Хан-Шуре унаследовали его вдова Зоов, малолетняя дочь Ёфо и тесть Захарья. Последний пытался выжать все возможное из наследства зятя, в том числе из недвижимости в Маджалисе. Он даже и не думал восстанавливать процесс производства. В распродаже ему помогал Пинхас. Захарья полагал, что друг его покойного зятя весьма полезен для этого, так как лучше всех знает реальную стоимость продаваемого имущества. Однако через год с небольшим незаметно для посторонних глаз фабрикант передал нераспроданные остатки наследства в столице и производственный участок в Маджалисе в собственность Пинхаса. Для этого у него, по всей видимости, были серьезные основания.

---

¹ Кадиш — одна из самых известных молитв в иудаизме. Это прославление святости Всевышнего, Его могущества и признание справедливости Его дел. Молитва, выражающая стремление к конечному избавлению и спасению, читается ближайшим прямым родственником усопшего в течение 11 месяцев после смерти, а далее — ежегодно в годовщину смерти.

Глава 1.2. Супруг

Пинхас был сыном батрака *Ошира*¹, имевшего крохотный надел земли. Мать его умерла рано, отец постоянно работал, поэтому целыми днями мальчишка был предоставлен самому себе. Главным развлечением и самой жизнью для Пинхаса была улица, где он ошивался с утра до ночи. Вокруг него собралась группа ребят, которым было интересно находиться под его покровительством. Их было семеро, и еще двое «голоштаных», как их называли местные обыватели, были на подходе — хотели стать членами этой группы, но пока не проходили по возрасту. Сегодня ребята купались на речке, завтра наведывались в чей-то сад и опустошали фруктовые деревья, следующий раз палили из рогаток по воробьям, дрались между собой или глумились над мальчишкой, не состоявшим в их группе. В драках определялась дворовая иерархия.

С раннего детства Пинхас отличался дерзким бескомпромиссным характером. При малейшей, как ему казалось, несправедливости к себе или же в адрес его отца, он ввязывался в драку, а, несколько повзрослев, брался за кинжал и совершенно не робел перед большими размерами или возрастом обидчика. До убийств, слава Богу, не доходило: соперников либо разнимали, либо их останавливала первая пролитая кровь.

Ребята из более-менее состоятельных семей общались в основном по своим домам, проводя игры преимущественно во дворах и садиках. В своих забавах они не позволяли себе воровства чужого имущества и хамского обращения.

---

¹ Ошир произошло от танахического «Ашер» — второго сына Иакова и Зилпы — или слова «ашир», означающего, в зависимости от написания через букву «аин» или «алеф» соответственно, «богатый» или «счастливый».

В одной из таких групп ребят, насчитывающей пять мальчишек, лидером был Эсеф, брат Динор.

Несмотря на различия в достатке семей, в большинстве своем детские игры были одинаковыми. Например «Война», где группа русских солдат и генералов, с одной стороны, пытается обнаружить и пленить Шамиля. Подданные последнего, отражая атаки русских, пытаются, в свою очередь, обманом завлечь тех в ловушку и уничтожить. Важно было хорошо спрятаться и, застав в определенный момент противника врасплох, застрелить его из воображаемого оружия, крикнув тройное «Туф! Туф! Туф!». Иначе, в очередной раз укрывшись, противник мог сослаться на то, что это всего лишь ранение, и самостоятельно открыть воображаемую стрельбу. Пинхас и его команда использовали в игре рогатки. В этом случае было значительно легче определить проигравшего.

Практиковались также пикировка деревянными палками и единоборства, в которых проигравшим признавался тот, кого укладывали на лопатки.

Одной из популярных была игра в лямки — многократное подбивание ногой, чеканка кусочка овечьей или козлиной шкуры, отягощенной железом или свинцом. Суть ее заключалась в неоднократном подбрасывании лямки легким ударом ноги вверх и недопущении ее падения на землю. Тут использовались разные приемы вертикальной чеканки в зависимости от сложности подвыподверта ног, что значительно увеличивало результаты игроков. Победители набивали до ста и более очков.

Но самой популярной среди мальчишек была игра в *альчики*¹. Почти у каждого из ребят была своя коллекция,

---

¹ Альчики — серия популярных игр среди мальчиков Кавказа, Средней Азии и Монголии. Альчик — это название кости коленного сустава овцы или барана. Простые альчики (простушки) ценились в

к которой было трепетное отношение. Вариаций у игры было много, дополнительных правил немерено. Проигравший лишался своего альчика в пользу победителя.

До определенного времени ребята из разных групп мальчишек расходились при встрече, только подтрунивая друг над другом. Впрочем, столкновение групп и очная встреча лидеров были неизбежными, когда дети из благополучных семей стали по одному подвергаться избиениям со стороны босяков, получать болезненные ушибы от стрельбы из рогаток.

В группе Эсефа понимали, что в драке все на всех их, очевидно, ждет неудача, поэтому на своем совете они решили подстеречь Пинхаса, когда тот будет один и устроить ему *темную*¹. Так и сделали. Незаметно, не выдавая своих намерений, они окружили паренька и набросили на него мешок. Затем обвязали пойманного врасплох бельевой веревкой и притащили в сад одного из ребят.

Привязав Пинхаса к стволу тутового дерева, мальчишки сняли с него мешок. Все время до этого он ругался отборными матюгами и бранился на всех известных ему языках — русском, джуури и кумыкском.

Увидев сразу четырех своих обидчиков, Пинхас злобно сплюнул и выругался. Ребята молча наблюдали за пойманым лидером босяков — грозой всех ребят еврейской слободки Маджалиса. Когда Пинхас выпалил все угрозы и немного успокоился, к нему подошел Эсеф и, присев на

зависимости от своего размера и веса. Кроме простых, были особенные — биток, сочка, заточка или лобан. Лобаны отличались большими размерами и весом, их расsverливали и заливали в них свинец, чтоб они были еще тяжелее и при игре вставляли на определённую сторону. Без сомнения, альчики развивают глазомер, ведь ими нужно умело метать и попадать в другие с далекого расстояния.

¹ Устроить темную — избивать кого-либо, набросив на голову мешок, одеяло и т. п., чтобы жертва не могла узнать, кто это делает.

поднесенный одним из ребят срубленный пенек, пристально посмотрел на подростка.

— Знаешь, как меня зовут? — нарочито сухо спросил Эсеф.

— Пошел ты... — ответил Пинхас, глядя противнику в глаза.

— Я — Эсеф, сын мастерового арабесохтегор. А это мои братья Ёся — внук нашего уважаемого рабби Исроила, Рувим — внук мельника Рувима, Семен — сын хозяина базара Равоши, Зоволу — сын скорняжного мастера Хизгила. Я и все они достаточно миролюбивые ребята, и у нас есть много интересов, и, сказать по правде, мне надоело, что какой-то шакал наподобие тебя считает возможным доставлять нам неприятности.

— Ты уже мертвец, урод! — процедил сквозь зубы Пинхас.

— Да? Я — мертвый урод? Скорее, ты им сейчас станешь. А ну-ка, Семен, возьми лопату и хорошенечко приложись по нему для ума.

Семен, нехотя взяв лопату, подошел к сидящему на земле привязанному пленному и в недоумении смотрел то на Эсефа, то на Пинхаса.

— Ну что, Сема, давай! — настаивал Эсеф. — Или ты уже простил ему постоянные подстрекательства на улице, воровство, унижения, тычки, кидание камней, стрельбу в тебя из рогаток?!

— Я не могу! Не могу ударить живого человека! — выпалил Семен и отбросил лопату.

— Может быть, вы, ребята, сможете? — обратился Эсеф к Рувиму, Ёсе и Зоволу.

— Не, я не смогу. Эсеф, давай отпустим его, и пусть идет на все четыре... — предложил Рувим, самый старший из ребят. — Это же человек, хотя и наш враг. Мне

не так уж и досталось от них, чтобы взять и ударить его лопатой.

Самый младший из ребят Ёся в ужасе смотрел на Эсефа, предполагая, что спрос теперь с него.

Эсеф оглядел ребят и произнес:

— Тогда мне придется ломать этого парня.

Эсеф взял лопату, подошел к связанному, размахнулся и... разрубил веревки, стягивающие его тело к дереву. Также он помог снять веревки с его рук и ног.

Освободившись от пут, Пинхас сразу же напал на обидчика с кулаками. Эсеф, хотя и являлся его ровесником, был значительно выше и весил раза в полтора больше. Длина его рук и ног не позволила щуплому Пинхасу добраться до его лица. Один из ударов ногой свалил недомерка на землю. Эсеф сразу же набросился на Пинхаса, сев на грудь и удерживая его кулаки от ударов. Когда Эсефу надоели попытки соперника нанести удар, он встряхнул его за плечи и, приподняв, бросил о землю. Ошарашенный парень несколько притих, однако через несколько мгновений привстал и, сыпля проклятьями, побрел восвояси. Так не сделав ни одного удара по лицу соперника, ребята победили неумного бродягу, лидера группы «голоштаных».

Способность ударить человека по лицу так и осталась непреодолимым барьером для Эсефа на всю жизнь, хотя если надо было сделать подобное, рядом всегда находился Пинхас.

Дружба этих ребят началась после следующего происшествия. В один из жарких июльских дней, когда русло Катте сильно обмелело, идея искупаться в более глубоком рукаве реки Уллучай с небольшой отмелью пришла сразу и ребятам Пинхаса, и кумыкским детям, считающим этот пляж своим. Последним не понравилось, что евреи купаются на их месте, и они стали оскорблять их. Слово за слово,

и противостояние перешло в драку, в которой пострадало несколько щуплых кумыкских пацанов. Те немедленно побежали за поддержкой в свою часть села. Когда Пинхас с ребятами искупались и собирались уходить, их практически окружили с десятков пацанов. К тому времени по оврагу вниз для купания спускались и Эсеф с друзьями. Видя, что парни Пинхаса вступили в драку, эти ребята не развернулись, чтобы немедленно уйти восвояси, а, не долго раздумывая, поддержали своих, присоединившись к потасовке. Многие пострадали, и могло бы быть еще хуже, если бы не вмешалось несколько случайно оказавшихся здесь взрослых с обеих сторон. Парней разняли и отправили по домам. Тут-то по возвращении с кровоподтеками и ссадинами на лицах и телах, воодушевленные противостоянием, кто в трусах, кто голышом еврейские подростки подружились, а Пинхас и Эсеф стали друзьями навсегда.

С возрастом у Пинхаса все больше проявлялось стремление к знаниям. Он во что бы то ни стало хотел вырваться из нищеты, в которой находились и он, и его отец. Поддержка пришла со стороны Эсефа, предложившего Пинхасу так же, как и он сам, овладевать ремеслом производства арб.

Пинхасу легко удавалось найти подходящую древесину в богатых лесах Маджалиса, договариваться на выгодных условиях с ее хозяевами о вырубке, замачивать, выгибать и выдерживать пиленные древесные заготовки до доведения их до необходимой формы. Постепенно выросло благосостояние его семьи. Парень смог восстановить провалившуюся кровлю своего дома, и у него появились собственная обувь и одежда. Понимая значение, которое на его жизнь оказывает Эсеф, и помня, чем ему обязан, Пинхас в любой ситуации был за него стеной.

Эсефу же Пинхас нравился как человек с набором качеств, которых, возможно, не доставало ему самому. Он был

в восторге от напора, храбрости, бескомпромиссности и, наконец, абсолютной преданности своего друга.

До двенадцати лет Динор ни разу не видела Пинхаса или же не обращала внимания на вечно находящегося с ее братом парнишку, хотя и знала, что Эсеф очень дорожит дружбой с ним.

В то время когда Динор уже исполнилось двенадцать лет, в отсутствие родителей Эсеф привел друга в свой дом и позвал сестру в кунацкую. Та вышла в гостиную, не подозревая о присутствии постороннего и напевая веселую песенку. Увидев Пинхаса, девушка опешила и, зардевшись как наливное яблочко, бросилась обратно за дверь.

— Ну как тебе моя сестра? — серьезно спросил Эсеф.

— Нормально, — ответил Пинхас.

— Женишься на ней?

— Она же еще маленькая. Да и мне пока рано.

— Я же не говорю тебе сейчас прямо жениться. Через несколько лет, когда вы к этому будете готовы. А то, знаешь, отец засватает ее за кого-то постороннего.

— Хорошо. Я согласен, — ответил Пинхас.

— Что это «я согласен»? Это не шутки!

— Я и не шучу, — заявил Пинхас, глядя в глаза другу.

— Дай пять, брат, — привстал Эсеф и протянул руку Пинхасу. Друзья скрепили договор мужским рукопожатием.

Вечером того же дня за ужином Эсеф в присутствии всех домочадцев сказал:

— Папа, Динор выйдет замуж только за моего друга Пинхаса.

— Кто это решил? — спокойно спросил отец.

Мать только руками развела, глядя поочередно то на мужа, то на детей.

— Папа, прости, но лучшей кандидатуры для нее я здесь не вижу. К тому же он мой друг.

— Ты что, сестру опозорить хочешь, подлец? — отец ударил кулаком по столу. — Ты кто такой, чтобы решать такие вопросы? Никаких босоногих и голоштаных в моей семье не будет!

— Отец, он не босоногий и не голоштаный — ты же сам видишь. Он одевается получше меня.

— Не будет этого, и точка! Понял меня?

— Отец, поверь мне, такого преданного нашей семье парня ты никогда не найдешь. И я не найду, — произнес Эсеф и покинул кунацкую.

Впрочем, умение Пинхаса работать не ушло от сметливых глаз Исая. К тому же этот юноша, первый раз надевший собственную обувь в десять лет, став зарабатывать, предпочитал всегда выглядеть с иголки и относился к своей внешности крайне ответственно. Это не могло не радовать работодателя. В тринадцать лет паренек значительно вытянулся в росте, почти догнав своего друга. Примеров преданности Пинхаса Эсефу и их семейному бизнесу было много.

Когда Динор исполнилось восемнадцать, Исай выдал ее за Пинхаса. Благодаря своему трудолюбию и самоотдаче юноша твердо встал на ноги, построил для своей будущей невесты дом, приобрел для нее украшения, одежду и обувь, а также дал за нее достойный *рэхьпули*¹.

Ко времени женитьбы своего друга Эсефа у Пинхаса с Динор было уже трое детей: в 1870 году родился долгожданный ребенок — дочка Мельке, затем сыновья — Манашир и Азарья. Дети росли, радуя своих отца и мать, в то время как у Эсефа пошла черная полоса как в бизнесе, так и в личной жизни. В 1879 году в младенческом возрасте умер его первенец, затем и отец. Последующее радостное

---

¹ Рэхьпули — выкуп, уплачивавшийся родителям или родственникам невесты (*перевод с джуури*).

событие — рождение дочери — было недолгой отсрочкой перед очередными неприятностями. Дело жизни Эсефа и его отца в результате интриг между властями и приближенными к ним людьми перешло в чужие руки, а самого фабриканта ожидала насильственная смерть.

Желание отомстить за смерть друга преследовало Пинхаса около года, не позволяя в полной мере отдаваться работе и семье. Убийца был хорошо известен, и его расправа с Эсефом не оставляла ему шансов остаться в живых, даже если Пинхасу пришлось бы отбывать каторгу.

И он отомстил. В течение года мужчина нередко выезжал в Темир-Хан-Шуру, ссылаясь на необходимость помочь тестю покойного друга Захарье с разбирательствами в тяжбах, распродажей оставшегося за прежним хозяином имущества мастерских. Уезжая, Пинхас всегда предупреждал Динор, что, кто бы ее про него ни спрашивал — он на лесозаготовках. Эти поездки ему были необходимы для тщательного анализа перемещений убийцы его друга, нового владельца участка по производству колесного транспорта, поручика в отставке Казарьянца Ариса Рубеновича. При этом Пинхас никого не привлекал для наблюдений и слежки.

Через некоторое время он заметил одну из привычек убийцы: по средам тот посещал дом терпимости, расположенный в двух верстах к северу от городских оборонительных укреплений — подальше от добропорядочных семейств военных и служащих этого молодого города. Заведение имело немало клиентов из числа военных, гражданских и служащих, его услугами также пользовались местные купцы и помещики. Здесь размещались сад с трактиром и доходный дом с десятками обслуживаемых кабинетов.

Ездил сюда Арис обычно один на быстрой пролетке, сам справляясь с упряжью. Один из участков пути, про-

ходящий по мосту над пересохшей речушкой, ранее уже заслужил печальную славу и назывался «Пьяная балка». По нему, практически не снижая скорости, проезжали мужчины, алчущие нежных утех. Здесь, на выезде с моста, в тени ивового дерева Пинхас и устроил засаду.

Когда пролетка вступила на мост, мужчина натянул рогатку с приготовленной на этот случай галькой размером с крупную ружейную картечь и молниеносно несколько раз подряд выстрелил, целясь в морду галопирующей лошади. От неожиданности и внезапной боли лошадь вместе с пролеткой понесло с моста. Судьба седока на козлах была практически предрешена. Он ничего не мог изменить, слетев с высоты в несколько саженей и ударившись всем телом о каменистое дно реки. Лошадь же нашла силы подняться. Прикрепленная к оглобле с повернутой набок пролеткой, она продолжила путь по высохшему руслу.

Той же ночью, а вернее под утро, Пинхас с низко опущенным на лицо башлыком окольными путями вернулся домой. Через пару дней в ворота его дома настойчиво постучали. Это были жандармы. Обыскав дом, они препроводили Пинхаса в повозку и увезли в столицу области.

Мужчина вернулся через неделю. По внешним признакам Динор поняла, что мужа подвергали пыткам. Только на годовщину смерти Эсефа Пинхас признался супруге в том, что это он отомстил убийце ее брата.

Переданного Захарьей нераспроданного имущества мастерских Эсефа не хватило Пинхасу для возобновления производства, однако часть его была использована им для ремонта подержанных повозок и применялась в процессе обработки древесины. Это и поддержало семью Пинхаса, позволило достойно жить и дать образование детям.

Глава 1.3. Дочь

Рождение первого ребенка, дочери, было радостным потрясением для Пинхаса. Он постоянно брал ее на руки, улюлюкал, расцеловывал и тискал ее щечки, говорил ей ласковые слова. Она для него была настоящей принцессой, правительницей его сердца, ангелом, поэтому гадать с выбором имени не пришлось. Ее назвали *Мельке*¹.

Пинхас хотел видеть свою девочку в будущем как исключительно светски воспитанную красавицу с хорошими манерами, хорошим знанием русского и иностранных языков, достойным образованием. С этой целью он с восьми лет оплачивал ее обучение в *Темир-Хан-Шуринской женской прогимназии*² с проживанием на частной квартире, которую ему посоветовали в указанном учебном заведении. Это был своего рода пансион — здесь в отсутствие противоположного пола проживало еще две учащиеся прогимназии. Затраты Пинхаса на образование дочери составляли от шестидесяти рублей в год, что являлось немалыми средствами. Но молодой отец шел на это, потому что считал, что его дети, в отличие от него самого, должны получить образование, которое позволит им быть уверенными в своем будущем.

По окончании прогимназии Мельке продолжила свое обучение в том же учебном заведении, преобразованном

---

¹ Мельке — женское имя у горских евреев, «царица» (*перевод с джуури*).

² Темир-Хан-Шуриновая женская прогимназия — учебное заведение, преобразованное Александром II из Темир-Хан-Шуриновой бесплатной школы, утвержденной наместником Кавказа Е.И. Воронцовым в 1865 году для бедных девиц. Прогимназия функционирует с 1 сентября 1875 года. Сначала было четырехлетнее обучение. В 1880 году был открыт 5 класс. Первый выпуск прогимназии состоялся в 1878 году в количестве 114 человек. Женские школы в Дагестане открывались в то время в местах дислокации воинских частей и по перемещении воинской части закрывались.

в гимназию. Нередко приезжая в столицу по работе, Пинхас все эти семь с половиной лет посещал свою девочку, радовался ее успехам, делая разнообразные подарки. В шестнадцать лет Мельке окончила обучение, после которого имела право преподавать общие предметы в училищах. Ей очень хотелось этого, но у ее отца были другие намерения: выдать дочку за достойного молодого человека. Впрочем, если бы смертному можно было распланировать человеческую судьбу, то он уподобился бы Творцу или дьяволу.

В 1885 году погиб Эсеф. От маджалисского производства повозок, которое многие годы по поручению трагически ушедшего друга он успешно курировал, Пинхас был отстранен. Это произошло неожиданно быстро и выглядело грубым вмешательством в процесс производства нового собственника, тестя покойного. Последним Захарья интересовался далеко не в первую очередь. Было уволено несколько ключевых работников, отчего застопорилось выполнение заказов. Угадывался настоящий интерес фабриканта — немедленно, но без существенных уступок избавиться от малозначимого для него дела.

Помимо вышеуказанных проблем, Пинхаса не отпускала мысль о мщении за смерть друга, к чему им уже прилагались определенные усилия. На фоне этих событий мужчина упустил развитие отношений между любимой дочерью и неизвестным ему молодым человеком.

Мельке мечтала быть учителем, и такая возможность была. На подготовительных курсах в *Темир-Хан-Шуринском реальном училище*¹, которые девушка посещала втай-

---

¹ Темир-Хан-Шуринское реальное училище — шестиклассное образовательное учреждение. Открытое 8 сентября 1880 года, оно было первым и единственным до 1897 года средним учебным заведением Дагестана. Организовано на базе горской школы в составе трех классов, которая была учреждена на основании устава горских школ, утвержденного Александром II 20 октября 1859 г., с целью «распро-

не от отца, подготавливали преподавательский состав для женских учебных заведений.

В один из вечеров после окончания уроков девушка немало замешкалась, прогуливаясь по недавно посаженной новой липовой аллее города.

— Иди сюда, красотка, — услышала она грубый голос со скамейки.

Мельке принялась бежать и тут же услышала за собой топот нескольких пар ног. Она была очень напугана.

— Спасите! — кричала она, понимая, что ее уже догоняют.

Впереди нее остановился мужчина. Мельке шарахнулась и от него. Однако молодой человек прошел за ее спину, и между ним и бежавшими за девушкой хулиганами, очевидно, началась драка. Не желая оглядываться, Мельке добежала до квартиры и, дрожа от холода и страха, сразу же легла спать.

На утро девушка узнала, что на новой аллее нашли молодого человека с пробитой головой, которого прохожие увезли к местному знахарю¹. Вспомнив о вчерашнем происшествии, Мельке почувствовала себя виноватой и решила посетить своего спасителя. Да, это был он — вступившийся за нее парень. Молодой человек был без сознания. Он так и не пришел в себя после происшествия. Докумен-

---

странения гражданственности и образования между покорившимися горцами» и «доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средств к воспитанию и обучению детей».

¹ Первая больница в Темир-Хан-Шуре открылась в 1904 году. Два медицинских работника, проживавших в 1880-х годах в городе, не соглашались бесплатно даже осматривать больного. Многие больные просто умирали, не получив помощи. Люди умирали от «болезней живота», огненной болезни, в современном понимании — это инфекционные, хирургические и другие заболевания. Лечение больных занимались знахари.

тов при нем не нашли. Знахарь, не оказывая ему какой-либо существенной помощи, дожидался закономерного печального исхода.

Искренне жалея парня, Мельке направилась к одному из двух практиковавших в городе местных лекарей. Выглядела она весьма современно и открыто для туземной девушки, чем и расположила последнего к себе. После недолгих уговоров с оплатой обозначенной суммы Мельке, воспользовавшись повозкой лекаря, перевезла подопечного в смотровую, располагавшуюся во флигеле его дома. Осмотрев парня, эскулап заявил о необходимости срочной трепанации черепа. Операция прошла успешно. На следующий день, когда Мельке посетила больного и коснулась его лба, тот открыл глаза.

Извещенный о происшествии вскоре приехал отец молодого человека. Он оплатил все расходы, связанные с операцией и лечением своего сына, и искренне поблагодарил и лекаря, и Мельке. Парень уехал с отцом, не решившись произвести что-либо внятное своей спасительнице.

Прошло долгих три месяца, во время которых Мельке вспоминала молодого человека и даже скучала по нему. Но что она знала о нем? Только то, что он единственный сын какого-то мастерового из Бакинской губернии и зовут его Уста-Курбан.

В феврале 1887 года в дом Пинхаса в Маджалисе пришли гости. Это были Уста-Курбан с отцом. Они постояли во дворе, оглядывая его убранство, пока в воротах не появился хозяин дома, вызванный по этому поводу из мастерской сыном Азарьей.

— Добрый день! — поприветствовал Пинхас, с любопытством оглядывая гостей и не понимая, о чем может идти разговор. — Войдете в дом?

— Спасибо! — ответил на вопрос старший из гостей, на вид крепкий мужчина лет пятидесяти пяти, оде-

тый не в новый, но красиво на нем сидящий горский костюм. — Мы воспользуемся Вашим предложением.

Мужчины преодолели несколько пологих ступенек и вошли в дом. Они сразу же оказались в кунацкой, застеленной табасаранскими коврами, с высоким европейским столиком посередине и несколькими расставленными вокруг него стульями. Стены в кунацкой были увешаны оружием.

— Прощу садиться, — любезно предложил Пинхас.

Гости уселись. Младший из них, молодой человек примерно двадцати трех лет, стараясь не встречаться взглядом с хозяином, растерянно озирался по сторонам. Старший не торопился с разговорами.

— Воды будете?

— Пожалуй, выпью? — ответил старший, принимая протягиваемую Пинхасом чашу.

— А Вы? — обратился к молодому человеку хозяин.

— Нет, спасибо!

Отпив воды и поблагодарив хозяина, старший после некоторой паузы, начал разговор:

— Уважаемый Пинхас! Вас возможно удивляет наш с сыном визит, но, поверьте мне, он не мог не состояться. Меня зовут Яхья. Я мастер-медник из Лахиджа. Мой род уже более ста лет занимается медным делом, и мой единственный сын Уста-Курбан с блеском освоил это мастерство. Он имеет хорошие перспективы, в том числе роста доходов от этого дела. Во всяком случае в его семье будет все: и достаток, и уважение, и любовь.

Пинхасу показался знакомым сюжет разворачивающегося действия. «А не сватовство ли это? — подумал он. — Да. Это определенно сватовство!»

— Всё. Ни слова больше, глубокоуважаемый Яхья! — прервал он мужчину, стараясь не выпячивать своего раздражения от этого разговора. — Ваш сын, я вижу,

здоров и благовоспитан. Но я не выдаю дочь замуж, если Вы об этом. Во всяком случае, мне и в голову никогда не пришло бы отдать ее не за единоверца, и Вы должны твердым умом это понять, уважаемый Яхья.

Пинхас привстал, давая понять, что дальнейший разговор на эту тему невозможен.

Уста-Курбан резко подскочил, однако отец положил на его ладонь свою, давая знак, что беседа еще не окончена.

Пинхас смотрел прямо в глаза то одному, то другому гостю. Через несколько секунд тревожного молчания Яхья произнес:

— Уважаемый, Пинхас! Во-первых, я никуда не уйду, пока Вы меня не выслушаете, поскольку я и мой сын — Ваши гости и я несколько постарше Вас. Во-вторых, я здесь не для того, чтобы просить подаяния. Мой сын два года назад потерял мать, а теперь и голову от любви к Вашей дочери, это сказывается как на его работе, так и на его здоровье.

— Скорблю о Вашей супруге. Но как это возможно? Да нет, это невозможно. И где они вообще могли познакомиться?! — возмущался встревоженный отец девушки. — Моя Мельке учится с утра до вечера и не посещает никаких сборищ. Да если б это было так, я уже знал бы все от нее самой!

— Значит, уважаемый, она не все Вам рассказывает. Они знакомы уже полгода и любят друг друга. А познакомились где? В парке познакомились, вечером.

— Так, уважаемые, я не хочу больше слышать этот бред и прошу вас покинуть мой дом раз и навсегда, — едва не переходя в крик, произнес побагровевший Пинхас.

Гости встали и направились к выходу. Перед тем как выйти за ворота дома, Яхья повернулся к Пинхасу и произнес:

— Ты норов-то свой поумерь, уважаемый, мой род из состоятельных мастеровых, и в нашем роду голодных и ба-траков не было.

— Идите, ради Аллаха! — махнул рукой Пинхас.

— Мы не мусульмане, уважаемый! Ты даже в этом не разобрался! Но хорошо... мы уходим.

— До свиданья, — с сожалением произнес Уста-Курбан.

Завидев выходящих из ворот мужчин, заждавшийся их кучер быстро подогнал пролетку. Они уселись в нее.

— Папа, что же дальше? Похоже, мы все испортили! — сквозь невольню пробивающуюся слезу выронил молодой человек.

— Украдем! — резюмировал Яхья так громко, чтобы за немедленно закрывшимися воротами его расслышал Пинхас, но стая взлетевших в воздух с ближайшего дерева двух-трех дюжин воробьев могла и поглотить его восклицание. — И наш уважаемый кучер нам поможет в этом, правда, дорогой?!

— Почему бы нет! — подыграл разгоряченному неудачей свату полноватый мужчина в форменном картузе.

На следующее утро Пинхас отправил Азарью в сопровождении одного из работников мастерской в Темир-Хан-Шуру. Паренек должен был сообщить сестре о нездоровье отца и необходимости ее немедленного присутствия. Встревоженный глава семейства и вправду неважно себя чувствовал: бессонная ночь вымотала его. К тому же дата, запланированная для мести убийце Эсефа, приближалась.

Азарья с Мельке приехали через день, в канун Шабата. Весь вечер Мельке источала радость, обращаясь глазами за поддержкой то к отцу, то к матери, то к брату, но отец реагировал на все несколько прохладно. После ужина он пригласил дочку на двор.

— Доча, ты знаешь, кто такой Уста-Курбан?! — стараясь быть спокойным, произнес отец, все еще надеясь, что его давешние гости ошиблись адресом.

— Да, — тихо ответила Мельке, отчего-то мгновенно улыбнувшись неожиданно услышанному имени.

— И давно ты с ним знакома?! — глядя прямо в глаза дочери, начал закипать Пинхас.

Мельке поняла, что разговор будет неприятным для обоих. Так отец негодовал только тогда, когда общался с нерадивыми работниками, да и пару раз при поступлении плохих новостей от Азарьи.

— Несколько месяцев где-то... — опустила она глаза.

— Что?! И почему ты мне о нем ничего не говорила? И вообще, где ты могла с ним встретиться, ты же постоянно находишься в женском обществе?

— Вечером в парке, — тихо произнесла девушка. — Он меня спас от хулиганов.

— Ничего не понимаю. Ты была одна в парке вечером.

— Случайно получилось.

— Не понимаю, как можно случайно одной оказаться ночью в парке.

— Прости меня, папа!..

— Я-то тебя прощу, — немного успокоился отец, — но поклянись мне, что больше никогда с этим чабаном ты не встретишься. И вообще, что ты там делаешь в столице?! Учебу ты закончила, пора и домой.

— Он не чабан, папа. Он мне нравится.

— Что?! — побагровел Пинхас пуще прежнего. — Азарья, Динор, а ну-ка идите сюда!

Озадаченные криком главы семьи, его жена и сын вышли во двор.

— Что? Что случилось Пинхас? — взволнованно вопрошала Динор.

— Вы посмотрите на нашу принцессу, на нашу красавицу! — кричал взбешенный мужчина. — Как это возможно, чтобы среди нормального столичного общества, где сотни грамотных молодых людей-евреев, отыскать какого-то грязного чабана и якобы полюбить его наперекор всему, что делал для тебя и чему учил тебя всю жизнь твой отец?!

— *Ай-вой*¹, дочка! Неужели это правда?! — всплеснула руками мать.

Азарья смотрел на разгорающиеся страсти, едва скрывая улыбку, ему хотелось безудержно смеяться. Но он знал, что отец этого не одобрит.

— Дочка, ты, надеюсь, не опозорила своих родителей? — вкрадчиво и с тревогой продолжала Динор.

— Если вы о близости, что возникает между взрослыми мужчиной и женщиной, — заметила Мельке, — то ничего не было.

— И слава Богу, дочка! — воспрянула мать и, посмотрев на реакцию мужа, добавила: — Остальное поправимо.

— Вот, мать, какой ей любви не хватало! Все для нее — с рождения. Любимая дочка! Принцесса! Вот так... — не успокаивался отец.

— Время подошло, Пинхас. Ты в ней все девочку видишь, а она уже взрослая. Семнадцать скоро... — заметила Динор.

— Действительно. Сколько ко мне подходило людей, хотели породниться. Чего я жду? — размышлял Пинхас вслух. — Красивая, образованная, из обеспеченной семьи. Всё, срочно выдадим ее замуж. Пока не наденут кольцо, сиди дома! — жестко наказал он дочери. — Ни шагу из дома, даже за водой!

---

¹ Ай-вой! — горестное восклицание у горских евреев, сожаление. — Ой-ой! (*Перевод с джуури.*)

— Динор, тебе понятно? — обратился Пинхас к жене, направив в ее сторону вытянутый указательный палец.

— Понятно, как не понять, — ответила та.

— Азарья, а тебе все ясно? Сторожишь сестру и днем, и ночью. Не будет слушать — бей, я разрешаю.

— Хорошо, папа. Давно мечтал лопатой по ее спине пройтись, — ехидно заметил десятилетний паренек.

— Азарья, это не шутки. Судьба твоей сестры решается, — шлепнул отец сына по затылку.

Все это время Мельке молчала. Ей казалось, что все это происходит не с ней, а в глазах виделся образ любимого молодого человека — Уста-Курбана.

Все предпринятые меры и работа с маджалисскими свахами по определению более достойного кандидата в мужа для Мельке к результату не привели. Через два месяца после появления здесь непрошенных гостей-сватов она была похищена любимым человеком и его друзьями.

Группа молодых людей обосновалась в соседнем селе Ахмедкенте у одного из знакомых, который время от времени подрабатывал у Пинхаса столяром. Тот и сообщил будущим похитителям о дате отъезда отца семейства в Темир-Хан-Шуру. Азарью изолировали, оставив у ворот дома его родителей огромную бутылку игристого мускатного вина. О раннем пристрастии парнишки к этому виду алкоголя сообщил похитителям тот же ахмедкентский приятель. Таковую же бутылку подростку должен был один из его сельских сверстников, который проиграл в споре о том, сможет ли Азарья продержаться под водой в речке более трех минут. Обрадовавшись находке, он вспомнил о выигранном пари и, пользуясь отсутствием отца, пил с самого утра. Оставалось только запереть недвижимое тело брата похищаемой невесты. В это время на глазах у матери она и была похищена. Призывы Динор к дочери о совершаемой

ею непоправимой ошибке ни к чему не привели. Мельке решила бежать. Отцу она оставила записку со следующим содержанием:

«Дорогой папа! Я надеюсь, что Вы сможете простить свою дочь! Я просто не вижу своей жизни без любимого человека. Спасибо Вам за любовь и поддержку. Вы остаетесь главным мужчиной в моей жизни. Поверьте, папа, мне тяжело далось это решение. На родине своего мужа, если пожелаю, я смогу ходить на работу в училище. Я всегда буду молиться за Вас, за маму и своих братьев! Простите!»

Своего благословения без разрешения мужа Динор не дала. Молодые уехали среди бела дня в крытой повозке. Как только похитители покинули пределы Маджалиса и по расчетам запутавшейся матери были уже на полдороге к Дербенту, крик Динор эхом разнесся по еврейской части селения. Далее подхваченное другими женщинами эхо распространялось уже без ее участия: «Украли! Мельке украли!»

В Лахидже тем временем готовились к приезду молодых. Брак был заключен немедленно по их приезде по местному обычаю, свадьбу сыграли в этот же вечер.

Молодожены неплохо ладили друг с другом, проживая в большом доме Яхьи, отца Уста-Курбана. Свекор Мельке, как уже упоминалось, совсем недавно потерял жену, однако место последней пустовало недолго. Новой его супругой стала невысокая женщина крупного телосложения тридцати пяти лет, которая вдохновенно вела все домашнее хозяйство и ревниво относилась к какому бы то ни было вмешательству со стороны молодой невесты. По этой причине Мельке не испытала никаких препятствий, чтобы, как она и мечтала, пойти работать в училище для девочек учительницей-воспитательницей.

Последовавшая вскоре беременность протекала тяжело. В это время в полной мере проявились чувства молодой

пары. Муж неустанно и с любовью во всем поддерживал Мельке, хотя и не позволил ей, как она желала, доработать учебный год. После родов продолжить трудовую деятельность женщине не дали уже прибавившиеся заботы в семье.

Через два с половиной года после рождения дочери Фатимы Мельке постучалась в ворота отцовского дома в Маджалисе. С нею были муж и дочка. Сердце молодой женщины колотилось в ожидании предстоящего разговора с отцом. Войдя через открытые Азарьей ворота, они не стали отпускать кучера.

Увидев сестру с семьей, брат лишь обрадовался возможности понаблюдать за предстоящим увлекательным действием. Он пропустил всех во двор, не пытаясь как-то отреагировать на приветствия гостей. Выбежав из дома, их встретила Динор, прежде всего бросившись в объятия строптивой дочери. Женщина тепло приняла внучку и зятя. Затем Мельке с двухгодовалой дочкой вошла в кунацкую, где в это время находился отец, и позвала его:

— Папа, это я, твоя дочь Мельке, — она подошла поближе к сидящему на стуле отцу. Пинхас повернулся в сторону дочери и нарочито сухо оглядел ее и опрятно одетую внучку. — А это твоя маленькая внучка, — добавила улыбающаяся Мельке, бережно обхватив и обратив в сторону отца светлое личико ребенка.

Пинхас, несколько последних лет представлявший эту встречу и не раз склонявшийся к примирению с дочерью, в этот момент не смог простить ей этого ее счастливого лица, своих долгих бессонных ночей и безутешных слез, нескольких лет унижения, испытанного от приятелей и односельчан.

— У меня нет дочери! — неожиданно, в том числе и для самого себя, холодно произнес он.

Демонстративно, стараясь не глядеть ни на внучку, ни на дочь, Пинхас вышел из дома, несколько задев плечом руку дочери, державшую ребенка.

Эта в сердцах сказанная им фраза ознаменовала окончание его спокойной размеренной жизни, послужила занижению его самооценки, утрате его вкуса к жизни, угасанию желания красиво жить и одеваться. Эта фраза, в конце концов, и стала причиной его раннего ухода из жизни.

А пока что он быстрым шагом шел в сторону реки Катте. Перепрыгнув ее русло по нескольким порожкам, мужчина выбрался из оврага и пошел прочь от селения. В голове была пустота. Мозг отказывался делать какие-либо выводы из произошедшего. Резкий прохладный ветерок, раскачивая стебли редкого сухостоя и ветки колючего кустарника, пошвыстывая, дул Пинхасу в лицо. Пройдя верст шесть, мужчина остановился, почувствовав со спины какое-то тепло. Он резко повернулся. Тепло шло откуда-то со стороны его селения. Повернув назад, он ускорил шаг и даже побежал.

Приблизившись к селу, он понял, что тепло, которое он почувствовал около часа назад, исходило от воспоминаний, сумбурно роящихся в его голове, воспоминаний о его любимой дочери.

— Уехали? — спросил он Динор, забегая в дом и несколько задыхаясь.

— Да. Уже около часа как уехали.

Мужчина сел на стул совершенно опустошенный.

— Значит, так тому и быть! Всё во власти Господа, — почти шепотом произнес он.

Еще долгое время причитала сидевшая рядом с мужем тихо плачущая Динор, но Пинхас уже не слышал ее. Он спал.

Глава 1.4. Первенец

Почти через четыре года после рождения дочери у Пинхаса с Динор родился долгожданный сын. Мальчика назвали Манашир.

Ребенок до трех лет был очень беспокойным. Он беспрестанно кричал, выбивая из равновесия своих относительно стрессоустойчивых родителей, ломал и рвал всё, что попадало ему в руки. Ни одной целой игрушки или поделки в доме было не найти. Все же вскоре мальчик успокоился, весь ранее исходивший от него потенциал превратился в длинный вопросник, на который постоянно приходилось отвечать маме и папе.

В 1882 году Манашир поступил в *Петровскую городскую начальную школу*¹. К неожиданности учителей и отца мальчик блестяще прошел собеседование при поступлении и мог бы при определенных обстоятельствах обучаться бесплатно. Однако Пинхас, считавший, что от бесплатного обучения не будет прока, несмотря на высокую стоимость, не настаивал на предоставлении каких-либо льгот Манаширу. Это был шанс для еврейского мастера из Маджалыса дать образование сыну, и для него не было вопросом, тратить ли на это свои деньги.

Через три года, сразу после окончания начальной школы, Пинхас по рекомендации инженера Просолова,

---

¹ Петровская городская начальная школа — учебное заведение, созданное усилиями служащего интендантского склада П.Е. Салтыкова посредством сбора средств от продажи билетов на специально поставленный детский спектакль, организации лотереи и выкупа здания на улице Разгульной (ныне — Манташева) у его владельца — капитана Тышкевича. Помещения дома были переоборудованы для занятий «одноклассного начального училища грамотности и ремесел», которые начались 27 августа 1870 года. В 1874 году произошло объединение со школой для девочек, и учеба стала проходить посменно. В 1879 году в школе открыли ремесленное обучение.

одного из достойных представителей попечительского совета этого учебного заведения, направил сына на учебу в Темир-Хан-Шуринское реальное училище. На одном из подготовительных курсов последнего, как уже известно уважаемому читателю, некоторое время тайно обучалась Мельке. Это учебное заведение являлось самым крупным по составу учащихся и лучшей организованной школой Дагестанской области.

Все шесть лет не было среди учащихся более заинтересованного в обучении ученика, чем Манашир. Увлеченность сначала математикой, затем минералогией, физикой и химией постепенно приросла из уважения к обучающим этим предметам преподавателям, знающим и искренне влюбленным в свое дело. На их уроках не возбранялось дискутировать, размышлять вслух, если вдруг пришла ошеломившая вас догадка, долго и последовательно отстаивать свое мнение. Иные дисциплины требовали порой строжайшей тишины и послушания на уроках не в силу их значимости, а из-за самого характера личности преподавателя. Способствовало ли это осваиванию учениками таких дисциплин? Скорее, в значительно меньшей степени.

С первого по четвертый класс в училище обучали пению. Здесь функционировал ученический хор, который пел в православной церкви по праздникам. К этой дисциплине Манашир был абсолютно равнодушен. Преподаватель пения, обнаружив в мальчишке прекрасный альтовый голос, сожалел о его нежелании петь в хоре.

Для старшеклассников предусматривались дополнительные занятия. К слабым ученикам внимание преподавателей было особенно пристальным. За небрежное выполнение уроков они оставались в училище после занятий и исправляли ошибки в присутствии инспектора, воспитателей, классных наставников и их помощников.

Щепетильная ситуация была с преподаванием Закона Божьего, поскольку в училище наряду с православными учились мусульмане, армяне и евреи. С 1881 учебного года здесь все-таки началось преподавание армяно-григорианского и мусульманского учения параллельно с уроками православного Закона Божьего. Что касается программы мусульманского законоучения, то она включала в подготовительном классе ознакомление с арабским языком и чтением Корана. Евреи за их крайней малочисленностью или иным причинам такого благоволения на изучение своей религии не получили.

Для бедных учеников при училище функционировала библиотека, из которой по указанию классных наставников выдавались для пользования с обязательным возвратом по окончании занятий учебники и учебные пособия.

Руководствуясь уставом, педагогический совет училища не раз выносил на обсуждение поступки учеников. Так, на заседании 4 ноября 1880 г. было принято решение, что, если неизвестно имя провинившегося, наказание за его проступок должен нести весь класс.

Заслуживает внимания и бытовая жизнь учеников училища. Большинство из них жили у родителей, родственников или лиц, которые их опекали. Устройство ученических квартир началось в 1884 году по требованию училищного начальства, но в местных условиях таких было мало, к тому же не совсем благоустроенных. Каждый классный наставник должен был наблюдать за учениками, жившими на квартирах.

Несмотря на блестящую успеваемость, Манаширу не дали закончить училище с отличием. Один из преподавателей-юдофобов поставил ему низкую оценку.

— И что бы вы делали с такой аттестацией? Поехали бы в Россию? Таких, как вы, там уже пруд пруди, — отме-

тил с иголки по-европейски одетый сорокалетний педагог в очках озадаченному несправедливым решением парнишке. — Куда ни копнешь, там иуда со своим книжонками.

На вернувшемся домой после учебы юношу, несмотря на отличный прием отцом и общиной, радовавшейся успеху своего односельчанина, постоянно накатывало уныние. Это не могло остаться незамеченным отцом, который хотел передать ему в управление мастерскую.

— Что тебе еще надо? Выучился — хорошо! Теперь применяй полученные знания. Чего тебе не хватает?

— Воздуха мне не хватает, отец. Мне не хватает книг, дискуссий и споров. Хочу учиться дальше, поймите Вы, хочу учиться дальше!

— Разве для того я посылал тебя учиться, чтобы ты уехал прочь от отца?

— Не могу, отец. Хочу учиться.

— А как же производство наше?

— Все это не мое, меня интересует природа взаимодействия разных веществ — физика, химия, биология, материаловедение. Я хочу быть большим ученым! — выпалил в сердцах Манашир. — Пусть Азарья занимается производством, его все равно надо занять делом.

— Азарья не справится, сынок.

— Что там справляться! В конце концов, возьмите мастеров-специалистов и работайте потихоньку.

— А если я не дам тебе денег?

— Я выберусь, буду работать и учиться.

— То есть ты готов голым уйти из дома, несмотря на просьбы отца?

— Да, отец, уйду.

В разговоре была поставлена точка. Отцу никак не хотелось сдаваться. Но о чем тут еще говорить?!

Пинхас был невероятно зол: еще одна неблагодарная птичка хочет выпорхнуть из гнезда. Несколько дней отец

с сыном не разговаривал, пока Пинхасу не приснился сон, в котором он предстал стариком Авраамом, уже замахнувшимся над своим сыном острым кинжалом. Однако получив от Бога индульгенцию на жизнь юноши, старик никак не мог остановить своей руки... Вот кинжал врезается в сердце его Манашира, вот Пинхас повторно всаживает его в горло своему сыну... Весь в крови сына мужчина задыхается от плача и ищет глазами Господа. Но лик Всевышнего исчез в темно-багровом мареве внезапно потемневшего неба, и на несчастного мужчину снизошла черная пустота.

«БАРУХ АТА АДОНАЙ, ЭЛОГЭЙНУ МЭЛЭХ ГА-ОЛАМ...» — запричитал Пинхас.

Грянула молния, до боли в ушах завыл и забарабанил откуда-то сорвавшийся шквальный ураганный дождь. Силясь превозмочь гул стихии, Пинхас во все горло заорал:

— Манашир! Мальчик мой! Прости, Господи!

Несчастный отец занес кинжал и стал наносить один за другим удары по своей груди.

— Пинхас! Пинхас, что ты делаешь? Прекрати! — в то же время услышал он знакомый голос. Рядом, повернувшись к нему боком, лежала озадаченная Динор. — Совсем уже плох стал! — кричала она, привстав с постели и поправляя рубашку. — Пойду посмотрю, что там с коровой.

На дворе надрывался петух, наступало утро нового дня. В этот же день отец благословил своего сына на дальнейшее обучение.

Манашир был счастлив. В его мечтах было поступление в *Технологический институт*¹ в Санкт-Петербурге. Пинхас и здесь подсуетился ради своего чада, заплатив значительную сумму посреднику, близкому к попечителю *Кав-*

---

¹ Технологический институт — высшее учебное заведение в Санкт-Петербурге. Основан 28 ноября 1828 года.

казского учебного округа¹, во избежание недоразумений, связанных с национальной принадлежностью абитуриента и сдачей вступительных экзаменов. Пинхасу практически гарантировали поступление Манашира в желаемый им институт, если только он не проявит себя полной бездарью. Несмотря на такие благоприятные обстоятельства, юноша самостоятельно и блестяще сдал вступительные дисциплины и прошел собеседование на химическое направление. Впоследствии ему еще два года требовалась существенная материальная помощь отца, пока он не начал получать стипендию за хорошую успеваемость и не устроился на работу лаборантом на свою же кафедру.

В Технологическом институте работал выдающийся педагогический состав, набирался знаний и созревал студенческий класс, интересующийся новыми политическими веяниями и достижениями науки. За все годы учебы, кроме нескольких сведущих приятелей-горцев, никто не знал о том, какого вероисповедания Манашир. А придерживался он все эти годы преимущественно веры в науку.

На четвертом году обучения Манашир полюбил девушку, работавшую вместе с ним в лаборатории химического направления, решил на ней жениться, о чем передал весточку родителям. Он совершенно не знал, как к этому отнесется отец, так как девушка была европейской еврейкой — ашкенази. Звали ее Циля Кац. Отец ее работал инженером в железнодорожном депо, мама — учительницей немецкого языка в начальных классах училища.

Получив известие, Пинхас несколько часов ходил недовольным, тем не менее он передал сыну весточку, чтобы

---

¹ Кавказский учебный округ — орган, который занимался развитием просвещения в России с декабря 1848 года по инициативе кавказского наместника графа М.С. Воронцова. Упразднен в 1860 году. Восстановлен в 1867 году. В его состав входили семь губерний, шесть областей и два округа Кавказского региона Российской империи.

приезжали и привозили родственников девушки. Свадьбу назначили на август текущего 1895 года.

— Главное, что еврейка. А с остальным сладим. Если уж мой сын полюбит — не отступится.

При этих словах присутствовал Азарья, который надолго запомнил эту реплику отца.

Свадьба состоялась в Маджалисе. Гостей со стороны невесты было четверо: ее подруга, отец, мать и старший брат, оберегающий родителей и постоянно присматривающий за тем, чтобы им было комфортно. Всю свадьбу приехавшие издалека гости просидели тихо, всякий раз удивляясь чрезмерной эмоциональности горцев. Более ста пятидесяти человек присутствовало со стороны жениха.

В знак уважения к Пинхасу на торжество приехали Захарья с сыном Ханом и четырнадцатилетней голубоглазой внучкой-красавицей Ёфо, дочерью Зоов и покойного Эсефа. Девушка сразу же привлекла внимание большинства гостей. Мать девушки и теперешний отчим на свадьбу не приехали, но передали в дар красивый наряд для невесты и деньги. Через три года после смерти Эсефа Захарья выдал свою дочь-вдову за одного из своих управляющих. У пары родилось две дочери.

Хулу¹ проводил рабби Юсуф. В некоторых моментах церемония несколько отличалась от той, которая бывает в ашкеназских общинах, о чем местному рабби не преминул пояснить брат невесты, невысокий бородач с ясными голубыми глазами. Он, видимо, понимал толк в том, как должен происходить обряд в соответствии с правилами иудаизма. Некоторые уступки, идя навстречу гостям, рабби Юсуф себе позволил. Он не понаслышке знал о некоторых отличиях. Например, стакан под хупой был разбит женихом,

---

¹ Хупа — еврейская свадьба, обряд бракосочетания, а также балдахин, под которым происходит обряд.

а не невестой, как это делалось у горских евреев. Это привело в восторг и замешательство присутствующих сельчан.

В начале торжества Захарья с апломбом в присутствии большинства гостей вручил невесте, облаченной в белую фату, пухленький конверт с деньгами, обняв и расцеловав при этом Манашира. Хан в это время принес во главу стола ящик неведомого для селян напитка в красочно оформленных стеклянных бутылках. Это был трехлетний *коньяк кизлярского производства*¹. В целом весь вечер Захарья приковывал к себе больше внимания, чем молодожены, фактически присвоив себе функции тамады. Его крепкий гортанный голос и безудержный смех перебивали звуки зурны и барабана. Хан, сидя справа от престарелого отца и вслушиваясь в каждое его слово, все время молчал и сухо наблюдал за окружающими.

Азарья надел по случаю женитьбы старшего брата свой специально сшитый европейский костюм. Однако опытным взглядом приезжих из столиц России и Дагестана угадывалось, что такая одежда является отнюдь не повседневной для восемнадцатилетнего молодого человека. На правах сына хозяина торжества с недопустимой бесцеремонностью юноша пожирал глазами хрупкую Ёфо, и любая его реплика в присутствии девушки казалась не к месту или оставалась непонятой невольным ее слушателем. Удрученный очевидной неудачей молодой человек напился презентованным Захарьей коньяком и, в конце концов, был препровожден спать приятелями по настоятельной просьбе отца.

---

¹ Коньяк кизлярского производства — самый известный бренд. Датой основания Кизлярского коньячного завода считается 1885 год, когда была выпущена и направлена в Москву первая большая партия коньяка (236 ведер). Его основатель — ученый, купец и меценат грузинского происхождения Сараджишвили (Сараджев) Давид Захарьевич. Им также основаны Тбилисский, Тифлисский, Ереванский, Бакинский и Каларашский коньячные заводы.

Не оставаясь на ночлег, в ранних сумерках следующего утра Захарья со своими близкими и друзьями покинул Маджалис и направился в Темир-Хан-Шуру. Еще через два дня на поезде уехали Манашир с Цилей и гости из Санкт-Петербурга.

На следующий год, окончив институт, Манашир не поехал домой в Дагестан, где мог бы с успехом заниматься педагогической деятельностью. Он остался работать в своем учебном заведении в надежде найти возможности для занятий исследованиями нефти и получения впоследствии ученой степени в области химии. Впрочем, обстоятельства, о которых уважаемый читатель узнает в дальнейшем, на долгое время не позволят его планам воплотиться в жизнь.

Глава 1.5. Младший сын

В 1877 году в семействе Пинхаса и Динор родился третий ребенок. Назвали его Азарья.

На его раннее детство пришлись самые лучшие годы семьи Пинхаса и Динор — годы любви, удовлетворения от трудов и получаемого в их результате немалого достатка. В распоряжении малыша были надлежащий уход и самые лучшие, неведанные ранее старшими детьми семейной пары игрушки. Он купался в заботе и любви обоих родителей и ни в чем не знал отказа — любое желание ребенка воплощалось в жизнь. Тем не менее, несмотря на получение всего, чего только ни пожелал бы, за мальчиком завелся грешок: казавшаяся вначале случайностью склонность к мелкому воровству не раз вводила в краску молодых родителей.

Как-то гостивший у сына Ошир, уходя домой, не смог найти подаренного невесткой расшитого кисета с табаком. Так и ушел расстроенный потерей. Другой раз исчезло подаренное отцом Манаширу металлическое перо для письма. Потом затерялась блестящая заколка для волос Мельке. Ладно бы кражи происходили только в своей семье, они продолжались и вне дома, когда Азарья подрос и стал общаться с другими детьми. Конечно, так или иначе родители находили часть украденных мальчиком предметов. Это приводило их в замешательство. Пинхасу несколько раз пришлось по настоянию Динор применить силу в виде относительно крепких шлепков по верх штанишек ребенка. Но ничего не помогало.

В семь лет Азарья был направлен отцом в Петровск для обучения в начальной школе, которую окончил старший брат. В течение первого года мальчик был под присмотром Манашира, который учился здесь последний год

и собирался продолжить свое образование в другом учебном заведении. Он пользовался уважением в школе и не раз замечал, находясь в ученической столовой, на рынке или хлебной лавке, что пальцы Азарьи могли жить совершенно другой жизнью, нежели его казавшееся безразличным лицо или движения головы. Так, покидая лавку, Азарья доставал откуда-то крендель или какой-нибудь фрукт и затем с ухмылкой не без удовольствия поедал украденное. Угрозы старшего брата о том, что его в конечном счете изуродуют или посадят в тюрьму, на воришку не действовали. Более того, мальчишка не считался с тем, что своими поступками может опозорить и самого Манашира перед учителями и учащимися школы. К счастью, Азарье все сходило с рук, и это не могло не поселить в нем уверенность в безнаказанности и в том, что способность красть — это его главное преимущество.

Надо было каким-то образом образумить этого непуганого маленького воришку. С этой целью Манашир подготовил двух своих одноклассников. Те, спрятавшись, незаметно подкинули под ноги праздно шатающемуся Азарье кошелек. Приметив на земле что-то интересное, явно кем-то потерянное, мальчишка, часто озираясь по сторонам, подобрал находку и сунул ее себе за пазуху. Тут и сзади, и спереди показались двое ребят постарше. Азарья ринулся в проем между двумя расположенными рядом бараками.

— Держи вора! — поочередно загорланили преследующие ребята, чем нагнали немало страха на убежавшего мальчика.

Однако задачи поймать ребенка и тем более мутузить его заказчик не ставил, поэтому надолго ли Азарье хватило этого страха быть пойманным, приходится только догадываться.

Родители знали обо всем от Манашира, но все же надеялись на успешное для младшего сына окончание школы. У Азарьи всегда водились деньги — это было следствием чрезмерного его содержания родителями, которые таким способом надеялись избавить свое чадо от какой-либо нужды и потребности воровать.

Тем не менее через полтора года учебы отца мальчика пригласили на заседание попечительского совета школы. Его руководство обратило внимание Пинхаса на то, что его сын питает невероятную страсть к минералам и камням. Это могло бы укрепить в будущем его успеваемость по минераловедению. Впрочем, мальчик больше предпочитал в одиночестве наслаждаться созерцанием красоты камешков, нежели изучать их свойства в классе.

Азарья долгое время крал имеющиеся в школе образцы, пока не угодил в приготовленную ему ловушку. Один из минералов кварца смазали зеленой и как бы невзначай оставили на демонстрационном столе. На следующее утро вора обнаружили по соответствующим пятнам на ладонях. Если бы Азарья был догадливей, то он бы мог предположить, что драгоценный камень такого размера просто так на столе не забывают.

После получасовой беседы с директором училища и палочной экзекуции Азарья сознался в регулярном воровстве и указал на место, где прятал краденое.

Увы, никакие доводы одетого по моде и хорошо говорящего по-русски Пинхаса на опрятно одетых военных и гражданских мужчин из попечительского совета воздействия не произвели. Не помогло даже щедрое предложение Пинхаса о добровольной помощи школе.

— Вот ведь братья — а склонности к разному! — заметил известный нам уже член попечительского совета школы инженер Просолов.

Ничего не оставалось, как возвращаться в Маджалис.

Азарье не было и десяти лет, а репутация была уже испорчена. В светские училища его не брали, а религиозное обучение не интересовало ни мальчика, ни его родителей. Пинхас назначил его счетоводом на производстве в Маджалисе: арифметику в отличие от других ранее изучаемых им в школе дисциплин мальчик знал неплохо. Держа Азарью при себе, отец пытался оградить мальчика от любых неприятностей, и они действительно обходили того стороной... до поры до времени.

В течение нескольких лет Азарья неплохо изучил процессы ремонта и обслуживания колесной техники, а также технологию штучного производства двухколесной арбы, чем продолжала заниматься мастерская отца.

Очень нравились Азарье командировки, выезды в различные поселения для осуществления договоренностей и ремонта повозок на месте. Особенно юношу привлекали поездки в города Петровск и Дербент. Поначалу он ездил со старшими, а затем и с более молодыми подмастерьями. Клиенты по-разному платили за работу: иногда в совсем небогатых хозяйствах сходились на оплате продуктами — яйцами, птицей, овощами, фруктами, зерном.

От отца Азарья перенял привычку и умение хорошо одеваться и не отказывался в некоторых обстоятельствах выглядеть почти безукоризненно.

Чтобы заинтересовать сына в деле, Пинхас позволял ему расходовать немалые деньги по своему усмотрению, особенно после отказа Манашира остаться работать дома по окончании реального училища. Старший сын, основная надежда отца на будущее, предпочел продолжить учебу в Санкт-Петербурге.

В городах и крупных населенных пунктах, в основном на центральных рынках, у Пинхаса были агенты, которые

за небольшую плату находили для него клиентов. К семнадцати годам Азарья стал выезжать в командировки самостоятельно. Отец категорически не позволял ему одного — посещать Темир-Хан-Шуру.

Во время свадьбы брата в Маджалисе в Азарье впервые всколыхнулось чувство любви. Он не мог отвести взгляда от своей *духтерхоле*¹ Ёфо, внучки Захарьи, которую ранее никогда не видел. Она в его глазах была совершенством.

После торжества Азарья обратился к своей матери с просьбой засватать ему ее племянницу. Динор долго отговаривала его, тактично объясняя, что, несмотря на то что они родственники, ее теперешний отчим, а тем более дед никогда не пойдут на это, потому что семья Пинхаса — им неровня. Отец ничего не хотел слушать о таком обращении к Захарье, считая это делом бесполезным ни для его семьи, ни для его дела. Он запретил говорить и даже думать об этом в его доме. Однако неуспокоенность и желание помочь влюбленному сыну привела к тому, что Динор засобиралась в Темир-Хан-Шуру к своей младшей сестре Турунж, которая все еще была близка к своей бывшей *зенбирор*² Зоов.

---

¹ Духтерхоле — двоюродная сестра, дословно — дочь дяди по матери (*перевод с джуури*).

² Зенбирор — невестка, дословно — жена брата (*перевод с джуури*).

Глава 1.6. Захарья

Захарья происходил из рода состоятельных землевладельцев Аварии. Он и его предки были настолько глубоко ассимилированы в местное население, что, даже когда говорили на джуури, все равно могло показаться, что это аварский язык. Это был коренастый мужчина с рано проявляющейся лысиной, черными усами щеточкой и плотной ухоженной бородой, контрастно отделяющейся от нижнего края щек природной линией роста волос. Цвет глаз Захарьи, в отличие от свойственного горским евреям преимущественно темных оттенков карего, был зеленым со светло-коричневыми вкраплениями. Мужчина был любителем вкусно поесть, предпочитая горско-еврейской аварскую кухню, предполагающую много мясных блюд, *аварский хинкал*¹ — обычному для горских евреев бездрожжевому.

Основой благосостояния Захарьи были садовые плантации, унаследованные от отца. Со временем Захарья их приумножил. Его отец наряду с другими двумя мужчинами аула получил эти земли, оказав некоторые значимые услуги, оставшиеся тайной, тогдашнему правителю Аварии Абу Султан-хану I. Тем не менее предки Захарьи не принимали ислам, а чтили законы Торы в той мере, в которой они понимали и могли их соблюдать.

Бурное строительство автодорог после получения Темир-Хан-Шурой статуса города и административного

---

¹ Аварский хинкал — блюдо дагестанской кухни, которое подают за обедом. Дрожжевое тесто вымешивается руками, отрывается мелкими кусками, кладется в бульон. Отваренные готовые кусочки выкладываются на большое блюдо и поливают топлёным маслом. К хинкалу подается пиала крепкого бульона, квашеные баклажаны, маринованные помидоры и другие соленья. На другой тарелке выкладываются большие куски варёной баранины, сариси (куски бараньего сала, сложенные в трубочки и сваренные в солёной воде).

центра Дагестанской области, а затем и строительство железной дороги одарило садовладельцев возможностью реализовывать выращенную скоропортящуюся продукцию далеко за пределы региона. Ускоренными темпами развилась плодоперерабатывающая промышленность, и основными выгодоприобретателями стали ее зачинатели, открывшие в 1880-х небольшие консервные заводы. Это были состоятельные землевладельцы, садоводы, наиболее крупные из них были уроженцами Аварского округа Дагестана. Темир-Хан-Шура стала главным поставщиком фруктовых повидла и пюре на рынки России. Ежегодный экспорт фруктовых консервов за пределы Дагестанской области достигал в начале XX века шестисот тысяч пудов. Этому также способствовал рост популярности в стране мармелада.

Первой женой Захарья была соседская девушка Абибат, дочь компаньона его отца по владению садами и покосами. С определенной поры подросток стал испытывать сильное чувственное влечение к белокожей рыжеволосой девочке, с которой дружил и рос вместе, играя по-соседски в рядом расположенных дворах. В некоторых из игр подросший Захарья предпочитал крепко прижать к себе пойманную *в ловитки*¹ девушку. Не понимая природу охватывавших его чувств, подросток возвращался к этой игре снова и снова. Из раза в раз парнишка продвигался в своем познании все дальше. Абибат была не против таких игр, всякий раз откровенно хохоча и улыбаясь.

Все эти детские поначалу шалости привели к серьезным последствиям. Компаньоны, несмотря на их предполагаемые в дальнейшем планы относительно своих любимых детей, в один из смертельно опасных осенних вечеров заключили новое соглашение, став сватами малолетних

---

¹ Ловитки — игра, в которой один ловит другого; пятнашки.

жениха и невесты. Абибат в тот же вечер с ее пока еще многочисленным скарбом была препровождена в соседский дом для дальнейшего проживания в своей новой семье. Через год, когда Захарье исполнилось тринадцать лет, в ауле состоялась настоящая громкая, как бывает у аварцев, свадьба, а через три года у молодых родился первенец, которого назвали именем Хан. Ребенок был рыжеволосым и вырос в недюжинной силы подростка, однако был слишком зажат авторитетом отца, отчего был малоразговорчив и угрюм.

В 1855 году Захарья с компаньонами оборудовал в Темир-Хан-Шуре склад под плодовую продукцию с несколькими котлами для вываривания вызревающих после сортировки плодов и оттого долго находился вне дома. Оставшись погостить у одного из своих партнеров, торговцев его продукции, он заметил девушку, которая то и дело заинтересованно поглядывала на него. Ее звали Зулпо. Красавицей она не была, скорее, миленькой с несколько темноватой кожей, из-за которой, как далее выяснилось, припозднилась с замужеством. Обозначив свой интерес к девушке, он добился того, что ее отец был вынужден обещать ее Захарье, будучи в курсе, что у того уже есть одна семья. Условием было проживание девушки в Темир-Хан-Шуре, что и было сделано. Захарья построил для своей будущей новой семьи дом с двумя спальнями и кунацкой, куда после свадьбы и привел новую хозяйку. Если бы Зулпо знала, каким деспотом окажется ее громко и своеобразно хохочущий во время застолья муж, она бы лучше осталась в вечных девках в доме своего отца.

Первую жену Абибат, уже повзрослевшего Хана и двух своих дочерей Захарья не оставил. Силой своего жесткого характера, а иногда и прямыми избиениями насадив всем им мысль, что это вполне нормально и является его законным правом. Все разговоры о второй семье Захарья пресекал с обеих сторон. В 1857-м у Зулпо родилась девочка,

которую называли Зоов. Это был единственный ребенок, которого Захарья не осмеливался бить, так как именно с ее рождением он почувствовал себя настоящим заботящимся отцом. Не стоит и сомневаться, что замужество своего любимого дитя он запланировал заранее. Это должен был быть молодой перспективный единоведец, в замужестве за которым его Зоов была бы счастливой и обеспеченной. Таким молодым человеком в глазах Захарьи выделялся Эсеф — умный, деликатный и предприимчивый сын его кунака и партнера, успешного производителя повозок Исая.

К сожалению, судьба людей не пишется любящими родителями и вряд ли predetermined расположением созвездий¹. На все воля Господа. Жизнь главы семьи Эсефа трагически прервалась. Он рано покинул этот мир, оставив молодую вдову с малолетней дочерью.

Опечаленный Захарья направил свою любовь на своих оставшихся без мужа и отца младшую дочь и внучку. Последние ни в чем не знали отказа.

Слухи о том, что семья Пинхаса прощупывает возможность сватовства своего младшего сына на его любимой красавице-внучке, вскоре дошли и до Захарьи. Его супруга Зулпо намекнула, что одна знакомая им семья проявляет интерес к их внучке Ёфо и что к Зоов в гости зачастила младшая сестра Эсефа Турунж и по-всякому расхваливает своего племянника.

— Наша дочь уши и развесила. Видела бы сама она этого красавца на свадьбе у Пинхаса!.. Да ведь ее там не

---

¹ Понятие «судьба» как predetermined определенность событий и поступков существует в иудаизме и обозначается словом «мазаль». Каждый отдельный человек получает при рождении некоторый набор условий, который влияет на его судьбу. Но для всего еврейского народа не существует неотменяемого предначертания — Бог дает возможность изменить себя и свою судьбу, чтобы показать: Он присутствует в этом мире, и только Он решает, какой будет судьба каждого.

было! — возмущалась Зулпо. — Помнишь: мы ездили на свадьбу его сына Манашира с девушкой ашкенази?

— Да, помню эту прекрасную образованную пару! Нам бы такой же зять не помешал, хотя он беден, как и его отец. К тому же, насколько я помню, отец самого Пинхаса был батраком, и только благодаря Эсефу и, — Захарья оглядел себя в большом зеркало и погладил подбородок, — отчасти мне у них появились деньги.

— Ёфо просят за младшего сына — Азарью.

— Помню! Все крутился вокруг Ёфочки на свадьбе. Ну на вид вроде франт.

— Однако они нам никак не чета! — заметила Зулпо.

— Да уж! Не чета! — согласился Захарья и с интересом посмотрел на жену: та раздевалась, приглатываясь ко сну, на ней было тонкое французское белье. — Завтра узнаю на всякий случай все про этого франта. Азарья говоришь? — мужчина резво прижался к супруге, уминая руками ее большие еще не совсем увядшие прелести.

В полдень следующего дня Захарья невидящим от возмущения взглядом посматривал во внутренний двор из окна своей конторы.

— Вот прохвосты! Еще смеют на что-то надеяться! — кричал он, заслушивая доклад своего стряпчего. — Надо немедленно прекратить это позорище!

— Срочно отправляйся в Маджалис и привези мне Пинхаса в контору! — обратился он к ожидающему распоряжений сыну. — Как так можно меня позорить?! Меня — своего покровителя!

Хан немедленно исполнил распоряжение отца — ранним утром следующего дня Пинхас уже находился в конторе и с волнением ожидал прибытия Захарьи. Через два часа ожидания он увидел входящего в контору хозяина. Мельком взглянув на Пинхаса и никак его не поприветствовав, тот мигом вошел в кабинет и закрыл дверь. Через пятнадцать

минут озадаченный и крайне обеспокоенный Пинхас был препровожден Ханом в кабинет отца.

— Езжай, сынок, домой, ты мне сегодня не понадобишься, — произнес Захарья, нехотя обозначив рукопожатие человеку, у которого гостил всего пару месяцев назад и прилюдно благодарил за прекрасный прием.

Хан вышел и закрыл за собой дверь. С раннего возраста он совершенно не проявлял интереса в какой-нибудь из областей знаний. Пытаясь пристроить сына куда-нибудь учиться или перенимать чей-либо опыт, Захарья вскоре признавался себе в бесполезности этих усилий. Результатов не было. Мужчина до пятидесятилетнего возраста предпочитал держаться отца, беспрекословно исполняя любые его поручения. Тяги к самостоятельному делу у него так и не обнаружилось. Женился Хан дважды. Первая жена умерла при странных обстоятельствах. Вторая подвергалась постоянным избиениям. Повзрослевшие два сына упорхнули из родительского гнезда, как только с возрастом появилась такая возможность. К относительной их самостоятельности и независимости от отца не в последнюю очередь поспособствовала помощь деда.

Захарья молча сидел за столом и исподлобья наблюдал за реакцией Пинхаса. Через несколько мгновений откуда-то из-под взгляда хозяина кабинета прорвалась злобная речь:

— Ты что, голодранец, себе позволяешь?!

Пинхас опешил и резко побагровел от негодования.

— В чем дело?

— Раз я к тебе проявил благодушие, босяк, сын босяка, ты решил мне на спину забраться? Опозорить меня решил на весь мир?

— И в чем это проявилось? — едва сдерживая гнев, произнес Пинхас.

— Ты, сын голозадного ублюдка, посчитал ровней своего сынка-бездельника, вора и картежника моей Ёфо?

Невежа, не разбирающийся, где хорошее расположение, а где милость, ты забыл кому всем обязан, подлец?

— Закрой свой грязный рот, пока я тебе его не закрыл! — прокрипел Пинхас, хватаясь за рукоятку кинжала. — Я обязан только Господу, который послал мне такого друга, как Эсеф. Если бы ты, зажавшаяся свинья, не был бы дедом его дочери, я бы, не сомневаясь, отправил тебя к твоим предкам.

— Что ты можешь?! Схватился за кинжал, нападай, шайтан. Ты хоть знаешь, как это делается? Или ты только исподтишка можешь убивать?

Пинхас на мгновение задумался. Вынув кинжал, он взглянул на покрасневшую практически лысую голову Захарьи и резко направился в сторону двери.

— Пошел вон! — зарычал вслед ему Захарья. — И больше не попадайся на глаза ни мне, ни одному из членов моей семьи.

Резко оттолкнув дверь, Пинхас наткнулся в темноте прихожей на огромную рыжеволосую глыбу с двумя голубыми зрачками. Это был Хан, по-видимому, слышавший всё и готовый в любое мгновение прийти на помощь отцу.

— В сторону!.. — раздраженно оттолкнул его Пинхас.

Хан попытился, пропуская мужчину, а затем быстро вошел в контору.

Вырвавшись на свежий воздух, стараясь уgomонить сильное сердцебиение, Пинхас прильнул к шее своей престарелой лошади, которая предусмотрительно была привязана к фэнтону, на котором Хан привез его из Маджалиса. Он отвязал свою Бике и, немного отдышавшись, оседлал ее и поскакал в Маджалис. Было темно, но лошадь хорошо знала дорогу, и наездник мог углубиться в свои мысли.

Глава 1.7. Пропажа

«Пинхас приехал под утро, — вспоминала бабушка Динор, — и проспал целые сутки. Я ждала, пока он сам заговорит о случившемся. И он рассказал обо всем нам с Азарьей за обедом».

— Ты что, еще и картежник? — строго спросил Азарью отец.

— Э, кому ты веришь, папа?! — возмутился тот. Затем, спокойно обгладывая куриное бедрышко, добавил: — Украду! Украду ее!

В следующую секунду к щеке парня прилетела отцовская пощечина, прилепив к ней кусок куриной кожи.

— Не смей! Не смей, Азарья!

Азарья встал, стряхнул пищу со своего лица и прокричал:

— Ты же сам говорил, что, если уж твой сын полюбит, не отступится!

— Когда это я такое говорил?

— Когда Манашир решил жениться на ашкенази.

— Да, припоминаю. Но это касалось Манашира.

— Значит, я для тебя не сын? Или я какой-нибудь недоумок? Что во мне не так? Что, я не работаю с тобой, не пытаюсь перенять твой опыт, не помогаю тебе? — сквозь проступающую слезу выговаривал Азарья. — Где он, твой Манашир? Где она, твоя Мельке? Кто будет возиться с тобой и мамой в старости? Не боишься один остаться?

— Я один не останусь. Просто не проживу столько с такими детьми!.. — в сердцах произнес Пинхас.

Он встал со стола и вышел.

— Видишь, мама? — обратился Азарья к матери. — Почему он делает разницу между мной и Манаширом? И я что, должен это терпеть?

С того самого дня Азарья перестал посещать мастерскую, стал чаще выезжать в Порт-Петровск, на долгое время оставаясь в городе. Пинхас, наоборот, подолгу застревал на работе, приходя домой поздно, много курил и мало ел.

Через некоторое время, надеясь на то, что Азарья вернется к работе и перестанет уходить из дома, Пинхас поприжал его по части выплат вознаграждения за работу.

— Выходи на работу. Получишь все свои положенные деньги, — пояснял невыплаты отец.

— Это несправедливо! — возмущался Азарья, пытаюсь найти поддержку у матери.

Несколько раз Динор давала сыну деньги без ведома мужа, и это тяготило ее.

Летом к Динор из Темир-Хан-Шуры приехали погостить сестра Турунж с двумя ее внуками семи и восьми лет. В свои сорок семь лет женщина уже была многократной бабушкой, что вызывало некоторую зависть у старшей сестры.

— Где-то совсем недалеко у меня тоже есть внучка, может быть, не одна, — говорила Динор, пряча прослезившиеся глаза от сестры. — Не за горами то время, когда и у моих ребят будут дети.

Проведя вместе месяц, переговорив обо всем, что наболело, сестры расстались. Через неделю после ее отъезда Динор обнаружила отсутствие крупной суммы денег. Она прятала кредитные билеты, связанные в многочисленные платки, в дальней комнате. Заначка лежала в нише боковой стены, за сундуком, на дне большой неподъемной кастрюли с кусками желтого колотого сахара. Женщина заподозрила неладное, когда увидела многочисленные крупинки сахара на сумаче возле сундука. Отодвинув последний, она вынула кастрюлю и выгребла из нее весь сахар. Сердце Динор сжалось. Сюда она откладывала все накопления семьи.

Сына уже третий день не было дома, и, когда он вернется, никто не знал. «Неужели в Азарье проснулась давняя

тяга к воровству, которую, как ей с мужем казалось, он давно перерос? А может быть, Пинхас взял на какие-нибудь свои цели?» — успокаивала себя женщина.

Выскочив из дома, стараясь быть спокойнее, она пришла в мастерскую. Ее внезапное появление показалось Пинхасу странным и подозрительным.

«Что с ней? Почему она такая раскрасневшаяся?» — подумал он. Мужчина вытер руки о материю, вышел с женой из мастерской и озабоченно спросил:

— Что произошло, Динор?

Еле выдавливая из себя слово за словом, Динор произнесла:

— Ты не брал деньги?

— Что?

— Пинхас, деньги пропали.

— Как пропали? Какие?

— Все наши деньги пропали... Из кастрюли! — кричала женщина навзрыд.

— Не плачь, найдутся. А ну пойдем!..

Придя домой, супруги осмотрели всю комнату, а затем и весь дом — все места, куда возможно могли сами их запрятать.

Азарья не было еще четыре дня. Когда он добрался-таки до дома, утомленные ожиданием, бессонницей и неведением родители были на взводе.

Легко в три прыжка Азарья взобрался по ступенькам и вошел в прихожую. Увидев родителей, молодой человек фривольно поприветствовал их:

— Здравствуйте!

По сильно помятому костюму, опухшему лицу, подбитой губе и легкой улыбке было понятно, что парень не с заработков приехал и не с гостинцами.

— Где деньги, Азарья? — прямым вопросом к сыну обратился Пинхас.

— Какие еще деньги? — пытаюсь удержаться на ногах и сконцентрировать внимание на отце, огрызнулся Азарья.

Пинхас не выдержал — подошел и встряхнул сына за плечи:

— Те, что в кастрюле были. Накопления нашей семьи.

Посмотрев отцу в глаза, в которых была растерянность, тревога и хаос, не замеченные никогда прежде, молодой человек принял серьезный вид.

— Что здесь произошло, пока меня не было? — попытался он освободиться от рук отца. — Никаких денег я не брал. А, впрочем, мама дала шесть рублей.

Пинхас посмотрел на жену, та опустила глаза. В это время Азарья вырвался из отцовских рук. Взял рядом стоящий кувшин с принесенной из родника водой и, ловким движением приподняв и наклонив его над собой, стал пить. Утолив жажду, Азарья произнес:

— Прости, папа, ты посчитал меня вором, а я, оказывается, не вор совсем — простой маджалисский парень, без дома, без жены, без будущего.

Сказав это, Азарья пошел в кунацкую и лег на матрас, постеленный на полу. Через несколько минут оттуда послышался храп.

И на следующий день выяснить у Азарьи ничего не удалось. Парень всячески, вплоть до истерик, отрицал свою причастность, обижаясь на отца и мать. В головы супругов не приходило подозревать Турунж и ее внуков, которые проявили себя послушными, немного драчливыми, но воспитанными детьми. Они решили закрыть эту тему для себя, чтобы подозрениями не позорить свою семью.

Вскоре Азарья вышел на работу вместе с отцом, когда тот объявил, что уволил троих работников за невозможностью платить им оговоренную ранее ставку.

Глава 1.8. Потеря

В конце октября 1897 года ночью неожиданно выпал снег, много снега. Утром, с трудом утаптывая свежий снежный покров, непрерывно болботали индейки, выводок которых в этом году был необычно крупным.

— Пинхас, выйди посмотри, какая прекрасная погода! — ежась от холода, звала своего мужа во двор Динор.

Однако мужчина не появлялся. Тогда она вошла в кунацкую, где он спал на застеленном простыней лично стеганом ею матрасе, и удивилась его странному взгляду. Голова Пинхаса на невысокой пуховой подушке была повернута несколько в сторону, а глаза смотрели в ее направлении. Мужчина, очевидно, не мог шевельнуться и беспомощно перемещал зрачками, пытаясь сконцентрироваться на лице супруги. Обнаружив его, он тихим глухим голосом пытался отвечать на вопросы крайне встревоженной женщины.

— Что сделать, Пинхас? Как тебе помочь? — спросила она у внезапно обессилевшего мужа.

— Позови Азарью, — попросил он.

Динор позвала сына. Глава семейства нашел его взглядом и еле слышно произнес:

— Присядь рядом, сынок. И ты, Динор. Это, по-видимому, мой последний час в этом мире. Может быть, я наделал много ошибок, поэтому Господь забирает меня, но я не совру перед ним, если скажу, что всегда любил всех своих детей и тебя, Динор. Сынок, Азарья, я не оставил тебе богатств, прости. И сейчас, когда я умираю, и вправду, со мною из всех детей только ты. Спасибо тебе. Береги маму, будь рядом с ней всегда, не хулигань. Вот и все.

Мужчина замолк. Из полуоткрытых глаз его медленно скатилась огромная слеза. Сразу же громко запричитала Динор. Азарья с полными глазами слез вышел во двор.

Покойного в тот же день хоронили всей слободкой.

На белоснежной поверхности покрытого снегом кладбища черной глиняной дырой разверзлась новая могила. Динор была безутешна, рядом с ней постоянно находился растерянный Азарья.

Через три недели приехали Манашир и Циля. Они взяли на себя все расходы, связанные с поминовением. Снега уже не было. Над еврейским кладбищем стояло серое ноябрьское небо. Среди серых обветренных плит, преимущественно из туфа, появилось более светлое надгробие из свежеспиленного ракушечника.

На следующее после *шлошим*¹ утро Манашир попросил Азарью принести все учетные книги по работе мастерской. Просмотрев их и задав несколько вопросов Азарье, Манашир сделал вывод, что производство в текущем году приносило убытки, а за прошлый год не дало своим владельцам какой-нибудь прибыли.

— Азарья, ты понимаешь, ради чего вы с отцом последние два года работали? — спросил он брата.

— Ради денег, конечно, — убежденно произнес тот.

— Где здесь деньги? Покажи, пожалуйста.

Азарья взял одну из книг и, неуверенно пролистав, указал на цифры итогов работ.

— Вот это за прошлый год. А за этот... — Азарья перевернул с десятка два страниц и указал на цифру. — Вот, 125 руб. 42 копейки.

— Во-первых, даже если это ушло бы к вам в карман, что это за прибыль на семью из трех человек? — произнес Манашир. — Давай теперь посмотрим на разницу цифр задолженностей перед вами и вашей задолженностью. — Он открыл соответствующие страницы в другой книге и показал Азарье: — Обрати внимание: на начало

¹ Шлошим — тридцать дней траура у иудеев.

года вам были должны 443 руб., теперь же 95 руб.; вы были должны 210 руб., теперь же 470 руб. Очевидно, вы работаете в убыток, сами не понимая, что вводите себя в долговую яму.

— Хочешь сказать, отец работал в убыток.

— Да. Мастерскую надо продать и как можно быстрее.

— Ну, знаешь...

— Не обижайся, Азарья. Не торопись. Посчитай, подумай — у тебя же с математикой хорошо.

— Ладно. Я посмотрю.

Вечером Азарья в присутствии матери спросил брата:

— Допустим, мы продадим мастерскую, а на что мы с матерью будем жить? Что делать мне?

— Во-первых, после продажи у вас останутся, по моим приблизительным расчетам, две-три тысячи рублей. На них лет пять можно прожить. Если найдешь работу, то вопросов с выживанием у вас с мамой не будет. Ну а я буду помогать.

— Мальчики мои, — вмешалась в беседу Динор, — оставьте пока, не продавайте. Я не готова. Пусть Пинхас подаст мне знак. Я скажу, если это произойдет.

На том и порешили. Оставив некоторую сумму матери, Пинхас с Цилей уехали в Санкт-Петербург.

Через два-три месяца работы Азарье стало окончательно ясно, что процесс убыточен. Трудности с оплатой задолженности стали очевидны. К тому же нашелся покупатель — состоятельный родственник одного из мастеров, работающих на Азарью, решил выкупить участок и оборудование и превратить мастерскую в лесопилку. Динор на этот раз согласилась. Вырученные кредитные билеты были обменены на николаевки и спрятаны вдовой в глубине задней комнаты. Дело жизни Пинхаса, Эсефа и Исея прекратило существование. Азарья же решил попытаться счастья

в поиске своего применения в Порт-Петровске. Он все реже и реже приезжал к матери в Маджалис. Надолго исчезнув, он появился только через два года с русской женщиной и ребенком на руках.

— Это Катя — моя жена. А это мой сын Антошка. — представил свою семью Азарья. — Мы ненадолго, на месяц-два.

Обрадованная Динор все же критически рассмотрела свою новую невестку. Простая полнотелая русская девушка, беспрекословно подчиняющаяся мужу и даже, казалось, испытывающая перед ним животный страх, истоки которого проявились уже через несколько дней их пребывания в Маджалисе. Азарья сильно избивал свою жену за любимую, кажущуюся ему существенной провинность. Молодая женщина плакала, но старалась, тесно прижимая к груди годовалого Антошку, не показывать свекрови своих слез.

Динор часто возилась с Антошкой и очень прикипела к нему. Тихий внимательный мальчик с казавшимися поначалу чуждыми небесно-голубыми глазами, стал очень дорог и близок вдове, давно мечтавшей о внуках.

— Сладкий ребенок! Сладенький! — восхваляла малыша бабушка, целуя его в щечки.

Как бы то ни было молодые уехали. Через несколько месяцев Катя с ребенком снова появилась в Маджалисе, но без мужа. Она сообщила, что Азарью осудили на десять лет за изнасилование. Погостив три дня, женщина уехала. Сказала, что в деревне в Астраханской губернии у нее родители и она поедет к ним. Больше Динор никогда не видела ни невестку, ни внука Антошку.

Приходили люди из местной полиции и проводили обыск. Ничего не нашли, однако учинили беспорядок.

Получив такой удар, Динор слегла. Приехавшие Манашир с Цилей решили задержаться до ее выздоровления,

взяв в институте бессрочный отпуск. Состояние Динор не улучшилось и через год, и через полтора, тогда Манашир и Циля, найдя себе работу в открывшемся в Дербенте *реальном училище*¹, оставили планы возвращения в Санкт-Петербург на будущее. Они сняли в городе жилье, а на выходные и в праздничные дни посещали Динор в Маджалисе.

Так прошло несколько лет, пока в ворота дома вдовы не постучалась юная пара — Рахамим и Динара.

---

¹ Дербентское реальное училище — учебное заведение, открытое в августе 1902 года при условии обеспечения городом «своими средствами помещения училища, квартир должностным лицам, коим таковые помещения полагаются, оборудование училища и принятие на себя всех расходов, оставив сбор за учение в собственности училища». В сентябре 1902 года реальное училище начало функционировать в составе пригготовительного, первого и второго классов.

Глава 1.9. Маджалисский медник

Горско-еврейская община села Маджалис, вернее ее мужская часть, имела обыкновение обязательного посещения синагоги практически в полном составе два раза в неделю — на время пришествия субботы и за полчаса до утренней молитвы в воскресенье, а также в канун праздников.

В эти полчаса до воскресной молитвы, открывающей рабочую неделю, решались многие вопросы, связанные с необходимостью коллективного обсуждения. В иные дни посетителей в синагоге было значительно меньше, так как сельскохозяйственные, торговые и ремесленные будни начинались раньше окончания утренней молитвы и заканчивались позже начала вечерней службы.

Сегодня в числе рассматриваемых тем ставился вопрос о передаче в пользование ранее незадействованного участка земли размером триста саженей за огородом Мушоила. До обсуждения многие, кто не видел участок ранее, могли лично ознакомиться с ним на месте. Эта территория периодически подтапливалась излишками воды от полива, дождями и грунтовыми водами. Ее почва, подверженная эрозии, не годилась для проведения сельхозработ.

Ожидались относительно теплый мартовский день и такая же неделя. Мужчины, готовые сразу же после молитвы отправиться на работы, оживленно обсуждали житейские вопросы, смеялись и подначивали друг друга. Рядом стояли и Рахамим с Манаширом, в руках у парня был большой холщовый мешок.

Рабби Юсуф пригласил всех войти в помещение синагоги, которое по размеру было даже несколько больше конторы ковхо, где по обыкновению обсуждались вопросы, связанные с необходимостью последующего согласования решений с администрацией селения и иными властями.

Когда мужчины скинули верхнюю одежду и присели на скамейки, рабби поднялся на *биму*¹. С улыбкой оглядев присутствующих, он поздравил их с началом полевых работ и обозначил повестку собрания:

— Уважаемые односельчане, братья мои! Сегодня мы разбираем два вопроса. Первый — скандальное поведение наших односельчан Шалума бен Юханана и Боруха бен Рувина. Эти мужчины позволили себе кровавую драку и едва не убили друг друга на виду у всего селения. — Рабби Юсуф нашел в зале лица указанных им мужчин и продолжил, обращаясь в их сторону: — Спасибо, уважаемые, что посетили нас. В последнее время нечасто увидишь вас здесь. Должно быть у вас очень много работы.

Далее сделав паузу, рабби продолжил:

— Вторым вопросом у нас — обсуждение использования членами общины участка земли размером триста сажений. — Еще раз оглядев присутствующих, он добавил: — Вижу, что все заинтересованные лица присутствуют.

Итак, перейдем к первому вопросу. Накануне в четверг наши единоверцы сцепились в драке на кинжалах без оглядки на присутствующих в это время рядом людей, в числе которых были и дети. Благодарю вас, уважаемые Шалум и Борух, что не порезали друг друга насмерть и не убили кого-нибудь из присутствующих поблизости, не опозорили нашу общину на весь Маджалис.

Его речь прервал возглас одного из пожилых прихожан:

— Встаньте! — резко обратился он к названным рабби мужчинам, возмущившись тем, что те продолжали сидеть.

---

¹ Бима — возвышение, обычно в центре синагоги, где находится специальный стол для публичного чтения свитка Торы во время богослужения.

Они встали, опустив при этом головы. Обоим было не более тридцати лет. По порезам и ссадинам на лице и открытых частях рук была понятна глубина их разногласий в состоявшемся конфликте.

— Мужчины, я считаю, показали плохой и недостойный пример и своим детям, и всем окружающим. Причиной конфликта стал известный, я думаю, всем присутствующим прирученный Шалумом волк. Произошло то, о чем я предупреждал Вас, Шалум: дикому животному, хоть и десять раз прирученному, не место в жилище еврейской семьи. В конце концов, животное проявило свой нрав, порезав несколько овец в расположенной по соседству кошаре Боруха. В то же время это обстоятельство вызвало, на мой взгляд, чрезмерное возмущение последнего: ему оказалось недостаточным убийство лопатой и вилами загнанного в угол несчастного животного. Вы, Борух, пошли убивать своего соседа, — рабби сделал паузу, оглядел присутствующих и вопрошающе взглянул на виновного, ожидая каких-либо оправданий относительно своего утверждения. Между тем мужчина еще ниже опустил голову и нервно мямл руками коричневую некрашеную папаху. Рабби Юсуф продолжил: — Шалум, до меня и раньше доходили слухи, что волк резал животных и в Вашем хозяйстве, однако Вы пытались это от всех скрывать, закапывая убитый скот. Кто виноват в случившемся? Волк?

И драчуны, и все присутствующие молчали, ожидая продолжения речи.

— Это животное было создано Господом именно таким. В чем его вина? Кто в этом случае виноват в произошедшем? Нам еще кровной мести здесь не хватает!.. Еврейская семья против еврейской, — голос рабби стал более жестким. — Нахождение дикого животного в жилище привело вас самих в состояние диких зверей. Такого

не должно быть в нашей общине! Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Этого волка все равно надо было уничтожить, и я это сделал, — произнес Борух, — и пусть этот заплатит мне за порченных овец.

— Какое ты, баранья голова, имел право трогать мое животное?! — вскипел Шалум.

— Э-э-э, давайте не будем здесь употреблять оскорблений, — резко заметил пожилой прихожанин. — Вы совершили неприемлемый поступок, опозорили нашу общину, хоть здесь ведите себя достойно! Борух, видел бы твой отец, как ты себя ведешь... Покойный Рувин был достойным членом общины, видимо, что-то он упустил, воспитывая драчуна у себя под носом. Ты вместе с этим волком чуть не убил человека, в ярости ты не замечал присутствовавших рядом людей. Ты чуть не убил и себя, и добрую память о твоём отце.

— Я взял его еще волчонком. Если бы я его не выходил, он бы умер, — пытался объясниться Шалум. — Его очень полюбили мои дети.

— Зачем его надо было забирать из леса, оттуда, где ему и место? — миролюбиво высказался один из уважаемых прихожан. — Но ты же видишь, к чему в итоге привела твоя жалость к волчонку. Наверно, и у него есть мать, которая если и не была убита человеком, то безутешно искала свое чадо.

После установившегося молчания рабби продолжил:

— Хочу задать один и тот же вопрос и Шалуму, и Боруху? Вы осознаете, над какой пропастью вы находились и какой опасности вы подвергали всю общину?

Оба молчали. Первым нарушил молчание Шалум:

— Осознаю, уважаемый рабби Юсуф. Прошу прощения перед общиной. Впредь обещаю внимательно относиться к советам наших старших.

— Думаю, что и я погорячился. Был не прав. Прошу прощения, — ответил Борух.

— Хорошо! Правильно, ребята! К богоугодному, а значит, и правильному люди приходят и короткими, и длинными путями. Всему свое время, — попытался закончить с первым вопросом повестки рабби. — Исходя из глубины содеянного, думаю, меня в этом поддержит и вся община, никаких претензий у присутствующих друг к другу быть не должно. Погубленные волком овцы не должны быть причиной такой озлобленности, которая могла привести к неоправданным последствиям, побуждать к кровавому мщению между нашими братьями.

Община одобрительно зашумела, обсуждая степень вины каждого и решение рабби Юсуфа. Помолчав и послушав различные реплики, рабби резюмировал:

— Итак, по первому вопросу, учитывая извинения сторон и осознание своих неправомерных действий, наказания нашим братьям выноситься не будет. Претензии друг к другу предъявляться не будут. Шалум бен Юханан и Борух бен Рувин, вы согласны с решением?

Оба мужчины подтвердили свое согласие.

— В таком случае во время утренней молитвы я приглашу каждого из вас на обряд благословения ваших семей.

Далее он продолжил:

— Времени у нас не так много, поэтому сразу же перейдем ко второму вопросу об использовании участка земли размером триста сажень членами общины. Всем известно, что мы, джууро, ограничены в эксплуатации земли началом улицы Тубенаул и речкой Катте. Из-за этого обстоятельства наше тесное соседство друг с другом можно практически считать совместным проживанием. Дальше мы пойти не можем, разве что кто-нибудь из состоятельных людей общины не купит участок в центре Маджалиса и не построит там еще одну синагогу.

— *Худо Кумек! Худо шиновуно!*¹ Аминь! — с широкими улыбками приняла такую возможность община.

Итак, у нас есть участок приблизительно в осьминник. Также у нас имеется молодой обученный мастер-медник, который может полностью и недорого обеспечить нашу потребность в продукции из меди. Прошу знакомиться тем, кто еще не знаком: *аиль-джуур эн иму Рахамим бен*²... — рабби повернулся к Рахамиму, с тем чтобы услышать имя его отца.

— Рафоилов — моя фамилия, — произнес Рахамим.

— Понял, сынок, — терпеливо дожидался ответа рабби, — а отца твоего как зовут?

Рахамим замешкался с ответом. Вся община разинув рты наблюдала за диалогом рабби с юношей.

— Нет у него отца. *Шендеини у*³, — вмешался Манашир.

— *Шендеи геш, бебе исти гьеммере одомире*⁴, — добавил один из прихожан.

Рахамим молчал. Полгода назад под хупой на этот вопрос он ответил: «Беньягу!» Сейчас же он хотел очиститься от этого имени. Имя Уста-Курбана как отчество не было бы понятно общине, поэтому пусть будет Рахамим шендеи. «Чего и кого мне стыдиться за это? Я ни в чем не виноват».

— *Бошку, биль бугу Рахамим шендеи*, — сказал рабби Юсуф, видя замешательство юноши, — *гьарчу бисто, гьямя иму вечей Худои*⁵.

---

¹ Худо Кумек! Худо шиновуно! — Бог в помощь! Да услышит Господь! (*Перевод с джуури.*)

² Аиль-джуур эн иму Рахамим бен... — Наш парень, горский еврей Рахамим, сын... (*Перевод с джуури.*)

³ Шендеини у — брошенный он (*перевод с джуури.*)

⁴ Шендеи геш, бебе исти гьеммере одомире. — Даже если брошенный, отец есть у каждого человека (*перевод с джуури.*)

⁵ Бошку, биль бугу Рахамим шендеи, гьарчу бисто, гьямя иму вечей Худои. — Ладно, пусть будет Рахамим шендеи. Так или иначе, все мы птенцы Господа (*перевод с джуури.*)

Мужчины внимательно и с интересом разглядывали юношу, как будто видели его в первый раз, хотя на свадьбе в доме Динор полтора года назад были практически все присутствующие.

— Рахамим, несмотря на юный возраст, является мастером по изготовлению изделий из меди. Он ученик прославленной школы медников из Лахиджа, — продолжал представлять юношу рабби. — Сейчас он продемонстрирует часть из своих изделий, которые оказались с ним при переезде в Маджалис.

Рахамим открыл мешок, а Манашир стал выкладывать на стол, служащий в том числе и для трапез, различную медную посуду и несколько чеканных украшений.

— Подходите, берите и рассматривайте, — предложил Манашир мужчинам. — Крупных предметов нет, поскольку уезжать молодым пришлось налегке. Здесь в основном вещи, принадлежащие жене Рахамима.

— А кувшины можешь делать? — спросил один из мужчин.

— Могу, — ответил юноша.

— В общем, община, я так понял, положительно воспринимает твоё мастерство. Перейдем к повестке, — рабби присел за стол. — На наличие этого участка указал Манашир. Он является дядей жены Рахамима Рафоилова.

— Я говорил Вам об этом участке два года назад, — вступил в разговор один из состоятельных граждан Тубенаула Зоволу. — Вы тогда не разрешили мне им пользоваться.

— Да, я помню, уважаемый Зоволу, и не забыл об этом, — отметил рабби Юсуф. — Вам нужна была эта земля для участка покраски кож. В производстве Вы планировали использовать вредные химические смеси, поэтому я Вам и не разрешил. К тому же Вы имеете прекрасные

возможности по покупке любой интересующей Вас земли. Что Вы и сделали, выкупив участок на производство в двух километрах от селения. И, судя по всему, хвала Господу, неплохо зарабатываете на этом.

— Совершенно верно, уважаемый рабби, благодаря благоволению Бога и Вашему участию. Что есть, то есть, не буду гневить Господа, — подтвердил сказанное рабби Зоволу. — Но мне и сейчас интересен этот участок. Мне не хватает площадей для сушки овечьих шкур.

— Обращаюсь ко всем членам общины. У кого-нибудь еще есть намерения по поводу этого участка? — спросил рабби.

Ответа не последовало.

— Действительно, в него надо вложиться, прежде чем он начнет возвращать вложенное, — продолжил рабби.

— Да там ничего не вырастет никогда, — заметил один из мужчин. — На кой он нужен?..

— Если претендентов на участок больше нет, то я предлагаю Вам, Зоволу, взять этот участок в пользование, — неожиданно предложил рабби. — Провести соответствующие земляные работы, установить дренаж на всем участке, провести водозабор и треть этого участка, а именно 100 квадратных саженей, передать в пользование вот этому молодому человеку. И землю получите, и *мисво*¹ сделаете и ему, и всей общине — так как не нужно будет нам, чтобы купить какую-нибудь поварешку, ездить на базар в город.

Зоволу задумался.

— Ну что, Зоволу, решай быстрее, а то время начала молитвы подходит. И помни: в твоём пользовании будет только двести квадратных саженей. Распорядиться ста

---

¹ Мисво — доброе богоугодное дело, поступок (перевод с джуури).

квадратными саженями будет Рахамим по его усмотрению. Это условия договора. Да — да, нет — нет.

— Да! По рукам, рабби Юсуф! Кто бы обо мне так позаботился, когда я открывал какое-либо новое дело!.. — выдохнул Зоволу. — Ладно, пойду на это в память о моих давних друзьях детства — покойных Пинхасе и Эсефе.

Итак, не вымолвив и пяти слов на совете общины, Рахамим получил участок под свою мастерскую.

Зоволу выполнил условия договора. Работы на участке начались уже во вторник, а через два месяца сюда уже был небольшой проезд от улицы Тубенаул. Дорога, укрепленная речной галькой, огибала несколько огородов, проходила непосредственно по краю лощины, по которой текла Катте, и приводила к новому одноэтажному саманному зданию скорняжного склада. В погожие дни последний находился в окружении сотен греющихся на солнце овечьих шкур. Двое работников выносили шкурки из склада по утрам, обсыпая их солью крупного помола, а вечером заносили их обратно в помещение. Треть участка, как и было принято решением общины, была расчищена от строительного мусора и благодаря дренажу была суха и готова к оборудованию здесь мастерской медника.

В отличие от скорняжного цеха, где не планировалось никаких ударных или иных нагрузок, мастерская Рахамима должна была располагаться на прочном фундаменте и строиться из твердого недорогого материала. С серьезным рвением и не считаясь, казалось бы, с нереальными тратами на ее сооружение, молодой медник сам впрягся в работу и привлек для воплощения своего замысла нескольких разнорабочих села. По выходным от зари и до зари, не щадя сил, ему помогал Манашир, да и советы Цили были нелишними. Через полтора месяца был поставлен фундамент, еще через

два с половиной месяца здание мастерской было построено. В течение последнего месяца строительства Манашир с Цилей не приезжали — они ждали появления ребенка.

Все необходимое оборудование, инструменты и материалы Рахамим заблаговременно заказал в Бакинской губернии через комиссионеров в Дербенте. Информацию о производителях всего указанного он хорошо знал, так как его покойный наставник Уста-Курбан, наметив сделать из парнишки своего преемника, вовлекал его во все вопросы, связанные с делом своей жизни. К тому же существенную роль сыграли деньги, которые заказчик был готов платить авансом. В Бакинской губернии в отличие от Дагестанской области располагалось множество частных предприятий, артелей и товариществ, предлагающих оборудование для обработки металлов, машины, аппараты и ремесленные орудия труда. Здесь же можно было приобрести медные и другие материалы по ценам, значительно уступающим дагестанским.

На установку и запуск оборудования приходило посмотреть много любопытствующих односельчан, в том числе раббы Юсуф и староста Аарон Хайтоги.

В сентябре 1907 года в мастерской Рахамима была запущена выложенная из кирпича и глины печь, на большой чугунной плите-наковальне для правочных работ застучали молотки; заерзали инструменты на разнообразных машинах, верстаках и приспособлениях.

К концу года вместе с началом работ в мастерской молодой сельский медник узнал от своей юной супруги о том, что и их Господь не обойдет счастьем стать родителями.

Глава 1.10. Возвращение Азарьи

В 1910 году, отмотав десятилетний срок за изнасилование, содеянное группой и с причинением вреда здоровью средней тяжести, домой в Маджалис вернулся тридцатитрехлетний Азарья.

Зайдя в дом, непутевый упал на колени перед мигом прослезившейся и запричитавшей от счастья матерью.

— Прости меня! Прости, мама!

Обняв свое дитя, глядя по его строптивой голове, истосковавшаяся по младшему сыну Динор то и дело произносила:

— Мой золотой мальчик! Мой родной! Все позади. Теперь я тебя никуда не отпущу.

К вечеру во дворе дома бабушки Динор собрались мужчины со всего Тубенаула. Здесь же был накрыт стол, кипел самовар. Кроме чая, на скатерти иногда появлялась доставаемая Азарьей из-под стола четвертная бутылка самогонки. Бабушка была против питья спиртного, а потому для соблюдения некоторого уважения к хозяйке дома, зеленая чаша находилась под столом. Тут сидели в основном сверстники Азарьи, но было и несколько пожилых людей, зашедших отдать почести и поздравить бабушку Динор.

Вечером вернулся из мастерской Рахамим. Поздоровавшись с новоявленным родственником, он перекинулся с ним несколькими фразами за общим столом и выпил поднятый одним из приятелей Азарьи тост за возвращение того с Божьей помощью домой. Затем к столу подошел двухлетний малыш Шомоил и, увидев знакомое лицо отца, бросился ему на шею. Рахамим приобнял ребенка, приподнял на плечи и, встав из-за стола, удалился.

Когда приехали Манашир с Цилей из Дербента со своим первенцем, маленьким Пинхасом, празднование

продолжалось уже третий день. Встреча двух братьев была очень теплой. Тем не менее по настоянию старшего веселье закончилось через несколько часов после его приезда.

Манашир уже многие годы мечтал вернуться в Санкт-Петербург. Дальнейшее промедление грозило полным крахом его вынужденно приостановившейся научной карьеры. Возвращение Азарьи домой послужило поводом для последующего отъезда его старшего брата. Теперь Манашир скрепя сердце счел возможным ехать, оставив мать на попечение младшего брата, зятя и племянницы. Цилия, конечно же, поддерживала его в этом — тягу к родному дому и близким ничто не может отменить. Пообщавшись с матерью и получив ее благословение, через месяц после возвращения Азарьи Манашир с Цилей и маленьким Пинхасом уехали.

Азарья был сухопарым улыбчивым брюнетом ростом выше среднего с темно-карими глазами. Отсутствие части зуба-резца на верхней челюсти придавало ему вид своего парня. Разговорчивостью он не отличался, но с удовольствием предавался смеху, когда другие вспоминали что-нибудь веселое из прежней жизни либо рассказывали анекдот.

Следующие несколько месяцев освобожденный искал себе применения в Маджалисе, однако сложность и длительность зарабатывания денег и их быстрое исчезновение его очень угнетало. Не устраивала его и работа у Рахамима в мастерской, к которой он присматривался или, можно сказать, пристукивался какое-то время. Здесь требовались концентрация и самоотдача. Несмотря на то что зять еще до реализации продукции авансировал его, Азарья не чувствовал себя комфортно.

Динор, со своей стороны, настаивала на женитьбе. Но на ком? Кому-то не нравилось прошлое ее сына, другие не видели в нем добытчика для семьи, тем более вел он себя

в селе несообразно своему возрасту: то присвистнет с утеса на группу столпившихся у родника красоток, то выплывет прямо из-под воды у каменного мостка, где женщины в белых рубашках купаются и стирают многочисленное белье.

С детства у Азарьи было умение, удерживая воздух в легких, подолгу находиться под водой. Это помогало ему ловить рыбу в реке руками. В маловодье некоторые ее участки обкладывали осколками горных пород, и рыба, пытаясь ускользнуть, утыкалась в каменные тиски. Азарья перед ребятами демонстративно медленно опускал голову в мутную воду и через несколько мгновений высовывался, вскидывая над водой руки с огромной рыбиной.

Все попытки бабушки Динор засватать Азарье невинную юную невесту оканчивались неудачей. Намекали на такую возможность лишь семьи с давно уже перезревшими девушками, с женщинами-вдовами или девушками с сомнительной репутацией. Азарья же желал засватать только юную девственницу. Альтернативой, которую он обозначил матери, была его знакомая в Петровске. Эта женщина работала там в типографии и, по утверждению Азарьи, очень любила его. Динор приняла бы такую женщину, если та действительно любила его сына, но та была не только не еврейка — она была армянка. К тому же отец девушки, владелец мастерской по мелкому ремонту, по всей видимости, тоже отрицательно относился к увлечению своей дочери.

Приблизительно раз в две недели Азарья с утра уезжал в Петровск и возвращался только к следующему вечеру. В одну из летних ночей отец избранницы Азарьи обнаружил ее отсутствие в доме. Захватив имевшееся в доме ружье, он вышел на поиски дочери. Обнаружив за деревьями в небольшой аллейке недалеко от дома движение, а затем и двоих увивавшихся в любовных объятьях молодых людей, он окрикнул:

— Карина?!

От общей бесформенной массы из-за деревьев отделилась девушка в легком халатике с оголенной грудью и мигом побежала в сторону своего дома, обегая разъяренного отца.

— Ах ты проститутка! — крикнул он, пытаясь шлепнуть стопой по заднице убегающей дочери.

В ту же минуту он направил ружье в сторону аллеи. Кто-то дернулся за деревьями, но затем замер, очевидно, чего-то ожидая.

— Эй, ты, а ну-ка стой! — отец девушки подошел поближе. — А ну-ка выходи оттуда!

Немного погодя из зарослей вышел взрослый мужчина. Подтягивая пояс, он издевательски медленно поправлял смявшуюся черкеску.

— Ах ты наглец! Сукин сын! Жидовская морда! Живым не уйдешь, — человек с ружьем быстро прицелился и выстрелил.

В последний момент перед выстрелом Азарья кинулся на мужчину и сбил его с ног, далее резко встал и бросился наутек. Вслед ему прозвучали еще один выстрел, проклятья неудавшегося стрелка и лай встревоженных собак. Нырнув в переулок, Азарья нарвался на полицейского. Последний, ухватившись всем телом, пытался завалить его на землю. Все же Азарья вырвался и бежал. К лаю собак присоединился еще и свисток преследовавшего мужчину полицейского. В восточной части города у Азарья был товарищ, который работал на лесопилке и жил в худой хибарке. У него беглец и спрятался.

Переждав ночь, отчаянный любовник на рассвете выбрался из города и направился в сторону Маджалиса. Больше он не видел ни свою Карину, ни ее отца. Через полтора месяца от единственной подруги Карины, проживавшей

с ней по соседству, он узнал, что отец срочно выдал ее замуж за состоятельного вдовца, портного из Дербента.

Отработав несколько месяцев на сезонных рыбных промыслах и несколько успокоившись, Азарья решил взяться за ум. Заработав каким-то образом сто пятьдесят рублей, он вернулся домой с прекрасным, как ему казалось, планом.

Сначала он решил заручиться поддержкой своих племянницы Динары и матери Динор. Он попросил их поговорить с Рахамимом, чтобы тот взял его в деловые партнеры. Лишь чувствуя себя хозяином дела, якобы он может успешно работать, а так — батраком — он быть не собирается. Впрочем, ни племянница, ни мать не могли понять, каким образом этот приведенный Азарьей аргумент может побудить Рахамима к решению о партнерстве с ним, настолько дерзок и щеделушен был план близкого им человека. Тем не менее подходящий, с точки зрения Азарьи, довод вскоре нашелся.

Как-то мать, по недомыслию и немного похваляясь, рассказала Азарье, с какой суммы Рахамим начал дело. Что к имеющимся у молодой пары 150 рублям они с Манширом добавили почти пятьсот. Также она сообщила о помощи с производственной площадкой, которую оказал Рахамиму местный купец Зоволу.

Эта информация, сразу проникшая в сознание Азарьи, и зависть от хорошо идущих дел в семье племянницы, побудили его, ранее работавшего на Рахамима как на хозяина, подойти к разговору с ним совсем с иной позиции. Динара предупредила мужа, что Азарья желает стать его партнером, а бабушка Динор попросила зятя об уступке в возможно предстоящем его разговоре с сыном. Рахамим и сам в принципе не против был отдать Азарье процентов десять в случае его ответственного отношения к делу, хотя и не видел в мужчине ни желания работать, ни какого-ли-

бо умения, полезного в медном ремесле. Молодой мастер предпочел бы вообще не связываться с ним.

Войдя в мастерскую, Азарья обнаружил Рахамима, спаивающего горелкой боковую поверхность заготовки кувшина к её круглому основанию. Один из подмастерьев, юноша на вид семнадцати лет, помогал ему, периодически укрепляя части изделия в разных положениях на специальной станине. Второй подмастерье, парень лет пятнадцати, расположившись в углу мастерской, занимался лужением заготовки большой кружки для питья воды. Заметив вошедшего, Рахамим отложил горелку, вытер руки тряпчочкой и присел на лавочку у небольшого столика, служившего для производства расчетов, вычислений на бумаге, приема пищи, а также, как оказалось, проведения переговоров.

— Рахамим, ты же мне брат, так или нет? — начал разговор более взрослый из мужчин, протянув руку через столик и положив ее на плечо молодого мастера.

— Брат, если ты так считаешь, — спокойно ответил Рахамим, пытаясь реагировать без неприятия.

— А если так, дорогой мой брат Рахамим, помоги мне подняться — отдай мне половину своего дела, — хамовато произнес переговорщик.

Рахамим, не веря своим ушам, внимательно всмотрелся в глаза Азарьи, после чего с плохо скрываемым раздражением отвел его руку со своего плеча и встал.

— С чего это я должен тебе что-то отдавать, Азарья? Ты не приложил к этому никакого участия, кроме как испортил несколько заготовок.

— Не спеши, брат, — продолжил Азарья, встав, плотно приблизившись к Рахамиму и хищно уставившись ему в глаза. — Люди склонны забывать ту помощь, которую им оказали. — Затем он, возложив уже обе руки на плечи Рахамиму, прямо спросил: — Ответь мне, пожалуйста, по-

мощь моей матери, брата и других людей была ли значимой для тебя или она была несущественной?

— Да. Они мне серьезно помогли.

— Серьезно помогли! Так. И ты мне серьезно помоги. Или ты всем прощаешь свои долги? И к тому же, деньги-то все равно останутся в семье.

— Чего ты хочешь? — спросил Рахамим.

— Полного партнерства.

— Ну и как ты это видишь, Азарья?!

— Да очень просто — все пополам: деньги пополам, товары пополам, работать тоже будем поровну.

После некоторой паузы Рахамим спросил:

— Ты полагаешь, что сможешь отдалиться делу в той же мере, что и я? Ты же не учился этому шесть лет, как я.

— Не учился и что же? Ты мне все покажешь. Буду отвечать за продажи, доставку материалов, наем работников, мало ли еще за что...

— А если я откажу тебе, что будет?

— А ты мне не откажешь... Вспомни, сколько своих денег ты вложил в это дело?

— Шестьсот пятьдесят рублей.

— Нет, *халефлей ме*¹, сто пятьдесят рублей. В остальных средствах тебе помогли, в том числе мои мать и брат. — Азарья деловито полез за пазуху своей выдавшей виды черкески и вынул оттуда кучу смятых кредитных билетов, которые небрежно бросил на стол. — Вот это моя доля, ровно сто пятьдесят рублей.

— Забери свои деньги, Азарья! Партнерства не будет. Это мое дело. И останется оно моим.

— Извини, деньги мы используем на дополнительное оборудование и материалы, возьмем еще одного помощ-

---

¹ Халефлей ме — мой мальчик, дословно — мой потомок (перевод с джуури).

ника — нас теперь двое, стало быть, производить надо больше.

Рахамима несколько взбудоражили напор и хамство родственника. Сняв рабочую куртку и рукавицы и повесив их на специальные крючки, он вышел из мастерской, громко хлопнув дверью.

Прошло несколько дней, в течение которых Рахамим не появлялся в мастерской. У Азарьи с двумя подмастерьями ничего не ладилось. Поначалу он думал воспользоваться опытом последних в изготовлении несложных изделий — в основном кухонных принадлежностей, однако необходимо было выполнять и поступающие заказы посложнее.

Дома на ужине мужчины сидели, стараясь избегать каких-либо разговоров. Впрочем, долго это не могло продолжаться, и непонятно, как далеко могло зайти. Были обязательства перед односельчанами, подходили сроки заказов, которые надо было выполнять. Иначе все дело, дело жизни Рахамима, могло вылететь в трубу.

Через две недели, понимая цену наступающих последствий и войдя в положение нахрапистого родственника, Рахамим озвучил свое окончательное условие:

— Я готов работать с тобой, как ты говоришь, по-братски, но из расчета один к двум — и вкладываемся так же, и получаем от вложений. Согласен?

— Ну ты и хитрец!.. — с нарочитым недовольством пробурчал Азарья и протянул руку для рукопожатия.

Сделка состоялась.

Глава 1.11. Неосторожное купание

В один из летних дней, ближе к вечеру, отдав распоряжение одному из подмастерьев, Азарья пошел купаться на реку, причем не на Катте, а к ближайшему берегу основного рукава реки Уллучай. Это было прекрасное живописное место, скрытое валунами своеобразной слоистой породы и растительностью. При этом здесь было достаточно глубоко и комфортно для купания, когда воды в целом на реке было мало.

Азарья осторожно спустился вдоль косогора по камням и рытвинам до самой реки. Сюда же вдоль берега пролегал и другой практически пологий маршрут, ведущий с кумыкской части селения.

Вдоволь накупавшись, мужчина зашел под небольшую скальную терраску, расположенную в нескольких саженях прямо над водой, чтобы отжать свое промокшее при купании белье. Черета дикого кустарника, расположенного впереди этого уступа, едва прикрывала голое тело многострадального и уже в общем-то не совсем молодого человека.

Вдруг Азарье послышались девичьи голоса. Действительно, две девушки, поговору кумычки, предположительно сестры пятнадцати и тринадцати лет, приближались к месту его купания. Инстинктивно Азарья присел, чтобы его не было видно за кустами. Гоготушки остановились прямо напротив Азарьи и, оглядевшись по сторонам, скинули с себя всю одежду. Когда одна из девочек побежала к воде, вторая, младшая, сказала, что ей приспичило. Первая рассмеялась и предложила сделать это в воде, вторая ответила, что она так не сможет, и направилась к той террасе, где прятался обескураженный красотой и белизной точеных девичьих тел Азарья.

— Салам алейкум! — только и мог произнести голый мужчина, когда его глаза встретились с глазами тринадцатилетней девушки.

Неспособная даже двинуться с места, она зашлась от крика. К этому воплю добавился второй, не менее пронзительно-резкий, когда Азарья, выпрямившись, открыл обзор своего мужского великолепия для молоденькой купальщицы. Придя в себя и едва прихватив свое небольшое одеяние, девушки бросились наутек. Азарья надел бешмет на голое тело, обул чуваки и, прихватив еще остававшееся мокрым белье, также поспешил восвояси.

Когда мужчина вошел в дом, все уже было готово к ужину. Динор с маленьким Шомоилом расположились на одном из нимдеров, напротив них сидела Динара, покачивая одной рукой *гугфере*¹ с полугодовалой малышкой Сипро.

Завидев Азарью, Динор встала, принесла похлебку в чугунке, приготовленную на печи, сооруженной Рахамимом в специальной пристройке у дома, выложила на обеденную скатерть лепешки и сыр, поставила плошку с соленьями: зубчиками чеснока и острым перцем.

Азарья зашел в глубину дома и, переодевшись, вышел и присел к сидящим за обеденной скатертью женщинам. Ополоснув лицо и шею у умывальника и вытершись полотенцем, вошел Рахамим. Улыбнувшись спящей в гугфере дочке, он сел рядом со своей женой. Стущались сумерки, и Динара зажгла керосиновую лампу, поставив ее у обеденной скатерти.

— Мама, я возьму винца? — бодро спросил Азарья.

— Возьми, сынок, — ответила мать, — и Рахамиму налей стаканчик.

Азарья спустился в амбар. Через несколько минут он принес два стакана процеженного холодного красноватого

¹ Гугфере — деревянная колыбель, люлька (перевод с джуури).

вина. Передав стакан Рахамиму, он, прежде чем присесть на нимдер, выпил свой стакан залпом.

Некоторое время ели молча. Динара встала и увела Шомоила спать.

Внезапно во дворе раздался шум. Затем резко открылась прикрытая изнутри дверь. Перед сидящими хозяевами дома стоял мужчина приблизительно того же возраста, что и Азарья, в ярости держась за кинжал.

— Азарья, выходи на двор, сукин сын! — крикнул незнакомец, глаза его сверкали двумя горящими угольками.

— Кто ты? — быстро вскочила Динор и встала между сыном и разъяренным гостем.

— Выходи, Азарья! Или ты прячешься, шакал, за юбкой своей матери?!

— Я не прячусь, Абдалла. Прикуси язык! — в свою очередь прикрикнул Азарья, вставая с нимдера и выступая вперед из-за спины Динор. Он подтянул расслабленный пояс и также взялся за кинжал.

— Что случилось?! Что случилось? — закрутилась Динор как кобра для нападения, не понимающая, в какой стороне противник.

Внезапно заплакал проснувшийся в гуфере ребенок.

— Послушайте, уважаемый, — неожиданно для Динор произнес вышедший вперед Рахамим, — давайте разберемся, прежде чем кинжалами махать. — Он вытолкнул грозного горца за узкий проем двери, вышел вслед за ним. — Послушайте, Абдалла, уверен: случилось какое-то недоразумение! — несколько примирительным, но твердым тоном промолвил Рахамим.

За спиной он слышал визгливую отповедь матери сыну, в которой та настаивала на немедленном его признании того, что натворил. Азарья пытался пояснить, что произошло, но Динор уже вышла из себя, предчувствуя неладное,

и ее надо было прежде успокоить, чтобы она начала понимать, о чем идет речь.

Выслушивая оправдания Азарьи за дверью, ухватив за кисть руки горца, отчаянно рвущегося вырвать кинжал из ножен, и жестко глядя ему в глаза, Рахамим разъяснял:

— Говорю Вам, Абдалла, это недоразумение. Вы же слышите? Азарья ни пальцем не трогал ваших дочерей, ни словом не оскорбил их. Он просто выжимал свое белье в кустах после купания, когда неожиданно появились Ваши дети. Вы, наверно, в горячке и не спросили их, что реально произошло. — Абдалла несколько ослабил кисть руки. — Прошу Вас — вернитесь домой, расспросите. Если это не так и Азарья виновен, то Вы имеете полное право требовать ответа.

Лицо Абдаллы было чернее ночи. От злости его тело лихорадило. Достаточно было малой искры, чтобы завязалась смертельная схватка.

Во двор вошла женщина с криками: «Абдалла! Абдалла!», очевидно, пытаясь отговорить мужчину от поспешных злонамеренных действий. Грозно наорав на женщину, вероятно, жену, Абдалла повернулся к Рахамиму и проскрежетал сквозь зубы:

— Смотри, еврей, я вернусь!

Он резко вышел со двора, за ним выбежала что-то громко причитающая женщина.

Войдя обратно в дом, Рахамим увидел тяжело дышащую бабушку с полуприкрытыми глазами. Она сидела на нимдере, опираясь спиной о беленую стену. Рядом суетились Динара и Азарья с полупустым стаканом воды. Малышка Сипро, закончив плакать, присела в гуфере и наблюдала за происходящим большими карими глазами.

— Мама, клянусь тебе, он не вернется, потому что ничего не было. Сам опозорил своих девочек, что при-

перся сюда разбираться. Мама, как ты? Еще воды? Лекарство? — взволнованно произносил младший сын, пытаясь успокоить себя и маму.

— Ничего не надо! Так посижу и пройдет.

— Как там Шомоил? — спросил Рахамим у жены.

— Заснул сразу после ужина, — ответила она.

— Разве это мыслимо, разрешать девочкам купаться голыми на реке, да еще под вечер?! Разве раньше такое можно было представить? — возмущался Азарья. — Он не вернется. Ему будет стыдно за свою горячность, мама.

Азарья обеспокоенно смотрел на неподвижную, будто переставшую дышать мать. Коснулся ее лба ладонью: «Не умерла ли?» Погладил по щекам. Женщина вышла из короткого забытья и заплакала:

— До каких пор это будет продолжаться, сыночек?! Точно так же ни за что ни про что ты попал в тюрьму. Лучшие свои годы отдал. Не смог попрощаться с отцом. Не видел материнской ласки столько проклятых лет.

— Насколько я знаю кумыкский, жена его уже все выяснила, потому что просила не позорить девочек, не кричать на все село, — успокаивал маму Азарья. — Никто не придет.

Однако легка на помине. В дверь постучали. Рахамим открыл. У порога стояла та самая кричавшая женщина. На левой скуле у нее была гематома, которую она тщетно прикрывала краешком головного платка. Увидев за молодым человеком сидящую на полу односельчанку, еле сдерживая слезы, женщина разразилась примирительной тирадой на кумыкском языке, после чего Динор сочувственно ей кивнула. Уже пришедшая в себя от треволнений пожилая женщина сказала что-то одобрительное и, в свою очередь, запричитала, не сдерживая слез, очевидно, о незавидной участи своего несчастного сына.

Когда женщина ушла, Динор, опережая возможные вопросы, сказала:

— Всем нам лучше забыть об этой истории, как будто ее не было. А теперь помогите мне встать, пойду лягу в свою постель.

Мужчины помогли Динор встать, и Динара проводила ее в комнату.

Об этой истории старались больше не вспоминать, но неосторожные взгляды односельчан говорили Азарье, что о ней многие знают и относятся к нему с пренебрежительной осторожностью.

Через некоторое время эта презрительность дала о себе знать: сельчане перестали закупать продукцию мастерской, в которой основная руководящая роль, на их взгляд, вроде бы как перешла к чрезмерно предприимчивому из партнеров — Азарье. Дважды ее обворовывали, один раз попытались поджечь. Это происходило в субботние дни, когда в мастерской никого не было.

Изменившееся отношение односельчан, среди которых Динор всегда пользовалась безусловным уважением, сказывалось на ее здоровье. Она все реже выходила из своей спальни.

Азарья, наоборот, стал чаще выезжать в города Темир-Хан-Шуру, Петровск и Дербент в попытке найти клиентов на продукцию своей с Рахамимом мастерской. Его партнер при этом предпочитал оставаться работать на производстве.

В феврале 1913 года, менее чем через три года после возвращения из ссылки, Азарья покинул отчий дом. Перед этим он забрал все имевшиеся в распоряжении партнеров деньги, около двухсот рублей, и выручку, полученную за два месяца в Петровске. Еще через полгода в адрес администрации Маджалиса пришло предписание, что в случае

появления в селе Оширова Азарьи бен Пинхаса необходимо немедленно известить об этом областное полицейское управление.

По слухам, став паевым совладельцем одной из рыбопромысловых артелей, в которую он вложился наряду с несколькими русскими компаньонами, Азарья обворовал ее. Обнаружив крупную недостачу залама в *ледниках*¹ и заподозрив в краже Азарью, эти самые сотоварищи решили утопить его во время ночной ловли. Тем не менее мужчине, которому с детства удавалось надолго задерживать дыхание под водой, удалось ускользнуть. В память об этой рыбалке у него остался глубокий шрам на спине и шее от багра, обрушившегося на него при прощупывании одним из рыбаков толщи воды возле шхуны, с которой тот выпрыгнул, спасаясь от гибели. Как установят значительно позже, от случившегося переохлаждения при этом погружении мужчина, к несчастью, потерял возможность иметь собственное потомство.

Так или иначе, Азарья снова исчез. Матери он дважды посылал весточку, что жив и здоров, просил не волноваться. Во время Гражданской войны пришло письмо, что он пошел добровольцем в бригаду снабжения армии продовольствием, и, мол, все у него хорошо.

Это было последнее сообщение от младшего сына, полученное матерью. В апреле 1915 года она умерла.

---

¹ Лёдник — помещение для складирования скоропортящихся пищевых продуктов, в котором охлаждение производится при помощи льда.

Глава 1.12. Зоволу

Уроженец Маджалиса, купец, фабрикант и известный нам благодетель Рахамима Зоволу был сверстником Эсефа и Пинхаса. В нем была крепкая предпринимательская жилка. Оба его сына, внуки и два зятя работали с ним в одном большом семейном деле, занимаясь обработкой кожи крупного и мелкого рогатого скота и ее продажей. Многие горские евреи Кайтага славились этим ремеслом, так как оно издавна было характерно для этого этноса.

Обработка кожи считалась неprestижным занятием из-за неприятного запаха, который являлся непременным атрибутом этой профессии. Таким образом, есть определенный социальный смысл в том, что это «грязное» дело было закреплено в мусульманском обществе именно за горскими евреями. Каждую весну евреи, выделывающие кожу, отправлялись в горные аулы за шкурами.

Кожевенная продукция, производимая десятками артелей и фабрик семейства Зоволу, была неплохого стабильного качества, пользовалась спросом, поэтому ее продажи неуклонно росли. Несмотря на устоявшееся табу, очевидный рост благосостояния Зоволу не мог не вызывать зависти и недовольства многочисленных торговцев, промысловиков и, конечно же, конкурентов.

Не раз успешному фабриканту поступали анонимные угрозы с требованием ограничения объемов выделки. Доходило до прямых угроз жизни членов его семьи. Летом 1913 года неизвестными был подожжен склад с крупной партией продукции. Жертвами поджога стали и лошади в расположенной рядом конюшне. Полицейское расследование ни к чему не привело. Затем был похищен один из внуков Зоволу, после чего пришло анонимное требование полностью прекратить производство. Ни потомок несчастного фабриканта, ни злоумышленники найдены не были.

Безутешные отец ребенка и дед все же остановили на время большинство работ и начали собственное расследование. В итоге выяснилось, что противниками оказались их основные новоиспеченные конкуренты в производстве качественной переработанной овчины — братья Заур и Азиз Абдуллаевы, о чем Зоволу и его семья и так догадывались. Последние имели большие связи в областной администрации и органах полиции.

Естественное желание ответить похитителям привело к тому, что сыном Зоволу, отцом его похищенного внука, был в ответ похищен племянник братьев Абдуллаевых для последующего его вероятного обмена, однако тот оказал жесткое сопротивление, в результате чего был тяжело ранен.

После случившегося на личной встрече глав противоборствующих семейств Зоволу в обмен на жизнь внука принял решение о полном закрытии своего дела, в том числе путем частичной продажи его своим конкурентам. Кроме этого, фабриканту пришлось дать обещание покинуть Дагестан и никогда сюда не возвращаться, а также не промышлять и не торговать на территории области.

Зоволу целиком выполнил свою часть соглашения. В апреле 1914 года его семья переехала в *Пятигорский округ*¹, практически полностью в то время населенный христианами. Получить такую возможность купцу — горскому еврею — было крайне непросто. Определяющим стало участие семьи Зоволу в благотворительности на землях Кавказских Минеральных Вод. Не обошлось и без личных благодарностей разного рода чиновникам.

---

¹ Пятигорский округ (отдел, уезд) — территориальная единица Терской области Российской империи в 1785–1924 годах. Административный центр — Пятигорск. Национальный состав по переписи 1897 года (всего 181 481 чел.): русские — около 82 %, мусульманская и иудейские диаспоры — около 2 % каждая.

Братья Абдуллаевы также выполнили свою часть соглашения, но похищенный ими молодой человек вернулся в свою семью без нескольких пальцев правой руки.

Рахамим, построивший мастерскую на территории, принадлежащей Зоволу, фактически подаренной им, не оформив документально свои права на мастерскую, попал в непростую ситуацию. Новые собственники Абдуллаевы предприняли все возможное, чтобы вытеснить его оттуда. На их стороне был закон, и поэтому после семи лет успешной работы, обеспечивавшей благополучие его семьи, Рахамим был вынужден проститься со своим делом. За длительное незаконное использование земельного участка мастерская и ее оборудование перешли в собственность Абдуллаевых. Обращение представителей горско-еврейской общины к властям Маджалиса с просьбой о смягчении решения об изъятии имущества мастерской у прежнего хозяина вследствие наличия у него на иждивении пяти человек: жены, троих малолетних детей и тещи — привело лишь к некоторому незначительному снисхождению. Рахамиму разрешили забрать из мастерской только личные вещи, ручной инструмент и материалы на сумму не более пятидесяти рублей. Предполагалось, что этим ограниченным набором инвентаря мастер сможет изготавливать несложные медные предметы, тем самым поддерживая свою семью.

Внимательный читатель припомнит, что Динара с детства занималась рисованием и как она предложила приехавшему к ним в дом постороннему восьмилетнему мальчику, ее будущему мужу Рахамиму, посмотреть свои рисунки. Динара постоянно что-то рисовала, время от времени улучшая свое мастерство. Это занятие ей было по нраву. Муж всегда поддерживал ее интерес и с вниманием относился к ее творчеству, закупал необходимые для этого бумагу и карандаши.

Желая одарить свою супругу чем-то особенным после рождения дочки Мельке, названной в честь ее погибшей

матери, Рахамим отчеканил для нее на медной табличке ее собственный портрет с малышкой у груди. Используя за основу рисунок Динары с соответствующим изображением, он два месяца тайно работал над металлом. Пришлось взять несколько уроков от мастеров, торговавших похожими изделиями на рынках Дербента и Порт-Петровска. Было несколько неудавшихся попыток, прежде чем внимательный муж решился представить свое творение Динаре. Отчеканенная медная табличка была неидеальна, но женщина была вне себя от восторга.

Новое занятие увлекло обоих молодых людей, тем более часть из произведенного стала неплохо продаваться. На основе эскизов Динары с натюрмортами, эпическими или религиозными сюжетами, элементами народного творчества рождались востребованные единичные и серийные изделия. Рахамим постепенно усовершенствовался в чеканке на медных табличках. Пробовала себя в этом деле и Динара, но быстро поняла, что это не ее стезя. Несмотря на некоторые успехи, наш молодой мастер не придавал этому занятию серьезного значения, воспринимая его как временное и вынужденное.

После трехмесячного простоя изъятой у Рахамима мастерской братья Заур и Азиз, хотя это не являлось их профильным делом, попытались запустить ее работу в том виде, в каком она осуществлялась ранее. Пригласили несколько работников из числа прежних, кто трудился у Рахамима, а также других представителей местного населения, но, по всей видимости, не получили желаемого результата.

Через два месяца (уже шла Первая мировая война) мастерская закрылась. Теперь уже вся территория, когда-то освоенная Зоволу, в погожие дни покрывалась овчиной, доводимой до нужных кондиций под лучами маджалисского солнца.

Глава 1.13. Солдатская доля

Вы не можете находиться и жить в благостном безразличии, в то время когда где-то совсем близко идет война, грохочут снаряды, гибнут люди, а враг может прийти в ваш дом и отнять жизни у ваших близких.

Мелким ремонтом и новым для себя делом — чеканкой на медных пластинах — Рахамим кое-как справлялся с обеспечением своей семьи. Однако в июле 1916 года, несмотря на наличие у него иждивенцев: жены и трех малолетних детей, мужчине пришла повестка, по которой ему надлежало явиться в мобилизационный пункт для прохождения военной службы на основании июньского указа. Мужчина игнорировал приглашения мобилизационных органов до тех пор, пока в ранних утренних сумерках представители последних не ворвались к нему домой и не увели его силой. В ушах молодого новобранца еще долго звучали тщетные просьбы Динары к военным об освобождении мужа, ее стенания о том, что они обрекают их детей на голодную смерть, плач детей, особенно крики ничего не понимающей трехлетней дочки Мельке.

— Не печальтесь так, мамаша, Россия-матушка позаботится о тебе и твоих детках, — произнес тогда гренадерского вида солдат с винтовкой в руках, слегка напуганный тем, что несколько не рассчитал силы, грубо отталкивая от мужа молодую женщину с ребенком на руках.

В тот же день десятки призванных из Маджалиса молодых и не очень мужчин были направлены на пересылочную базу в урочище Дешлагар, откуда в течение недели были распределены и отправлены в разные подразделения, расположенные в тылу под достигнутыми рубежами Кавказского фронта.

Годом ранее был призван и Манашир. Он сам известил родных о предстоящей мобилизации, приехав из столицы

помянуть скончавшуюся мать. Он служил на Западном фронте в звании младшего офицера. Целя с двумя детьми осталась в *Петрограде*¹. О судьбе Азарьи, кроме того, что тот тоже находится на воинской службе, ничего известно не было.

Рахамим служил в тыловом подразделении, обеспечивающем обмундированием передовые части Кавказского фронта. Его служба могла окончиться в одночасье уже через два с половиной месяца при минометном обстреле турками обоза, в котором он сопровождал военный груз.

Только помощь Всевышнего в виде неожиданно появившегося в зоне обстрела конницы одного из кавалеристов, распознавшего жизнь в окровавленном теле практически бездыханного молодого человека, и профессионализм медперсонала госпиталя, в котором он лежал с тяжелым ранением, помогли ему выжить. О том, что этим кавалеристом, взводным урядником, вывезшим его из места обстрела, был его отец, Рахамим узнал от оперировавшего его врача².

Поздним дождливым вечером конца осени 1916 года в полуверсте от станции Мамед-Кала остановился длинный воинский эшелон. В проеме с грохотом открывшейся двери одного из вагонов-теплушек сверкнуло пламя спички, поджигающее две самокрутки. В свете кратковременного огонька показались лица двух молодых людей, одетых в солдатские шинели. Далее последовали быстрые мужские объятья, и один из них с большой осторожностью выпрыгнул из вагона, едва не повредив лодыжку о выпирающую из земли рассыпанную гальку.

---

¹ Петроград — название города Санкт-Петербурга в 1914–1924 гг. Санкт-Петербург был переименован 31 августа 1914 года, после вступления России в Первую мировую войну, из-за антигерманских настроений.

² Указанные события описаны в Книге 1 «Беньягу» серии «Горские евреи».

Несколько расходив ушибленную ногу, военный побрел вдоль эшелона в сторону здания станции. У входа его окликнул пеший наряд, состоящий из младшего офицера и двух нижних солдатских чинов. Проверив документы, патруль, отдав честь, пожелал солдату счастливо добраться до дома. В здании, с той стороны, где ранее, по-видимому, располагался буфет, стоял разогретый двухведерный самовар, из которого немногие из присутствующих здесь этой ночью, в основном военные, наливали себе горячую воду.

Рахамим тоже воспользовался кипяточком, налив его в походную флягу. Хлеба не было, из всего довольствия остался только кусок колотого сахара размером с небольшую грушу. Присев на корточки и опершись о внутреннюю стену помещения, он осторожно хлебнул кипятка и закрыл глаза. Ему вспомнилась их с Динарой первая поездка на поезде. Как же их восхитили этот небольшой вокзал и вся последующая дорога до Маджалиса! Погода, стоящая тогда и сейчас, реально отражала переживания молодого человека. Сравнивая оба впечатления, Рахамим отметил поразительную разницу: тогда это были молодость и ожидание исключительно прекрасного впереди, сейчас — нудящая, а иногда пульсирующая боль от перенесенного ранения и предощущение неумолимой беды. Это чувство угнетало Рахамима и не позволяло радоваться возвращению домой, к любимой семье.

После пары самокруток, выкуренных у дверей вокзала в ожидании какого-нибудь транспорта, и нескольких попыток заснуть, мужчине все же удалось напроситься на повозку, направляющуюся к автотрассе. Далее, спрыгнув с нее, Рахамим побрел в сторону Маджалиса. Ряды едва заметных сонных тополей и акаций вдоль дороги служили ему ориентирами в беспросветной тьме. Несколько раз мысли уносили его в госпиталь, в котором его проведывал Беньягу. То ли

усиливающийся холод, то ли быстрый темп движения, то ли оба эти обстоятельства вместе не позволяли молодому человеку сконцентрироваться на внешности отца.

Эта встреча была неожиданной для Рахамима. Он понимал, что проявил себя несколько эгоистично по отношению к близкому человеку, который, возможно, действительно искал его, как он высказывался. К тому же именно взвод отца вывез его, полумертвого, из разбитого турками обоза.

Сожалел ли Рахамим о том, как именно завершилась их последняя встреча с отцом?

Молодой человек не пытался разбираться в этом, он не считал необходимым вникать в это во что бы то ни стало. К тому же приходящий иногда образ отца физической болью напоминал ему о перенесенном ранении.

По дороге к дому ему попала движущаяся в том же направлении запряженная ослом арба с несколькими пустыми флягами из-под молока. Пожилой возница направлялся в Маджалис. Поначалу он отнесся к пешему в солдатской шинели с подозрением, но, услышав сначала горско-еврейскую, а затем и кумыкскую речь, успокоился и предложил помощь. Рахамим накинул на себя предложенную стариком бурку и немного согрелся. Это было весьма кстати, так как предупредительный холодок пробрал его практически насквозь. У поворота на Тубенаул солдат, сняв бурку и поблагодарив возницу, слез с арбы и направился в сторону дома. Как там его родные?

Утренние сумерки начали обозначать силуэты бесконечной как будто слепленной друг с другом череды заборов и стен саманных домов. Подойдя к знакомым воротам, он легко приподнял плечом маленькую дверцу в одной из створок и вошел во двор. Та, неожиданно громко заскрипев, захлопнулась изнутри. Поднявшись на несколько ступенек у входа в дом, Рахамим вошел в сени. Никто не встретил его, однако в дальней комнате послышалось движение.

— Динара! Динара! — окрикнул он и зажег фитиль в керосиновой лампе.

Убранство в сенях показалось ему несколько скудным. Отсутствовали стол и табуретки.

В дверях кунацкой появилась Динара. Похудевшая, осунувшаяся, как будто уменьшившаяся в росте, в черном бешмете, висящем на ней мешком, женщина в слезах бросилась к мужу. Не дойдя до него двух шагов, она упала ему под ноги в жутких рыданиях.

Рахамим силился поднять ее на ноги и обнять, но перенесенное ранение не позволяло ему сделать этого. Он лишь присел, усадив плачущую жену на колени.

— Ну, что случилось? — испуганным и раздраженным голосом спросил он. — Кто-то умер?

— Не уберегла! Не уберегла!.. — сквозь слезы кричала женщина.

В сени вошли заспанные дети Сипро и Шомоил и, стоя в отдалении от отца, также стали плакать. Рахамим понял все — отсутствовала его младшая дочурка Мельке. Ни поэтому ли отец троих детей так противился призыву на воинскую службу до тех самых пор, пока его не увели силой?!

Он вспомнил ямочки на улыбающемся лице своей младшей дочери, ее тянущиеся к нему маленькие ручки. Как же он любил этого ребенка, зацеловывал ее хохочущее личико, подбрасывал вверх, катал на стопе по дому!.. Как же он любил этого ребенка...

Сейчас, находясь в этом царствии печали, ему хотелось взречь, подняться, оставив плачущую жену на полу. Все же силой воли он не сделал этого, а дождался окончания рыданий безутешной матери. Выпрямившись, сняв шинель и бросив ее в угол, он подозвал детей, обнял их, поцеловал и прошел с ними в кунацкую. Здесь он присел на един-

ственную в доме железную кровать и посадил возле себя жену и детей. Когда Динара немного успокоилась, он спросил ее:

— Когда? Как это произошло?

— Два месяца назад пошли в лес за желудями и дикой алычой, некоторые женщины собирали ягоды, — начала рассказывать Динара, — и я не заметила, как этот *зехримар*¹ оказался в руках у наших девочек. Как они вообще притронулись к этим ягодам? — Динара вновь разрыдалась, затем, несколько успокоившись, продолжила: — Девочкам стало плохо. Пока запрягали соседскую подводку, пока доехали до лекаря, Мельке потеряла сознание и больше уже в себя не пришла. Промывания и уколы ни к чему не привели. А Сипро после промывания стало лучше.

Рахамим посмотрел на старшую дочку Сипро, которая внимательно слушала разговор взрослых. Шестилетняя девочка расплакалась, когда увидела направленный на нее взгляд отца. Худенькая в поношенной рубашонке, она думала, что тот сердится на нее. Прочитав страх в ее глазах, Рахамим немедленно протянул ей руку, нежно прижал к себе и поцеловал в щечки.

— Ты что это, доченька моя? Родная ты моя!

Шомоил молча подошел к отцу и обнял его за шею.

— Все, никуда больше не уйду от вас, — наконец дал волю слезам Рахамим.

---

¹ Зехримар — яд, отравы, дрянь (перевод с тюркского).

Часть 2. Рамбом

Глава 2.1. Пенуил

В середине декабря 1917 года в промозглый дождливый день на дороге, ведущей в аул *Мамраш*¹, появился всадник на серой кобыле. На нем была черная бурка, а лицо прикрывал черный *башлык*², надетый поверх папахи. Где-то совсем рядом за его спиной прогремел выстрел. Всадник мельком оглянулся и, продолжая подгонять лошадь, продолжил свой путь.

Проскакав еще с полверсты, он подъехал ко входу во двор местной синагоги и спешился.

— *Акъваз! Вуж къезва?*³ — послышался грубый мужской окрик откуда-то сверху. — *Даян! Ким гяляди?*⁴

---

¹ Мамраш (покинутое поселение в Южном Дагестане) — аул, основанный в 1810 году евреями-переселенцами из аула Карчаг. Согласно преданию, носит он имя своего основателя. Село было расположено на левом берегу реки Гюльгери-чай, примерно в 10 км к востоку от села Касумкент. В 1860 году в ауле Мамраш проживало 610 евреев, в 1886 году — 668, в 1926 году — 111. В 1860 году здесь действовали синагога и хедер, в котором обучались 20 человек. Основными занятиями евреев Мамраша в XIX–начале XX веков были земледелие, табаководство, выделка кожи. В 1895 году селение состояло из 114 хозяйств, из них большую часть составляли еврейские.

² Башлык — суконный остроконечный капюшон, надеваемый в непогоду поверх какого-либо головного убора. Имеет длинные концы-лопасти для обматывания вокруг шеи.

³ Акъваз! Вуж къезва? — Стой! Кто идет? (*Перевод с лезгинского.*)

⁴ Даян! Ким гяляди? — Стой! Кто идет? (*Перевод с тюркского.*)

— Менум! Пенуилум!¹ — спокойно ответил всадник.

— Эри, сифет туре винум², — настаивал на опознании постовой.

Откинув с лица башлык, всадник взглянул на нависшего над стеной ограды синагоги вооруженного мужчину.

— Какой Пенуил? — мужчина тридцати лет, сдвинув брови, тщетно пытался распознать незваного гостя. — Пенуил, старший брат Гъомиила аглобинского?

— Нет, Нахшун, старший брат Гъомиила дербентского.

Спешившийся, зрелых лет крепкий мужчина со слегка подернутой сединой бородой, привязал свою кобылу к дереву у ворот синагоги и вошел во внутренний двор.

Мужчины тепло обнялись.

— Гъомиил много лет назад переехал в Дербент. Сейчас он на войне. Недавно Господь забрал у него вторую жену. Не везет твоему другу, — поделился печальной новостью Пенуил, улыбаясь сильно возмужавшему, но невероятно осунувшемуся давнему другу своего младшего брата. Нахшун, схватившись за голову, в отчаянии зацокал языком. — А как ваши дела, дорогой Нахшун? — поинтересовался гость.

— Да разве не видишь, брат мой, в самооборону перешел. Вот на охране стою, — грустно ответил он, указывая на строительные козлы, размещенные за стенами ограды синагоги, с которых он, очевидно, вел наблюдение. — Со всем бандиты обезумели. Жить спокойно нам не дают, шакалы. Каждый месяц — какое-то происшествие: то ограбят кого-то, то избыют до полусмерти, а то и подожгут чего-нибудь для устрашения наших аульчан. У вас обстановка получше, я надеюсь?

---

¹ Менум! Пенуилум! — Я! Пенуил! (Перевод с джуури.)

² Эри, сифет туре винум. — А ну-ка, дай посмотрю на твое лицо (перевод с джуури).

— Видимо, чуть получше, Нахшун, — тягостно вздохнул Пенуил, взглядываясь в лицо товарища, — только год от года все хуже и хуже становится. — Мужчины тревожно замолчали, после непродолжительной паузы Пенуил заметил: — При въезде в аул я слышал выстрел.

— Да это Симхо, мой начальник. Знак подал, что чужой появился.

— А-а-а, ясно! — улыбнулся Пенуил. — Извини, Нахшун, я войду, — будто спрашивая разрешения, произнес он и, прикоснувшись к *мезузе*¹, расположенной на дверном косяке синагоги, зашел в помещение.

Был последний день еврейского праздника *Ханука*², приближалось время вечерней молитвы, и многие из аульчан собрались в синагоге. На *ханукии*³, расположенной слева от *Арон-кодеш*⁴, горели все восемь свечей.

---

¹ Мезуза — небольшой свиток пергамента с рукописным текстом молитвы «Шма», нанесенным специально обученным переписчиком святых текстов. Его помещают в специальный футляр, который затем прикрепляют к дверному косяку еврейского дома. Прикосновение к мезузе или обращение на нее внимания помогает религиозному еврею вспомнить о единстве Творца и любви к Нему.

² Ханука — освящение, обновление (*перевод с арамейского*). Еврейский праздник, продолжающийся восемь дней. Установлен во II веке до н. э. в память об очищении Храма и освящении жертвенника, последовавших за разгромом и изгнанием с Храмовой горы греко-сирийских войск и их союзников в 165 году до н. э.

³ Ханукия — светильник, в котором последовательно в течение восьми дней праздника Ханука зажигают свечи, начиная с одной в первый день.

⁴ Арон-кодеш — синагогальный ковчег, специальное хранилище для Свитков Торы, символическая замена священному Ковчегу Завета. Он представляет собой нишу или высокий деревянный шкаф, внутри которого в настоящее время, как правило, устанавливается несгораемый металлический сейф. У обоих видов хранилища имеется дверь, поверх которой по традиции располагается искусно вышитая бархатная или шелковая завеса.

Рабби Бинсион шепотом, так что его не было слышно, читал древние тексты. Пожилой мужчина периодически склонял голову в поклонах, делал небольшие шажки назад и вперед. Те же движения совершали и другие аульчане, на плечи и голову большинства из которых был накинута *талит*¹, а в руках были книги.

Сняв бурку, башлык и папаху, надев на макушку головы *кипу*² и церемонно накинув на себя предложенный *шамашем*³ талит, Пенуил занял место за одной из скамеек и присоединился к молитвам своих единоверцев. Заприметив и узнав вошедшего, некоторые из мужчин приветствовали его кивками головы. Сидящие рядом здоровались символическими объятьями и рукопожатиями.

После службы, продолжавшейся еще около получаса, рабби Бинсион тепло поприветствовал Пенуила с бимы:

— Какими судьбами, уважаемый Пенуил? Мы не видели тебя уже много лет и очень рады твоему приезду. Что привело тебя к нам в этот дождливый, но все еще праздничный день?

Подойдя к Пенуилу, рабби приобнял его и предложил сесть за стол, расположенный справа от скамеек для молящихся. Во главе стола сидели старейшины аула, по сторонам — мужчины помоложе. Закрыв молитвенные книги, все с интересом поглядывали на Пенуила, а тот, признавая в ком-либо знакомые черты лица, приветствовал их легким наклоном головы.

---

¹ Талит — одеяние благочестивого еврея в виде четырехугольного платка из шерстяной материи с кистями (цицит) по углам.

² Кипа — традиционный еврейский мужской головной убор, символизирующий скромность, смирение и благоговение перед Всевышним.

³ Шамаш — синагогальный служка, на которого возложены обязанности наблюдения за порядком и чистотой в синагоге, заботы о сохранении имущества, соблюдения расписания молитв и прочее.

Передав талит шамашу, Пенуил присел.

— Как поживаешь, брат? — с ободряющей улыбкой приветствовал его *шохет*¹ Хануко.

Присутствующие застыли в ожидании. Пенуил неспроста прискакал в такую погоду — все это понимали.

— Нехорошие времена настали! — начал свою речь Пенуил. — Я, как вам, наверное, известно, живу в Аглоби, женат, у меня двое ребят.

— Да пребудут они вместе с тобой в счастье и радости! Да поможет им Господь! Чтоб ты на их свадьбах гулял и веселился! — в едином порыве рабби и другие мужчины благословили Пенуила и его детей.

— Спасибо! Вам и вашим семьям того же желаю! — После небольшой паузы Пенуил продолжил: — Вот вернулся с войны домой, к семье. Там было непросто, хотя в прямых боевых столкновениях я не участвовал. В основном держали оборону недалеко — здесь, в предгорьях. Однако не думал, что, вернувшись с фронта, обнаружу, что здесь все значительно хуже. Никогда я так не опасался за жизнь своей семьи, как сейчас, находясь у себя дома.

Сельчане обнищали, отчасти из-за долгого отсутствия мужчин и из-за военных поборов. Зреет недовольство и властями и отчего-то евреями. Разбойников и провокаторов все больше и больше. В теперешние времена у каждого имеется оружие. Если десять лет назад бандиты в основном грабили нас и вымогали имущество, то сейчас убивают. И опять мы виноваты во всех бедах. Заезжим, кому не лень, известны дома, которые принадлежат евреям, и кто из них хоть что-то имеет за душой. Они подстрекают наших

---

¹ Шохет — резник, совершающий убой скота и птицы в соответствии с требованиями галахи (еврейского закона, регламентирующего религиозную, семейную и гражданскую жизнь).

односельчан. Еще вчерашние вроде бы более-менее добрососедские отношения скатываются в недоверие, хамство и грубость.

— Все так. Нам тоже сложно стало. Многие, испугавшись за своих близких, уехали. Видимо, Господь испытывает нашу волю, — заметил один из пожилых прихожан.

— А что там в России творится?.. — неожиданно поинтересовался Хануко, вдохновенно выложив все, о чем ему известно. — Что царя скинули мы, конечно, знаем, и про Временное правительство, и что вместо наместника в область теперь назначены комиссары. А еще ходят слухи, в Петрограде что-то страшное происходит. Говорят, евреи власть захватили, убивают людей. Никогда не поверю, чтобы в России евреи власть взяли, а что убивают — это, мне кажется, откровенная ложь.

— Революция! Власть теперь рабочих и крестьян. В армии назревает саботаж, — поделился известной ему информацией Пенуил. — Вот новая власть и распустила по домам многие воинские подразделения, хотя войне конца и края не видно. А главного у них Ленин зовут.

— Еврей? — спросил сидящий рядом с Пенуилом аульчанин и сразу же предположил. — Скорее всего, из ашкеназских.

— Нет, русский, кажется... — неуверенно ответил Пенуил. — Владимир Ильич!

— Ильич... — произнес Хануко. — Может быть, и еврей.

— Не знаю, — ответил Пенуил.

В синагогу вошел Симхо. Предупрежденный охранявшим синагогу Нахшуном о приезде Пенуила, он с чувством его обнял и, сняв верхнюю одежду, также присел к столу.

— Кто у нас непревзойденный пулеметчик на все времена? — широко улыбаясь, во всеуслышание задал он, по-видимому, риторический для себя вопрос.

Кроме Симхо, никто из присутствующих не был свидетелем той пулеметной стрельбы по бандитам десятилетней давности, в которой братья Пenuил и Гъомиил проявили себя героически и спасли обоз с рабби Яангилом и другими репатриантами, направлявшимися в *Эрец-Исраэль*¹. Многие мамрашцы знали о Пenuиле именно по этой истории, неоднократно пересказанной Симхо землякам.

— Меня послала к вам аглобинская община, — после некоторого воодушевления от встречи со старым другом продолжил Пenuил. — Двое наших односельчан, переселившихся ранее в Дербент по роду своей теперешней работы, в курсе происходящего в Петрограде. Они предупреждают, что эта новая революция, провозглашающая власть рабочих и крестьян, сулящая им земли помещиков и крупных землевладельцев, очень воинственна и жестока в достижении своих целей. В начале декабря новые власти пришли в Дербент и Порт-Петровск и уже вступили в конфликт с местными лидерами, которые их не признают и откровенно противодействуют им. Скорее всего, всех нас ждет длительное противостояние местных лидеров с революционными властями, назначаемыми из Петрограда. В этом противостоянии можем серьезно пострадать мы — евреи. Всем нам надо быть бдительными и по возможности предупреждать вероятные неприятности. Сейчас надо оберегать свое имущество, каждый пуд запасенного хлеба, каждый аббаси. Нам, евреям-крестьянам, простым труженикам, счастье эта революция не принесет.

— А мы разве крестьяне? Мы же евреи! — возмутился молодой шамаш Иношке. — Сдержанный хохот единоверцев еще больше распалил тихого и скромного обычно

---

¹ Эрец-Исраэль — название, предпосланное к территории, населенной израильтянами, и к Северному (Израильскому) царству. С эпохи Второго храма становится синонимом Земли обетованной.

юношу. — Крестьяне носят крест и поклоняются Иисусу Христу, — уверенно произнес он.

— Иношке, крестьяне — это те, кто работает на земле: земледельцы, хлеборобы, виноградари, косари. Те, кто выращивает на земле хлеб, фрукты, овощи, табак и этим живет, кормит свою семью, — усмехаясь, пояснил Хануко.

— Всю жизнь живу и не знал, что я, оказывается, крестьянин, — проговорил парень, улыбаясь уже вместе со всеми.

После небольшой паузы, поглаживая усы и короткую чуть осеребрившуюся бородку, беседу продолжил Симхо:

— Что бандиты активизируются и будет хуже набегов банд абреков многолетней давности и что виноватыми снова окажутся евреи, сомневаться не приходится, поэтому мы и сохранили свой отряд самообороны. Вооруженный человек у нас постоянно на охране синагоги и на наблюдении за домом управления, двое постоянно находятся в дозоре: один контролирует дорогу, другой производит обход и следит за тем, что происходит в ауле.

— Неплохо. Нам тоже надо сделать что-то подобное, — отметил Пенуил. — Слух, что это евреи все натворили, в том числе и в Петрограде, распространяется неспроста — могут быть большие неприятности. Мы направили человека и в Ньюгди. Предлагаем поддерживать друг друга. За этим я и приехал. — Посмотрев на реакцию присутствующих, Пенуил продолжил: — Мы предлагаем защищаться сообща. Если будет информация о нападении на кого-либо из нас, другие должны прийти на подмогу. Необходимо отправить гонцов, как только появится реальная опасность. Мы ожидаем также поддержки от некоторых наших кунаков, живущих там, где обитают наши враги, например предупреждений о планируемых провокациях. Сил у нас не так много — многие наши переехали в Дербент

и продолжают уезжать, но полтора десятка всадников мы пока еще соберем. Только вместе мы можем защитить наши семьи.

— Так-то оно так, только и нас тоже почти не осталось. В нашей самообороне сейчас восемь человек, но в случае чего сможем поднять человек тридцать, не более, — проинформировал Симхо. — Как ты думаешь, Рамбом?

Симхо обращался к человеку, который сидел на стуле в некотором отдалении — напротив хранилища для свитков. Он был полностью укрыт талитом и продолжал, по-видимому, читать сидур уже после окончания общей молитвы. Хранивший до этих пор молчание, он, очевидно, слышал многое из-того, о чем говорили за столом.

Мужчина встал, сложил талит в специальный мешочек и ответил:

— Если ты считаешь, что наберем, Симхо, значит так и есть.

— Но как же так? Если придется идти на помощь, всех же мы не можем послать. Кто-то должен быть здесь. Человек десять-пятнадцать, думаю, должно остаться, — предположил один из мужчин.

— Кто-нибудь еще хочет высказаться? — спросил Симхо присутствующих, всматриваясь в лицо говорящего.

— Действительно как-то несоразмерно: у нас тридцать, у них пятнадцать. В Ньюди тоже, я думаю, не больше пятнадцати будет, — возмущался другой мужчина.

Рабби Бинсион строго посмотрел на сомневающихся мужчин, затем на Рамбома и, окинув всех суровым взглядом, обратился к гостю:

— Уважаемый Пенуил, скажи нашим братьям, что мы согласны. Нум Худо кумек!

Рабби встал из-за стола, обозначив, что вопрос решен. Аульчане повторили сказанное им благословение и также засобирались по домам.

— Жду вас на утреннюю молитву, — рабби уложил свое ритуальное облачение в шкафчик и снова повернулся к Пенуилу. — Что у тебя еще, Пенуил? Ночевать останешься?

— Нет, меня ждут. Большое спасибо, уважаемый рабби!

— Если захочешь поесть на дорогу, в кладовой во дворе есть вино, хлеб и сыр. Хотя, как ты поедешь ночью?

— Я еще проведу старика Фарэджа. У него и заночую. Он, наверное, знает, чем наши соседи дышат.

— Хорошо, передавай привет старику.

— Хочу еще поговорить с Рамбомом.

Рамбом, собиравшийся было уходить, повернулся к Пенуилу и удивленно поднял глаза.

— Со мной?

Пенуил молча кивнул.

Когда все, кроме Рамбома и Пенуила, вышли из синагоги, рабби Бинсион задул огни в освещавших помещение керосиновых лампах.

— Рамбом, закрой, пожалуйста, синагогу, когда закончите, — попросил он, передавая задерживающимся соплеменникам ключи и выходя из помещения.

Дверь закрылась. Двое мужчин остались сидеть в полутьме. Их лица озаряли догорающие огоньки свечей ханукии, а тени, чуть колеблясь, падали на беленные известью синагогальные стены.

Рамбом внимательно всматривался в лицо Пенуила и с тревогой ожидал, о чем тот намерен сообщить.

— Неделю как вернулся, а дома почти не был. Хозяйство в полном упадке, — начал разговор Пенуил. Затем, после паузы, виновато глядя на Рамбома из-за необходимости, возможно, первым сообщить ему плохую новость, он с горечью произнес: — Вы знаете что-нибудь о Вашем тесте Беньягу?

— Нет. Мы уже больше года ничего не слышали о нем. Мозолут места себе не находит.

— Прости, Рамбом. У меня плохие новости. Беньягу погиб.

— Как погиб? Когда?

— Больше года назад. В ноябре 1916-го.

— Как же так? Почему мы ничего не знаем?

— Предполагаю, Рамбом, что в восстановленных властями ему в начале войны документах на имя Беньягу Рафоилова местом жительства указан поселок Геокчай, вот, видимо, туда и направили извещение о гибели военнослужащего.

— Я полагал, что именно это и произошло, но не хотелось верить, — с досадой произнес мужчина. — Ведь если бы тесть был жив, он не стал бы держать дочь в неведении так долго. — Некоторое время Рамбом молчал, ошарашенный известием, затем спросил: — А ты... ты откуда знаешь, и насколько это точно?

— Верно знаю, Рамбом, — ответил Пенуил. — Домой после госпиталя вернулся сослуживец и друг Вашего тестя Хасан. Наш, аглобинский. Узнав от Беньягу, что в его родном селе живет их общий знакомый, Хасан и не полагал, что именно для такой миссии я ему понадоблюсь. Он хотел сам сообщить близким своего боевого товарища и друга, каким Беньягу был прекрасным человеком, другом и воином, как он умер практически на его руках. Последние дни перед демобилизацией Хасан попал под минометный обстрел и был ранен в руку. Теперь из него не очень хороший наездник, так как правую руку ниже локтя ему ампутировали.

— Как погиб мой тесть?

— Небезызвестный вам убийца Черный Кунак добрался до него. Возле самого Трабзона. Переодевшись

в обмундирование, вероятно, убитого им конного ординарца команды связи, он отыскал Беньягу и в схватке на кинжалах смертельно ранил его в грудь. Хасан подстрелил этого самого Черного Кунака, но было уже поздно.

— Да... у Беньягу хватало врагов. Странно только это. Он ведь всегда был осторожен, — вздохнув, заметил раздосадованный зять. — Какое несчастье! — последовала очередная его реплика, прозвучавшая как размышления вслух. — Как мне сказать об этом Мозолут? Она и так тяжело переживает неудавшуюся беременность.

Пенуил открыл сумку, которую все время держал возле себя, достал из нее несколько предметов и положил их на стол перед Рамбомом. Это были хорошо знакомый Рамбому кинжал Беньягу в кожаных ножнах, медаль солдатского георгиевского креста 4-й степени и фотография.

— Эти вещи Хасан сохранил для передачи близким, — отметил Пенуил.

Рамбом взял в руки фотографию. С нее смотрел коротко постриженный мальчик тринадцати лет в белой выглаженной рубашке и черных штанах, с тонкими губами и слегка оттянутыми вниз мочками ушей. Рахамим выглядел не по возрасту суровым. Этот снимок для Беньягу привез из Лахиджа его друг Мустафа. Тогда взволнованный отец ожидал увидеть самого мальчика после длительной разлуки. Наставник же Рахамима Уста-Курбан вместо ребенка направил Беньягу его фото, сообщив, что тот проходит обучение и ему никак нельзя отлучаться. На оборотной стороне карточки карандашом было написано: «село Маджалис».

— Видимо, мой тесть наконец отыскал своего сына, — подавленным голосом предположил Рамбом. — Прекрасный был человек... и несчастливый...

— Да, он нашел своего сына там, на фронте. Но что-то у них не заладилось. Хасан знает подробности и мог бы обо всем рассказать.

Далее Рамбом взял в руки кинжал Беньягу, медленно вынул его из ножен и, в задумчивости осмотрев, произнес:

— Да! Узнаю этот кинжал. Холод его стали знаком и мне. Пенуил, — обратился Рамбом к собеседнику, осматривая медаль, — передай мою благодарность Хасану. Эти предметы очень дороги нам с женой, и не только как память о Беньягу. Будет возможность, в ближайшее время я заеду в Аглоби, может быть, с Мозолут и лично поблагодарю его за его доброе отношение к памяти тестя и к нам, его близким, и за то, что он не позволил убийце уйти от ответа, — и заканчивая беседу, добавил: — Пусть мой глубокоуважаемый тесть Беньягу покоится с миром! Аминь!

— Аминь! — повторил вслед за ним Пенуил.

Неожиданно воспламенившись, дрогнули все еще догорающие в ханукии свечи. Вспышка на короткий миг озарила лица двух зрелых мужчин.

Глава 2.2. Юбилей Исроила

Это было тяжелое время, ничего хорошего от постоянной смены властей ждать не приходилось. И исполнительным органам Временного правительства, и контрреволюционерам, и разного рода бандитам, греющим руки на этой неразберихе, и еще только зарождающимся органам Советской власти нужны были ресурсы как материальные, так и людские. Методы их получения, в то время когда у всех на руках имелось оружие, были жестокими.

В разы увеличилась миграция горских евреев из сел, где они до этого успешно занимались земледелием и кустарными промыслами, в города, где они искали безопасность для себя и своих семей. Покидая родные селения, они за неимением покупателей-единоверцев продавали свои дома и имущество представителям других этносов. Так чисто еврейские анклавы — слободки, которые могли ранее оберегать себя, выстраивая самозащиту, — оказывались бессильными перед различными провокациями. Такая ситуация сложилась и в Мамраше, и в Аглоби, и в Маджалисе, и во многих других поселениях. Старостами сел с убывающим еврейским населением назначались представители преобладающей нации, и поэтому вся общинная жизнь перемещалась из контор еврейских ковхо в синагоги и моельные дома.

Со своего поста был смещен многолетний ковхо аула Мамраш Исроил Исроилов. Вместе с семьями своего проживающего в ауле Карчаг брата Боруха и племянника Рамбома он подумывал о переезде. Уже шла тихая распродажа всего, что возможно было продать.

В начале декабря 1917 года состоялось необычное памятное событие. Бывший ковхо решил отметить свое шестидесятилетие. Были приглашены не только близкие юбиляра, но и все пожелавшие присоединиться к поздрав-

лениям мамрашцы. Необычность торжества была в том, что в те времена в дагестанских селах и аулах простой люд: крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы — день своего рождения не отмечали. Большинство даже не знало конкретной даты своего рождения, определяя ее на глазок¹. Насколько было известно его семье, Исроил родился во время окончания сева озимых в начале декабря. Как и его отец, Исроил всегда часть своих земельных владений засеивал озимым ячменем. И вот юбилею пришла идея по окончании сева, в преддверии Шабата, объединить свою большую семью, пригласив всех ее представителей на торжество. Это решение не было спонтанным. Оно было хорошо продумано и подготовлено.

Во дворе хозяйского дома, благо погода и площадь двора позволяли, были расставлены столы и лавки, из окна доносились звуки граммофона, диковинки того времени. Аульчане подходили к столам, садились, беседовали на разные темы и ели приготовленные в большом количестве угощения.

За час до полудня к торжеству подключились местные музыканты и приглашенные юбиляром канатоходцы, к ним присоединились ряженые из числа аульчан. Канатоходцы установили на площадке напротив двора Исроила бревенчатые жерди и перетянули их веревками. Кульбиты циркачей, их перемещения по веревкам приводили присутствовавших в восторг. Ряженые развлекали присутствующих молодых людей и детей, как сказали бы сейчас, подвижными играми. Всех угощали чаем из двух самоваров с колотым сахаром и сладостями. Ближе к полудню на столах появились с пылу

---

¹ День рождения определяли, отталкиваясь от происходящих в тот же период празднеств, памятных дат, исключительных природных явлений или исторических событий, как то, например: на третий день Хануки; за день до 9 Ава; когда пришло сообщение об убийстве русского императора; во время большого наводнения и прочее.

с жару приготовленные по просьбе юбиляра женой шохета Хануко с помощью других женщин чуду¹ с бараниной и зеленью.

Помимо обретения праздничного настроения, пришедшие имели возможность поздравить давшего званый обед именинника, который сидел здесь же — за столом с аксакалами. Ко времени обеда представления канатоходцев и игры ряженных закончились. Люди сели за столы, на которые подали вино, соленья и различные мясные блюда. Музыканты играли с невероятным энтузиазмом, делая перерывы лишь для здравиц в адрес юбиляра и перекусов.

После обеда гости стали быстро расходиться. Евреям надо было подготовиться к наступающему Шабату — приготовить еду, привести в порядок себя и жилище. Вся родня юбиляра, а также лично приглашенные им Симхо и рабби Бинсион остались у него дома до празднования прихода Шабата.

Эта часть встречи — от обеда до субботней молитвы — по задумке Исроила была главной. Она предназначалась для обмена мнениями глав семейств по текущей ситуации, разговора о возможных перспективах жизни.

Итак, в то время когда их семейства готовились к празднику, десять мужчин уединились в кабинете хозяина, просторной кунацкой, на втором этаже его дома. Тут было все для обстоятельного разговора: большой стол, стулья, ящик выдержанного отборного коньяка с дюжиной кубачинских серебряных кубков, разогретые в печи чуду на подносах, накрытые вышитыми тканевыми салфетками. Присутствовали Исроил с двумя сыновьями, Борух с сыном, единственный сын их покойного брата Равино — Рамбом, муж

---

¹ Чуду — блюдо национальной кухни ряда народов Дагестана. Представляет собой тонкие либо толстые пресные лепёшки с начинкой, обжаренные на сухой сковороде.

их старшей сестры Аго, *баджанах*¹ Исроила — Хануко с двумя своими парнями, друг семьи Симхо и рабби Бинсион.

Первым на правах организатора мероприятия слово взял Исроил:

— Дорогие мои братья! Прежде чем что-либо сказать, хочу вас предупредить: ни одно слово, прозвучавшее здесь, не должно выйти за пределы этой комнаты. Это понятно? — Исроил оглядел всех по очереди и получил подтверждение или кивком, или словом. — Сынок, похозяйничай, пока мы здесь сидим, — обратился он к сыну.

Семен, второй по старшинству из четырех сыновей Исроила, открыл одну из бутылок и разлил ее по кубкам.

— Вы, наверное, догадываетесь, по какому поводу мы здесь собрались, — продолжил Исроил. — Несмотря на то что жизнь идет своим чередом, вроде бы не хуже и не лучше, чем в прежние времена, мне представляется, что нас может ожидать катастрофа. — Он оглядел присутствующих, чтобы оценить по их взглядам оправданность приведенного им слова к текущей ситуации и продолжил: — Война нас несколько подкосила, но хуже всего то, что нас может ожидать впереди.

Многие наши соплеменники уже покинули Мамраш, продали свое жилье и участки, и вы знаете кому. Винить их в этом нельзя, они думали о благополучии и безопасности своих семей. Настало время, на мой взгляд, и нам подумать о себе. Давайте признаемся, защитит себя, как это мы делали раньше, мы уже не можем, на власть мы тоже не можем опереться, не сегодня-завтра вспыхнет гражданская война. Она уже началась. Воюют все против всех, и в этой мясорубке мы не сможем остаться наблюдателями. Нас будут постепенно грабить и убивать, одного за другим, пока мы не останемся нищими — без жилья и пропитания, или нас вообще не останется. Очевидно, что оставаться в этой

¹ Баджанах — свояк (перевод с джуури).

стране, растить здесь своих детей и внуков больше не представляется возможным.

Исроил посмотрел в сторону окна. Там, в проеме между занавесками, в темно-розовых закатных перьях показался диск солнца.

— Итак, братья, я принял решение, пока такая возможность есть, уехать в Палестину. Пользуясь случаем, хочу призвать присутствующих здесь глав семей присоединиться и поддержать меня в этом решении. Многие из наших аульчан уехали раньше. Знаю: манна небесная там не падает с небес. Там тоже трудно, тоже небезопасно, но, полагаю, не настолько, как здесь. Время для переезда, как может показаться многим, неудачное, тем не менее, если будем держаться вместе — прорвемся. И некоторые люди не бесплатно, конечно, взяли на помощь.

Исроил сделал паузу и в очередной раз оглядел присутствующих. Те сидели в глубокой задумчивости и даже не думали прерывать его речь.

— Я принял решение. Мы, вся моя семья, выезжаем в Ерушалаим¹, — продолжил юбиляр. — По моим сведениям, у нас на это не больше одного месяца, иначе может быть поздно. Итак, кто с нами? — произнес он и посмотрел на своего брата. — Борух, твое слово.

Борух, полноватый мужчина лет пятидесяти с высоким лбом и короткой бородой, привстал со стула и произнес:

— Ну что ж... Во-первых, Исроил, я рад, что ты нас здесь собрал сегодня, да еще и по такому важному вопросу. С тех пор, как убили нашего отца, а до этого и нашего брата Равино, благодаря тебе мы с Рамбомом и наши семьи не чувствуют себя *сахибсюз*². Мы знаем, что при случае ты

---

¹ Ерушалаим — Иерусалим (Эрец-Исраэль) в устоявшемся веками произношении на языке джуури.

² Сахибсюз — без рода и племени, дословно «без родителя (хозяина)» (перевод с джуури).

всегда придешь на помощь и направишь нас по правильному пути. Благодарю тебя, брат мой, и предлагаю присутствующим выпить за тебя, за твое здоровье, чтобы вторую половину жизни¹ ты прожил со своей семьей в благополучии и достатке э *Хори Бебео!*²

Борух поднял кубок и все собравшиеся, также привстав, присоединились к поздравлению, добавляя многочисленные пожелания успехов, которые непременно придут благодаря благоволению, вниманию и поддержке Господа. Когда все выпили и сели, Борух, оставаясь стоять, продолжил:

— Как говорится: хорошая мысль не приходит только в одну голову. Я со своей семьей уже давно думаю об этом. Мы обсуждаем, приводим различные доводы за и против и уже пришли к решению. Ждали чего-то такого, что подтолкнет к действию. Твое предложение, Исроил, как раз кстати. Я со своей семьей с тобой, дорогой брат! — восторженно произнес он.

Все присутствующие взялись за кубки, чтобы поднять их и за эту новость, но Борух жестом остановил их:

— Братья! Друзья! Я совсем не против Палестины, Хори Бебео, однако, на мой взгляд, вся сила сейчас в Америке. — Борух оглядел присутствующих, отмечая, какое воздействие произвели его слова. — Если подвернется случай, а я слышал, что такое иногда случается, я всеми правдами и неправдами, не считаясь с денежными потерями, направлюсь в Америку, к чему призываю и моих братьев, — произнес он.

---

¹ Сроком человеческой жизни считается возраст, установленный Творцом — 120 лет. Столько прожил Моше (Моисей). В Торе это сформулировано так: «И сказал Всевышний: да не будет человек вечной ареной борьбы добра и зла (в нем), ибо он (всего лишь) — плоть; пусть будут дни жизни его — сто двадцать лет» (Берешит, гл. 6, ст. 3). Поэтому евреи в своих пожеланиях долголетия употребляют именно это число.

² Э Хори Бебео — на Земле праотцев (*перевод с джуури*).

Раскрыв рты от удивления, многие из мужчин ожидали реакции Исроила на речь Боруха, а тот, в свою очередь, надеялся услышать какие-либо аргументы от младшего брата.

— А что?.. Зачем я потратил кучу денег на образование своих детей? Вроде отучились, каждый прочно стоит на ногах. Да, придется потрудиться в другой среде, с другим отношением к жизни, с другим языком, но, мне кажется, брат, это лучше, чем начинать все заново в Палестине, среди арабов и дикарей.

— Не лучше ли жить в своей большой общине среди евреев, чем в одиночку *э сигьепусторово*?¹ — пытался как-то возразить Исроил.

— А что, в Америке мало евреев? Мы все знаем, что они там есть и были. Кто не знает, даже одним из президентов был Авраам — Авраам Линкольн. А негры? Кто эти негры? Считай, это те же арабы, только чернее. А еще Зорик, мой старший внук, изучал и хорошо знает английский язык. Так что мы едем с языком, в случае чего будет полегче.

— Я так понимаю, Борух, ты уже все решил.

— Да, брат, решил. Давай и ты с нами.

— Борух, я тебе желаю, чтобы Господь услышал твои надежды и способствовал их воплощению! *Рэхь никь*!² Нум Худо кумек! Ну а мы — в Ерушалаим!

Исроил поднял кубок, все последовали за ним восклицая:

— *Рэхь никь*! Нум Худо кумек!

— *Мегь иге э Ерушалаим*!³

---

¹ Э сигьепусторово — с чернокожими (*перевод с джуури*).

² Рэхь ник! — Доброго пути! (*Перевод с джуури*.)

³ Мегь иге э Ерушалаим! — В следующем месяце в Иерусалиме! (*перевод с джуури*) — популярное у горских евреев пожелание о скором возвращении на землю праотцев, в данном случае — следующем месяце; «сал иге» — на следующий год.

Все снова привстали и приподняли кубки, несколько раз повторив это пожелание. Уже изрядно напившись коньяку, присутствующие потянулись к закуске. Когда они подкрепились и перестали есть, слово снова взял Борух.

— К сожалению, Исроил, я не смог убедить твоего зятя Аго, да и сестра твоя на его стороне. Так что они останутся в Карчаге.

— И по какой же причине, Аго? — обратился Исроил к седовласому сухощавому мужчине. — Давай с нами!

Аго, единственный сидевший в полушубке, был самым старшим за столом. Глядя на Исроила, он загадочно улыбался.

— Так почему же, Аго? — повторил Исроил.

— Куда нам с твоей сестрой в нашем возрасте новую жизнь начинать?! Да и ферма у нас и молокозавод — ты же знаешь. Как я могу уничтожить за раз всех своих кормилиц?!

— Зачем убивать коров? Продай.

— Нет, не могу. Извини, Исроил.

— Бесполезно, брат. Не говоришь. Он все уже решил, — убеждал брата в тщетности каких-либо попыток Борух.

— Ладно, — с сожалением произнес Исроил. — Из уважения к твоим годам настаивать не буду.

— И хорошо, не настаивайте, — спокойно произнес Аго. — Вам — счастливой дороги. А за сестру вашу и племянников не переживайте, справимся.

— И я остаюсь, — раздался голос Хануко. — Не могу оставить аул без резника.

— Ты хорошо подумал? Может, тебе нужно время на размышление? — поинтересовался Исроил.

— Нет, баджанах, мы остаемся! — глядя в глаза Исроилу, настаивал Хануко.

— Я поеду, — неожиданно для всех произнес Атнил, старший сын Хануко. — Я поеду! Я хочу отучиться там и получить аттестацию рабби, — немедленно обосновал он свое решение. — Здесь я не смогу добиться своей мечты.

Хануко посмотрел на своего сына так, как будто не видел его как минимум пять лет.

— Папа, я уже взрослый мужчина, мне двадцать один год, у меня семья. Могу ли я принять решение самостоятельно? — твердо произнес Атнил.

— Можешь, конечно! — не веря самому себе, ответил Хануко.

— Тогда я с Вами! — с надеждой обратился Атнил к Исроилу. — К тому же в дороге и там, на месте, Вам понадобится получивший образование, но неаттестованный должным образом рабби.

— Да, да! Хороший рабби может получиться из этого парня, — добавил рабби Бинсион. — Пусть едет, а мы с Хануко присмотрим за нашими соплеменниками, чтобы у них здесь все было в соответствии с законами наших предков.

— Атнил! Конечно, ты с нами! — улыбнулся Исроил. — Выпьем за будущего аттестованного в Ерушалаиме рабби Атнила.

Все снова выпили с пожеланиями молодому человеку исполнения его мечты. Затем слово взял Симхо:

— Раз уж я здесь, значит вы и мне хотите предложить направиться в столь далекое путешествие?

— Да, конечно, Симхо! Ты нам родной человек. Мы многим тебе обязаны, — отметил хозяин мероприятия.

— Спасибо Вам, Исроил, за Ваши слова! — мужчина сделал паузу. — Я остаюсь! Защищать наших аульчан — это моя работа. Боюсь, что я не могу оставить их. Спасибо за предложение!

— Ну, что ж, Симхо! Спасибо и тебе за все, что ты для нас сделал! — Исроил обошел стол и обнял сорокалетнего мужчину в армейских походном кителе и шароварах. — И нам будет немного спокойнее за наших аульчан.

— Это еще не все, Исроил! Пользуясь случаем и понимая, что времени для задуманного мной ранее уже нет и не будет, в присутствии близких прошу у Вас руки Вашей дочери Сэнем, — взволнованно произнес Симхо. Исроил несколько опешил, раздумывая над услышанным. — Сэнем согласна, если на то будет Ваше благословение.

— Значит, Сэнем согласна? — Исроил нарочито строго посмотрел на взволнованного мужчину. — Значит, не показалось мне, что ты чаще, чем надо было, ошивался возле моего дома? Ведь твой дом на другой стороне дороги?

Наступила пауза, и все присутствующие ожидали, что юбиляр сейчас разнесет дерзкого мужчину-вдовца с двумя детьми, покусившегося на его пусть немного и задержавшуюся с замужеством младшую дочь. Однако Исроил, постепенно меняясь в лице, произнес:

— Хоть мне и трудно будет расставаться с моей доченькой... Эх, забирай! Но смотри мне!..

Исроил и Симхо снова крепко обнялись, чем вызвали радостное ликование и шутки присутствующих.

— За нашего многолетнего защитника! За нашего героя! За нашего брата! За Симхо! — предложил тост Рамбом.

— За будущую новую еврейскую семью, Симхо и Сэнем! — воскликнул рабби Бинсион.

Повторяя возгласы тостующих, мужчины подняли и в очередной раз осушили кубки.

— Ну, Рамбом, твоя очередь, — обратился к племяннику изрядно повеселевший Исроил, впервые прикоснувшись к закуске — уже несколько поостывшему чуду.

Все обернулись на Рамбома. Мужчина привстал:

— Уважаемые мои *лелео*¹, Исроил и Борух, я бы с удовольствием и радостью составил вам компанию. Возможно, я буду в дальнейшем глубоко сожалеть об этом. Но я не поеду в Ерушалаим. Во всяком случае не сейчас. У меня есть для вас новость. — Рамбом окинул присутствующих взглядом. — Я тоже ближе к весне покину Мамраш. Куда я собрался, спросите вы, и какой в этом смысл?

Если и переезжать, то вместе со своими близкими, — размышлял он вслух, пытаясь донести до всех продуманность своего решения. — Многие годы я мечтаю вернуться к своему любимому делу, доставшемуся в наследство от моего отца и деда — производству шелка. Мне кажется, что, занимаясь именно этим ремеслом, прилагая свои знания и опыт, я смогу сохранить благополучие моей семьи. Как вы, должно быть, знаете, я уже продал принадлежавшие мне здесь магазины и склады и планирую потратить часть вырученных денег на постройку дома и небольшого участка земли в этом еврейском селении. Оно называется Нюгеди, располагается недалеко от Маджалиса, и там прекрасная кормовая база для шелкопряда. В этом месте я думаю обосноваться, переждать смутные времена, а затем заняться своим любимым делом.

Воцарилась тишина, после чего мужчина продолжил, посмотрев в сторону Симхо:

— Свой дом и придомовой участок после отъезда я передам Симхо и его семье. Спасибо тебе за все, брат! И в заключение, — продолжил Рамбом, — пользуясь тем, что здесь находятся только самые близкие мне люди, хочу попросить, чтобы сообщение об этом моем намерении осталось в тайне.

---

¹ Лелео (мн. ч. от леле) — братья отца, холу — брат матери (перевод с джуури).

— Как бы мне ни хотелось, чтобы мы были вместе, ничего не поделаешь... Это твое решение, сынок, и я должен относиться к нему, как к решению моего покойного старшего брата, — с нескрываемой грустью заметил Исроил.

Они обнялись. Так же тепло с Рамбомом попрощались и некоторые из присутствующих: сыновья Исроила, Борух с сыном, Аго и сын Хануко Атнил. Хануко, обняв Рамбома, пошутил, немного разрядив тягостную атмосферу.

— Со мною, Хануко, у тебя еще будет время попрощаться, — улыбаясь заметил Рамбом. — Сегодня мы, я так понимаю, провожаем не меня, а семьи моих ле-лео — Исроила и Боруха, а также Вашего сына Атнила.

Рамбом приобнял молодого человека. Теперь уже все остающиеся мужчины стали тепло прощаться с теми, кто решил уехать.

Симхо поблагодарил Рамбома за принятое им решение относительно дома и предложил помощь при переезде, но тот с благодарностью отказался, сказав, что обо всем позаботится сам и отчасти уже решил немало вопросов, связанных с этими хлопотами.

Когда все высказались, несколько заключительных слов произнес рабби Бинсион. Сначала он прочитал молитву во славу Господа и пожелал всем собравшимся в путь Его благоволения в их намерениях. Затем он объявил о скором наступлении Шабата и попросил всех присутствующих прошествовать в синагогу, где другие аульчане уже собрались в ожидании.

Через несколько дней мамрашцы были удивлены известием, полученным от случайных свидетелей: ранним утром аул покинули его бывший староста Исроил со своей семьей и один из сыновей Хануко, молодой рабби Атнил с женой и маленькой дочерью. В меньшей степени были потрясены и жители села Карчаг, когда вместо прежних хо-

зьев, Боруха с семьей, в разросшемся родовом гнезде Исроиловых приметили его дочь с зятем. Аго сразу же обозначил свои права на все оставшееся непроданным имущество родственников его жены.

Ходили слухи, что две кавалькады с десятком повозок, выехав из Мамраша и Карчага, съехались в районе *села Куллар*¹. Далее они направились к станции Белиджи, где на перроне их ожидали два вагона — пассажирский и «*теплушка*»². Ночью эти вагоны были присоединены к составу, отправившемуся от станции в направлении Баку. Также ходили слухи, что через неделю в порту города Поти молодой рабби при посадке на борт специально заказанного судна в присутствии более трех десятков людей, по внешности горцев, читал молитву «*Песнь моря*»³. Кто-то уверенно утверждал, что, пройдя проливы, группа репатриантов разделилась на две приблизительно равные части: одна продолжила путь, направившись в сторону европейских портов; другая, зафрахтовав судно поменьше, двинулась в Яффу.

Это были слухи. Только через шесть лет пришла весточка из Святой земли. Тогда Рамбом точно узнал о том, чем завершилось это путешествие для его близких.

---

¹ Куллар — село, расположенное в пяти верстах южнее железнодорожной станции Белиджи. Исторически образовано путём переселения в данную местность 30 семей прежних рабов из города Дербент. «Куллар» в переводе с тюркского означает «рабы».

² «Теплушка» — вагон НТВ (Нормальный товарный вагон) — основной тип вагона на российских железных дорогах, переоборудованный под перевозку людей или лошадей, как правило личного и конного состава формирований вооружённых сил в России.

³ Песнь моря, или песнь Моше (Моисея) — старейший сохранившийся текст, описывающий Исход. Считается, что Песнь моря была спета израильянами, после того как они благополучно пересекли Красное море.

Глава 2.3. Хасан

Возвращаясь домой из аула Мамраш, Рамбом разрывался между двумя намерениями: рассказать жене о гибели отца или подождать подходящего для этого времени. Прошло двенадцать лет со дня их свадьбы. Мозолут за это время родила троих детей. Две последующие беременности прерывались, и это было крайне болезненно для нее в физическом и психологическом планах.

«Кто я такой, чтоб обманывать ее, скрывая такое несчастье?» — размышлял Рамбом. Однако, представляя очевидную реакцию жены, убеждал себя, что обязательно скажет, но только не сейчас и точно не сегодня.

Увидев ее несколько потерянной в проеме дверей их дома, он только утвердился в принятом решении — пока ничего не говорить.

Через несколько дней, направляясь по делам в Дербент, Рамбом решил заехать в Аглоби к упомянутому Пенуилом сослуживцу тестя Хасану. Времени было мало, но мужчина хотел выразить этому человеку свою благодарность.

Дом Хасана стоял на возвышенном берегу реки Рубас, одном из живописных участков села, расположенном над оврагом. В этом месте река делала петлю, по всей ширине которой раскинулась гряда водопадов, шумно стекающих с каменных валунов и карнизов. Неприхотливая лавочка, установленная над всем этим великолепием на краю оврага, обозначала местный *годекан*¹. К этому часу два седовласых старца уже заняли здесь свои привычные места и в безмолвии созерцали низвергающиеся каскады.

Само Аглоби в то время было малозаселенным, несмотря на обилие здесь земель, пригодных для сельскохозяй-

---

¹ Годекан — место в ауле, селе, где собирается взрослое мужское население для проведения досуга и обсуждения насущных проблем.

ственных работ. Помимо изначально обосновавшихся здесь горских евреев, тут проживали и турки, перебравшиеся сюда с течением времени из села Марага Табасаранского района Дагестана.

Хозяева местных угодий, карчагские землевладельцы, не производили здесь пахотных работ, используя эту территорию для покоса и для выгона скота. Небольшая часть земель была занята фруктовыми деревьями. Ранее в этих окрестностях находился элеватор, куда с ближайших полей свозилось зерно, выращенное преимущественно крестьянами соседних сел Хошмензиль и Рубас.

Со временем ситуация изменилась. На нарезанные вдоль проходящего через село водного канала земельные участки стали мигрировать карчагские, мамрашские и хошмензильские крестьяне, преимущественно горские евреи. К слову сказать, в числе этих переселенцев был и Пенуил, построивший дом на том месте, где раньше располагался элеватор.

Хасан оказался гостеприимным, но все же излишне эмоционально восприимчивым человеком. Когда Рамбом вошел во двор, он застал хозяина за работой с юношей приблизительно пятнадцати лет. Они распиливали ствол дерева, уложенный на специальных козлах. Край правого рукава рубахи болтался при каждом движении Хасана.

Узнав о причине приезда гостя и кем тот является, хозяин дома бросил работу и пригласил его в дом. Переступив порог, Рамбом ощутил прохладу. Бедность жилища бросалась в глаза, в небольшой печурке теплились остатки углей. Из внутренней комнаты одетая в овчину без определенного фасона вышла жена хозяина. Хасан скомандовал, несколькими фразами объяснив все, что ей полагалось сделать.

Неожиданно для самого себя, Рамбом остановил хозяйина дома, несмотря на то что еще час назад хотел обстоятельно побеседовать с человеком, последним видевшим его

тестя. Он заметил Хасану, что оказался здесь проездом и на застолье у него нет времени, и тот резко изменился в лице.

— А зачем ты тогда приехал? — с непониманием и негодованием произнес Хасан. — Что я смогу рассказать тебе о твоём тесте наспех?.. Да и не дело это — поминать человека второпях. Ничего тебе не скажу!.. Торопишься — можешь идти.

Увидев такую реакцию хозяина, Рамбом попытался немедленно успокоить его.

— Хасан, я знаю некоторые детали: о них мне сообщил Пенуил, — пояснил Рамбом. — Я приехал поблагодарить тебя от лица своей семьи за то, что ты сохранил для нас память о Беньягу. Когда мы приедем к тебе с его дочерью, никуда не спеша, во всех подробностях тебя выслушаем, спокойно посидим, вспомним и помянем Беньягу. А сейчас, прошу тебя, не сердись на меня. Скажи, чем мы могли бы отблагодарить тебя?

— Мне благодарности не надо. Я искренне дружил с Беньягу, так же как и он со мной, — немного отошел Хасан. — Впрочем, здоровье Вашей семьи и ее благополучие будет для меня достаточной благодарностью.

— Хасан, я могу помочь, потому как я — человек не бедный, и у меня есть связи. Не отвергай помощь, прошу, ради Беньягу.

Рамбом вытащил из кармана пакет с деньгами и попытался передать Хасану в руки.

— Не надо мне этого! — снова вскипел хозяин дома, отодвигая руку гостя. — Я что, нищий? Ты что, увидел человека, который не способен прокормить свою семью? А ну, иди отсюда, негодник!..

— Извини, Хасан, если я тебя рассердил, — произнес Рамбом, невольно отодвинувшись к двери, — можно посмотреть твою руку.

— А ты что, еще и лекарь?

— Да, я лекарь, — соврал Рамбом.

— Ну, смотри, — Хасан приподнял и без того засученный рукав рубахи, предполагая шокировать собеседника состоянием своей культи.

Рамбом с опаской посмотрел на нее, потрогал и помял ее руками в нескольких местах.

— Ну, что скажете, уважаемый? — с недоверием спросил Хасан.

— Я знаю, чем отблагодарить тебя, Хасан, — улыбнулся Рамбом. — Я куплю тебя хороший протез. Слышал что-нибудь об этом?

— Слышал, — с искрой заинтересованности, но все же с недоверием ответил Хасан, одергивая отпущенную гостем культию.

— А что? Сейчас есть протезы, выглядят точь-в-точь как живая рука. Видал такое?

— Видал, одному поручику подогнали. Трофейный, вроде как английский. Так он повоевал еще, да еще конным. Ему даже удавалось скрывать от некоторых отсутствие руки.

— Так вот и ты сможешь так же, во всяком случае опора будет, и вовсе не обязательно всем знать, что у тебя нет части руки. Ну что?

Сердитость на лице Хасана пробила улыбка, которую тот хотел спрятать, но у него не получалось.

— Так, если это возможно, разве я буду против?.. — сдался мужчина.

— Давай *аршин*¹, сделаем необходимые заме-

---

¹ Аршин — 1) старорусская единица измерения длины, узаконенная в России в 1899 году «Положением о мерах и весах» в качестве основной меры длины и действовавшая до 1918 года. В литературных источниках упоминается с середины XVI века. Точное происхождение слова не установлено: одни лингвисты находят его корни в тюркском языке, другие — в персидском. 1 аршин = 1/3 сажени = 4 четверти = 16 вершков = 28 дюймов = 0,7112 м; 2) старорусский инструмент для

ры, — предложил Рамбом и, используя деревянный инструмент, оказавшийся у хозяина в доме, стал записывать на листок результаты. — Я приложу все усилия, — продолжил гость. — Когда я приеду к тебе в следующий раз, уже с женой, ты уже будешь с протезом. А сейчас клянусь, уважаемый Хасан, спешу очень.

Удовлетворенный реакцией на свое предложение, Рамбом повернулся к двери. Уходя, он снова поставил себя в неловкое положение, протянув хозяину руку на прощание. Но на этот раз Хасан лишь добродушно улыбнулся.

— Если не получится, ничего, — сказал тот на прощание, — все равно приезжайте. Проживу и так. Не один я такой.

Прошло около трех недель, когда дом Хасана посетил гость. Он представился Магомедом — младшим фельдшером расположенной в Дербенте *больницы Владикавказской железной дороги*¹. Мужчина, воспользовавшись умывальником во дворе, тщательно с мылом помыл руки и затем внимательно осмотрел культу хозяина дома. Потом фельдшер пригласил Хасана в больницу, уведомив о том, что необходимо привезти с собой документы, подтверждающие его военную службу, полученное на службе ранение, и удостоверение к георгиевскому кресту.

Еще через месяц, уже после второго посещения железнодорожной больницы, Хасан вернулся в село верхом на своей кобыле. Специально не присматриваясь, невозможно было догадаться, что часть правой руки у мужчины ненастоящая — это был хороший современный трофейный протез.

измерения длины в виде деревянной, металлической или кожаной линейки с нанесенными на ней делениями.

¹ Больница Владикавказской железной дороги, или железнодорожная больница — лечебное учреждение на 50 коек, открытое в 1915 году, в период Первой мировой войны.

Глава 2.4. Метания фабриканта

Рамбом мечтал вернуться в шелководческую отрасль, снова погрузиться в ремесло, еще совсем недавно составлявшее основу его жизни и являвшееся делом его отца и деда.

Ожидая, побаиваясь и в то же время вождедея тот трепет, который его ждет при посещении родного Геокчая, Рамбом воспользовался приглашением погостить от своего бывшего партнера по шелковому делу Карима Мирзоева.

Многое изменилось за прошедшие двенадцать лет. Ранее казавшиеся яркими сакли сейчас смотрелись крайне ветхо, блекло, были едва узнаваемы. Случайные прохожие не проявляли какого-либо любопытства в отношении приехавшего к местному фабриканту гостя. Никто, наверное, и не узнал в этом зрелом крепком и подтянутом мужчине в безупречном горском одеянии, скачущем на коне кабардинских кровей, внешне неуклюжего полноватого молодого человека, который еще относительно недавно был хозяином одного из крупнейших шелковых производств.

После судебных разбирательств 1905 года, когда за убийство Равино, отца Рамбома, был осужден бывший староста поселка Геокчай Ахмед Мирзабек-оглы, все шелководческое хозяйство покойного перешло в единоличную собственность сына. Однако молодому хозяину сразу же пришлось сократить производство и искать нового партнера из-за необходимости рассчитаться с участвовавшими в разбирательствах чинами и стряпчими. Существенные средства требовались и на предстоящий переезд в аул Мамраш.

Рамбом продал половину своего дела новому старосте Геокчая Кариму Мирзоеву, обучавшемуся ранее в Европе молодому человеку из уважаемой состоятельной семьи. Новое партнерство вполне удовлетворяло фабриканта, так

как Карим был порядочным и близким ему по духу, к тому же они были ровесниками. Вскоре из-за невозможности ежедневного контроля в связи с переездом Рамбом без существенных сомнений доверил партнеру оперативное управление общим делом, а еще через полтора года продал ему свою долю в нем. Мужчине хотелось заниматься чем-то иным — тем, что не было бы отягощено воспоминаниями о потере близких ему людей.

На новом месте вместе с любимой молодой женой Рамбом хотел начать жизнь по-иному, с чистого листа, достичь внутреннего спокойствия и приобрести новые силы, быть ближе к своей вере, своим единоверцам. Он рассчитывал, что, когда такая жизнь, с Божьей помощью, придет, само собой, найдется и достойное его занятие — интересное, выгодное и не очень хлопотливое. Рамбом понимал, что на эти планы ему понадобятся немалые деньги, но не стал торговаться с Каримом — сразу согласился на заявленную партнером сумму сделки и, как оказалось впоследствии, поступил благоразумно, а главное — вовремя.

В конце 1907 года добивавшийся от Карима оплаты дани абрек Нурали со своей бандой напал на него посреди поселка. Двое сопровождавших молодого фабриканта нукеров были убиты, а самого Карима сильно покалечили, повредив ему ребра и кисти рук. Когда тело несчастного под издевательскими ударами сабель свалилось со скакуна, бандиты еще и погарцевали над ним. Покидая село, банда подожгла одну из его фабрик, в которой в это время работали люди. Это было последним предупреждением.

Садир Мирзоев, отец Карима, один из состоятельных людей поселка, обратился к полицейской страже за помощью. Но дальше обещаний найти преступника и наказать его дело не продвинулось. Дошло до того, что Садир принял решение подобрать людей в специально созданный

им отряд, для того чтобы уничтожить Нурали и его банду. Однако этим людям нужны были только его деньги и особо усердствовать с поручением уязвленного отца фабриканта они не стали. Их походы и вылазки ни к чему не привели.

Покинув госпиталь, Карим убедил отца распустить отряд и в то же время усилить охрану. Несмотря на принятые меры, периодически горели склады и фабричные строения предприятий Мирзоева. Стало очевидно — среди жителей поселка есть пособники бандита Нурали, которые и осуществляют эти поджоги.

В числе подозреваемых в пособничестве были люди, недовольные работой Карима в качестве старосты, и таких было немало. Многим не нравились кажущаяся им излишней терпимость и симпатия Карима к землякам, не являвшимся мусульманами. Это серьезно контрастировало с тем, что было при бывшем старосте Геокчая Ахмеде Мирзабек-оглы.

Упорство Карима продолжалось до тех пор, пока в одну ночь он едва не потерял всех своих близких. Загорелся дом его отца. Когда Карим прискакал на пожар, то увидел родителей и служанку, которые сидели на скамейке под ивовым деревом напротив горящего дома. Босой, в одних подштанниках и ночной рубашке отец обнимал укутавшуюся в одеяло мать. Их лица были покрыты сажей, а глаза полны слез. Дом горел так, что за двадцать саженей от него было жарко. Впервые Карим увидел отца таким напуганным. Это в конечном счете и сломило его — он стал платить поверенным гонцам Нурали пятьсот рублей в месяц, что составляло существенную часть от всех его доходов. Говорить о дальнейшем развитии производства или хотя бы поддержке его в текущем состоянии не приходилось.

Быть старостой в таких обстоятельствах он уже не мог, да и не хотел. Более того, он перестал посещать все общественные мероприятия поселка. На переизбрании

*джамаат*¹ поддержал кандидатуру предложенного заочно немощным старейшиной Амирбеком управляющего его хозяйством Алимардана. Этот полнощекый мужчина с маленькими близко посаженными глазами и крупными губами, без стеснения кроткий в общении со своим хозяином, слыл *мизантропом*², умеющим любым путем добиваться желаемого для себя результата. Следствием этого избрания стало постепенное усиление ксенофобии в поселке из-за всевозможных домыслов и провокаций.

Впрочем, далее в судьбе Карима и его дела произошел неожиданный разворот. После годичного периода поборов визиты посыльных Нурали внезапно прекратились. Очевидно, власти, собравшись с силами, серьезно занялись бандитами. Несколько лет о них ничего не было известно. Ходили слухи о том, что Нурали арестован или отлеживается где-то в глубинах кавказских гор. Осенью 1913 года пришло известие, что местонахождение его банды было обнаружено властями в горах. После подготовленной совместной армейской и полицейской операции бандиты были уничтожены. Их тела предъявили населению, показательно провезя на открытой телеге по поселениям, ранее притесняемым преступниками.

Это обстоятельство и увеличившийся в тот период спрос на продукцию шелководства позволили Кариму прийти в себя и в большей части восстановить производство к концу 1913 года.

Рамбом же, продав оставшуюся половину шелкового дела Кариму, будто перевернул страницу бесконечных пе-

---

¹ Джамаат – объединение группы преимущественно мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой и т.п., а также общее собрание сельчан.

² Мизантроп — человек, который не любит людей, ненавидит и презирает общество, часто противопоставляя ему себя.

реживаний по поводу прошлого. В Мамраше в окружении своих соплеменников он задышал свободнее и глубже. Имеющиеся у него средства и авторитет среди аульчан вселяли в него уверенность. Он много делал для местной общины, открыл магазины, где продавалось все необходимое, для того чтобы людям не пришлось выезжать из аула, подвергая себя риску нападения грабителей, оплачивал львиную долю средств на самооборону аула от бандитов.

К 1910-м годам, когда государственная власть значительно усилила свои позиции в борьбе с бандитизмом и случаев насилия стало меньше, Рамбома стали посещать мысли о возвращении к большому делу. Первоначально он планировал заняться выделкой кожи, но затем, просчитав иные возможности применения своих сил и средств, принял решение в пользу земледелия — выращивания риса.

В тридцати верстах от Мамраша, возле села Араг, в нижней части которого проживали горские евреи, были прекрасные условия для рисоводства. Периодически искусственно подтопляемые пашни способствовали правильному озимому высаживанию, вызреванию и сбору качественного зерна. Сбыт выращенной продукции также не вызывал затруднений. Была лишь одна проблема, значимость которой Рамбом оценил только после нескольких лет работы на своих трех с половиной десятинах рисовых полей, — малярия.

В среднем в год пятнадцать работников Рамбома заболело этой болезнью, из них четверо-пятеро умирало. Лекарство было, но оно стоило очень дорого и поставлялось в Россию в то время из Голландии в ограниченных количествах. Это единственное на то время средство от малярии называлось *хина*¹. С началом Первой мировой войны, когда

---

¹ Хина (то же хинин, хинная корка) — лекарственный препарат, сырьем для которого является высушенная кора со стволов,

Германия оккупировала Голландию, лекарство и вовсе оказалось недоступно, и добыть его можно было лишь контрабандным путем.

Зная о том, что заболевшие на рисовых полях мужа работники нередко умирают, Мозолут была крайне обеспокоена состоянием его здоровья. Он и так был тяжело болен. Помимо прочего, женщина не раз слышала проклятья в адрес своей семьи. Рамбом, несмотря на такие разговоры, убеждал ее, что это такое же дело, как любое другое, хотя было заметно, что мужчина и сам очень переживал из-за этих смертей.

Вскоре малярийная лихорадка охватила работавшую на рисовом поле жену Симхо, воевавшего в это время на фронте. Партия хинина, которая могла бы ей помочь, запаздала на несколько дней, и женщина умерла. Двоих его малолетних детей, девочку и мальчика, оставшихся без матери, Мозолут привела в свой дом. В конце лета 1915 года, когда количество смертей от лихорадки стало возрастать, Рамбом закрыл дело и продал связанное с ним имущество и землю. Последующие события доказали своевременность этого решения.

В послереволюционный для российского государства период Рамбом вошел не владея ни землями, ни производством. Он перевел все свои накопления в золотые николаевские монеты. Несколько амбаров по хранению зерна и овощей и лавок, торгующих всем необходимым для населения Мамраша — всё чем он теперь занимался. Анализируя сложившуюся ситуацию, Рамбом пообещал себе больше не браться за дела, в которых он не является специалистом.

ветвей и корней некоторых видов хинного дерева. Родина этих растений — горные леса Анд. Основная страна-экспортер — Перу. До окончания Второй мировой войны хинин был предпочтительным препаратом, используемым для лечения малярии.

Именно это обстоятельство он считал причиной своей неудачи в рисоводстве. Теперь же его занимали мысли о возвращении к любимому делу.

Карим с радостью встретил Рамбома как человека, с которым хотелось бы говорить о знакомых обоим вещах, кратко и профессионально, не вдаваясь в мелкие детали, как равного себе, в равной мере образованного и интеллигентного.

Из рассказанного давним партнером и приятелем Рамбом понял, что дела у того шли неплохо, пусть и не так хорошо, как еще несколько лет назад. Причиной стало цикличное снижение спроса, а также одичание кормовой базы тутового шелкопряда, что сказывалось на качестве получаемого шелка. Нужно было постепенно и полностью обновить имеющиеся плантации тутовника, посадить новые культурные сорта. Требовалось сырье, и Карим знал, где оно прекрасно произрастает, но во избежание роста стоимости землевладения держал эту информацию в тайне.

Рамбом поделился с партнером мыслями о том, что после неудачного опыта в рисоводстве задумывается о возвращении к прежнему делу, ведь в этой отрасли он был хорошим специалистом, причем дипломированным. Мало кто мог в равной с ним степени знать и понимать тонкости процесса производства шелка. Климат Мамраша, да и его земля при всей ее плодородности не соответствовали всем необходимым критериям для развития такого дела с нуля, поэтому Рамбом два года подыскивал либо земельный участок в благоприятной для этого местности, либо рассчитывал приобрести готовое существующее производство. Непokoйная, связанная с безопасностью его семьи ситуация в Мамраше также способствовала тому, чтобы он торопился в поисках.

Карим посоветовал другу не спешить с крупными вложениями, а начать хотя бы с поддержки его производ-

ства поставками качественного сырья. С этой целью на условиях конфиденциальности он поделился имеющейся у него информацией о местах произрастания качественного сырья и прекрасных условиях для его взращивания. Такими благоприятными землями оказались окрестности селения *Нюгеди*¹, расположенного в двенадцати верстах от селения Маджалис в Дагестанской области. По заданию Карима на одном из участков в той местности уже несколько лет высаживались деревца тутового дерева, предназначенного для кормления червей тутового шелкопряда и производства шелковых коконов.

Упоминание о селении Маджалис, в котором, как недавно узнал Рамбом, проживал его шурин, дополнительно мотивировало его принять предложение Карима. Возможно, он с семьей переедет именно в Нюгеди. В пользу этого решения говорило и другое обстоятельство — в этом селе проживала община горских евреев, которая составляла существенную часть его населения. Здесь уже вырабатывали шелковую нить, но это не являлось их массовым занятием.

По договоренности с Каримом первую поездку для ознакомления с реальным состоянием дел мужчины совершили вместе. Они осмотрели небольшую плантацию культурных сортов тутового дерева, рассаженную здесь по поручению фабриканта, и *грону*², созреваемую в хозяйстве

---

¹ Нюгеди — новое село (*перевод с джуури*). До Первой мировой войны здесь проживало 684 горских еврея. После оставления села горскими евреями в 1930 году его территория вошла в состав соседнего кумыкского селения Янгикент.

² Грена — яйца, откладываемые самкой тутового шелкопряда. Величина грены — около 1 мм в длину и 0,5 мм в ширину. В кладке — 500–700 яиц. Из яйца выходит гусеница (так называемый шелко-вичный червь), которая, окукливаясь, плетет кокон. Его оболочка состоит из непрерывной шелковой нити длиной от 300–900 метров до 1500 м в самых крупных коконах.

одного из кустарных шелководов. Партнеры остались довольны ее качеством.

— Были бы у меня свободные средства, вряд ли бы у тебя получилось выкупить такое перспективное дело, — нарочито изумляясь своему решению, сетовал Карим. — За каких-нибудь четыре-пять лет ты легко сможешь обойти мое хозяйство.

— Нам чужого не надо — нам бы свое вернуть, — подшучивал в ответ Рамбом.

Глава 2.5. Встреча с шурином

Не откладывая дела на потом, уже через две недели Рамбом решил съездить в Ньюгеди для заключения предварительного соглашения о покупке земельного участка под тутовые саженцы, а также для выбора места для постройки жилья. На обратном пути он планировал заехать в Маджалис, убедиться в проживании там своего шурина и познакомиться с его семьей.

«Может быть, если Мозолут вернуть брата, их близкое общение облегчит ее боль от известия об утрате отца?» — размышлял Рамбом.

Конец февраля 1918 года выдался прохладным, однако земля уже начала дышать в предвосхищении неизбежно приближающейся весны. Многочисленные крестьянские парники готовились принять подготовленные сельчанами семена под разнообразную овощную рассаду.

Поездки в такое беспокойное время дорого стоили Рамбому. Они планировались заблаговременно и требовали дополнительных средств во избежание неожиданностей в пути. На дорогах наблюдалось немало конных мобильных и стационарных пикетов, подчиняющихся Временному исполнительному комитету, просуществовавшему, к слову сказать, до мая 1918 года и являвшемуся на то время наиболее легитимным органом власти.

Доехав до Ньюгеди, Рамбом встретился с продавцом, осмотрел участок, заключил предварительное соглашение и утвердил его подписью в присутствии стряпчего, подъехавшего к этому времени из Маджалиса. К большой удаче, бывший владелец предложил ему также свой дом и двор с небольшим поголовьем мелкого скота, домашней птицей и собакой. Он был чрезвычайно словоохотлив, поделился с фабрикантом своими семейными проблемами — псориазом жены, бездетностью и тем, что его желание немедленно

переехать в Кисловодск дает покупателю прекрасный шанс и великолепную возможность. Дом был каменный, сложенный отчасти из булыжников, натасканных из местной реки, отчасти из известкового камня, что могло на какое-то время устроить Рамбома, учитывая его желание побыстрее приступить к работе.

Разобравшись с делами, потенциальный покупатель поужинал и переночевал в доме своего новоиспеченного партнера. На утро, после обильного завтрака, Рамбом направился в Маджалис.

Долго искать дом медника не пришлось — достаточно было назвать имя мастера любому встретившемуся труженику. Фаэтон, проехав мост и пролетев вдоль стен двух десятков саманных строений, остановился у ничем не примечательных синих деревянных ворот, укрепленных в проеме саманных стен. Чуть правее ворот, из-за стены забора, виднелось несколько веточек миндаля, яркими светло-розовыми цветками открывающего весенний сезон в этих краях.

Рамбом поднялся с заднего сидения фаэтона, в котором также разместились двое доверенных людей, сопровождавших его при поездке в Ньюгеди.

Подойдя к воротам, мужчина постучал подвешенным на них определенным образом металлическим ободком-подковой. Ему никто не открыл. После нескольких попыток гость прислушался, приблизив к воротам ухо. За ними было тихо. Тогда он поднялся на возвышение справа от ворот, образованное из заготовленной впрок и разложенной в поленницу древесины, и с интересом заглянул во двор. В двадцати метрах от них под навесом угадывалось какое-то движение, но, что это за перемещения, невозможно было разобрать. Собралось несколько зевак-оборванцев поглазеть на необычную повозку и сидящего на козлах служивого человека в форменной ливрее. Постучав разве

что для порядка еще пару раз, Рамбом засобирался было восвояси, но увидел приближающуюся к нему с огромным кувшином на плече хрупкую молодую женщину, которая мельком оглядела фэзтон и незнакомого мужчину у закрытых ворот и поприветствовала его:

— Добрый день! Иду-иду. Вы к Рахамиму?

— Да, сестра, — ответил Рамбом, улыбаясь удаче и перехватывая у женщины кувшин. — А я стучу-стучу, никто не отпирает. Собирался вот было уже уходить.

— Он дома, — оправдывалась за мужа женщина. — Просто плохо слышит. Контузия у него осталась после войны: полтора года почти, как вернулся, а со слухом, кажется, все хуже и хуже. Проходите.

Женщина, забрав у мужчины кувшин, первой зашла во двор. Рамбом последовал за ней, наказав своим спутникам оставаться у дома и ждать.

Оставив кувшин за порогом жилища, женщина вернулась во двор.

— Проходите, — подозвала она Рамбома и направилась к тому самому навесу, где ему привиделось какое-то движение. — Рахамим? — окликнула женщина, затем подошла и положила ладонь на плечо сидящего на табурете мужчины.

В пространстве под навесом, оборудованном различными инструментами и приспособлениями, сидел молодой сухопарый мужчина, лицо которого заросло черной бородой. Склонившись над прямоугольным листом меди, в солдатских штанах и гимнастерке, обутой в черные лаковые галоши на босу ногу, он что-то мастерил.

— Рахамим, — мягко повторила женщина, — к тебе пришли. — И, переключившись на Рамбома, предложила: — Не хотите родниковой воды?

— Да, пожалуй! Немного потрясло в дороге. — Рамбом прошелся носовым платком по лицу и шее и, обраща-

ясь к повернувшемуся в его сторону хозяину дома, произнес: — Здравствуйте, Рахамим!

Женщина ушла в дом. Рахамим привстал и, поздоровавшись с гостем, пристально посмотрел на него. Мужчина пытался понять, что же привело этого неизвестного ему бритого ухоженного зрелого мужчину в его скромное жилище. Гость был одет в европейский костюм, на нем были черная лакированная обувь и необычная укороченная папаха из дорогой крашеной овчины.

— Извините, руки... — спохватился хозяин дома, вытирая грязные ладони куском ткани.

Подошла Динара и протянула Рамбому большую медную плошку с водой. Рамбом долго и с удовольствием пил и, утолив жажду, поблагодарил женщину:

— Хороша водица! — промолвил он, восхищенно улыбаясь.

— Да, вода у нас прекрасная! — сдержанно подтвердил Рахамим. — Так, какое у Вас дело ко мне, уважаемый...

— Рамбом. Меня зовут Рамбом Исроилов.

— Хорошо Рамбом, слушаю Вас.

— Видите ли, Рахамим, — с осторожностью произнес гость, — я прихожусь Вам родственником. Я муж Вашей сестры... — резкий кашель прервал его речь. Лицо Рамбома побагровело, наливаясь кровью... — Извините, — несколько отдышавшись и придя в себя, сказал он. — Старая болячка!..

Рахамим на некоторое время опустил голову и затем без тени улыбки проговорил:

— Я знал, что этот день когда-нибудь наступит. — После некоторой паузы, по-видимому, вызванной воспоминаниями, он спросил: — Каким временем Вы располагаете, Рамбом?

— Часа полтора-два есть. Надо бы сегодня быть дома.

— Тогда проходите в дом. И людей Ваших зовите. Я сейчас умоюсь и присоединюсь к Вам. Я быстро. — Далее обращаясь к жене, уже растопившей печь и что-то стряпающей, он сказал: — Динара, у нас гости. Проводи, пожалуйста, уважаемого Рамбома с гостями в кунацкую и накрывай на стол.

— Я, пожалуй, переговорю пока со своими провожатыми, — сказал Рамбом, — и пройдусь по двору. Дорога неблизкая.

Рамбом вышел со двора и предложил двум сидевшим с ним в фэртоне мужчинам также пройти в дом. Впрочем, те запротестовали, убедив Рамбома, что им лучше дождаться его тут.

— К тому же мы можем пока прогуляться по окрестностям, сходить на речку, — резонно заметил один из них.

Прожаживаясь по двору, Рамбом заглянул под навес, покрытие которого составляли плотно пригнанные связки из стеблей тростника. Здесь на нескольких стеллажах и лавках, судя по всему, располагались готовые к продаже изделия, тут же лежало несколько медных листов с художественной чеканкой.

— Да, руки у мастера золотые! — произнес Рамбом с восторгом, рассматривая очередную вещь.

С одного из медных листов на него смотрела девочка с заостренными худобой чертами и пышно рассыпавшимися по плечам длинными волосами.

— Узнаёте? — услышал Рамбом из-за спины голос Рахамима. Хозяин, умывшийся и переодевшийся в чистые бешмет и штаны, подошел к стеллажу, поднял другую отчеканенную медную табличку и, внимательно осмотрев, передал гостю. — А эту?

— Нет, — ответил Рамбом, продолжая сосредоточенно вглядываться в силуэт.

— А вот на той чеканке у верстака узнаёте?

На указанной Рахамимом лакированной медной чеканке была изображена девчушка лет шести с длинными волосами, несущая огромный кувшин.

— Неужели, это Мозолут? — удивился Рамбом, заметив похожесть линии подбородка, изгибов рук, глубины взгляда. — Возможно ли такое? Как можно так точно передать черты человека, девочки?

— Да, это Мозолут, насколько она мне запомнилась, — ответил мастер. — В чеканке возможно передать многое, главное — уловить суть, природу предмета или характер человека. В этом у меня нет сомнения. А чтобы покупателю понравилось, он должен найти в этом что-то близкое себе. — Рамбом с интересом слушал Рахамима и стал проникаться уважением к нему и его делу. — Чеканкой я занимаюсь недолго, лишь в качестве альтернативного заработка. Многие приходится постигать самому, — пояснил мастер.

Послышался окрик Динары:

— Рахамим?!

— Все. Пойдемте, Рамбом! — поторопил своего новоявленного родственника хозяин дома. — А что Ваши люди не проходят?

— Они благодарили Вас за приглашение, однако решили прогуляться по селению и сходить на реку.

Мужчины сели на табуреты, расположенные напротив друг друга вокруг небольшого круглого стола, на котором уже лежали соленья, зелень, вареные яйца, сушеное мясо, нарезанный вяленый кутум, лепешка хлеба, стояли кувшин вина и два медных кубка-стакана, по-видимому, произведенные самим мастером. Хозяйка подала *тара*¹ в бульоне с

---

¹ Тара – традиционное с незапамятных времен блюдо горско-еврейской кухни из горных трав, а также трава, давшая название этому блюду.

мясными рублеными шариками и рисовую кашу в глиняной посуде.

— Понимаете, Ваша сестра Мозолут давно уже ищет Вас по всему свету, — пытаюсь воодушевить Рахамима, с радостью произнес Рамбом. — Понимаете, у Вас два племянника и племянница!

Он вынул из-за пазухи сложенный вдвое листок, внутри которого хранилась фотография, и передал ее Рахамиму. На фото родители Рамбом и Мозолут сидели на стульях, на руках у Мозолут разместился удивленный малыш со смешным чепчиком, а по сторонам стояли мальчик и девочка повзрослее.

«Мозолут, какая же ты взрослая! — подумал Рахамим, рассматривая сестру в красивой богатой одежде. — И не узнал бы, встретиться такая женщина на улице».

— Спасибо, Рамбом! Хорошие новости, — с грустью произнес мужчина. — Не будете ли Вы возражать, если моя Динара останется в кунацкой. Ей тоже интересно будет послушать.

— Конечно, пожалуйста, — удивился Рамбом, впрочем, не показывая вида.

Рахамим позвал жену, предложил ей также сесть за стол и передал ей фотокарточку семьи Рамбома. Поначалу отказавшись, Динара все-таки присела на табурет в некотором отдалении от стола и, рассматривая этот снимок, внезапно прослезилась. Рахамим, как никто другой, понял настроение жены и сам едва сдержался — такого же плана фотография хранилась и в их небогатом семейном архиве, вот только малышки Мельке уже с ними не было.

Успокоившись, Динара разлила вино по стаканам мужчин и со стороны следила за происходящим, всякий раз подходя к столу и пытаюсь угадать все их пожелания.

— Ну что, брат, за встречу! — произнес хозяин дома просто и несколько угрюмо.

Мужчины опорожнили свои стаканы, которые сразу же были наполнены Динарой.

— Рахамим, тебе много нельзя, — шепнула мужу Динара.

— Все будет хорошо, — обнадежил он ее.

По счастью, именно сегодня утром Динара собрала тара и приготовила на обед блюдо с рубленным мясом, а два дня назад за починку кувшина односельчанка расплатилась двумя кутумами, хлеб был изготовлен накануне. В итоге угощение на столе даже для состоятельного гостя, кем для Динары, очевидно, казался Рамбом, выглядело неплохо. Как говорится в одной из поговорок «Герек гьисдигьо вэгьдо, Худо нуниш мидуь, овиш»¹. В том числе и такие житейские случаи не позволяют терять веру.

Мужчины уже принялись за еду, когда Рахамим, наконец, спросил:

— Как там Беньягу?

Отложив ложку, Рамбом сказал:

— Он погиб. Еще в ноябре 1916 года.

Рахамим сразу же заметно поник.

— Это я виноват в его смерти! — медленно, с некоторым надрывом произнес он. — Надо было поддержать отца, а я его уничтожил.

Он потянулся ладонью к сердцу, согнулся и прищурился от боли.

— Сейчас, Рахамим! Потерпи... — с тревогой проговорила Динара, наблюдавшая за изменившимся состоянием мужа. Она вышла из кунацкой, через мгновение вернулась с какими-то пиллюлями, развернула их, засыпала в стакан с водой и дала выпить Рахамиму.

— Могу ли я чем помочь? — разволновался Рамбом.

---

¹ Герек гьисдигьо вэгьдо, Худо нуниш мидуь, овиш. — Когда будет в том нужда, Бог даст и хлеб, и воду — горско-еврейская поговорка (перевод с джуури).

— Нет-нет. Сидите, Рамбом! — ответила Динара. — Такое с ним бывает периодически. Осколок, зехримар, не дает нам расслабиться. В середине ночи может ни с того ни с сего повернуться, и тогда всё — до утра мучаемся. Да и пить ему, пожалуй, нельзя.

Из соседней комнаты выглянула дочь Рахамима Сипро, девочка семи-восьми лет, и озабоченно посмотрела в сторону отца. Поймав на себе взгляд постороннего мужчины, она тут же исчезла за дверь.

Через несколько минут Рахамима отпустило. Он огляделся вокруг и как будто в первый раз посмотрел на Рамбома, вспоминая, кем является этот человек.

— Понимаешь, я хотел только, чтобы отец понял, как мне трудно было без него. Чтобы он хорошо понял, как бывает больно. Признаюсь, я хотел ему такой же боли. Но я всегда также хотел, чтобы он мною гордился. Поэтому я и трудился много. Несмотря на то что он отдал меня другим людям, он всегда был авторитетом для меня. Я только недавно понял, как ему нелегко было принять такое решение.

— Я сожалею, Рахамим, что принес тебе такую горькую весть, прими мои соболезнования.

— Как это произошло?

— *Дуьшме*¹ из прошлого достал его на фронте.

Рахамим замолчал, уйдя в личные переживания.

— А как Вы нас нашли? — пытаюсь заполнить образовавшееся вдруг тягостное молчание, спросила Динара.

— Есть один человек, его зовут Хасан, он из Аглоби. Он был сослуживцем и другом твоего свекра, знает подробности. От него я и узнал о Вас. Мы с Мозолут собираемся встретиться с ним и отблагодарить его за все.

— Мозолут, сестренка... — несколько бессознательно выпалил Рахамим. — Как вы поживаете, Рамбом?

— Хорошо. У нас трое детей.

---

¹ Дуьшме – враг (перевод с джуури).

— И у нас могло быть столько же... — с печалью общил Рахамим и позвал детей. Те сразу же выбежали из внутренней двери и облепили отца, как будто ожидали его призыва. — Вот они, мое сокровище, Сипро и Шомоил.

Рамбом наконец понял, что, возможно, своей излишней радостью за своих детей допустил оплошность, и попытался быстро поменять тему.

— Я бы мог помочь хорошими лекарями-хирургами, если это возможно, — предложил он, привлекая к себе Сипро и поглаживая ее головку.

— Увы, нельзя. Так же, как и вернуть оттуда близкого мне человека, — произнес Рахамим. В следующую минуту, казалось, что-то изменилось в его поведении: внезапно проявилось то, что выдавало в нем совсем молодого и даже юного человека, жалующегося взрослому на судьбу. — У меня было два отца, две матери, у меня была маленькая Мельке. Зачем меня надо было забирать на войну, в которой мы ничего не добились, кроме теперешнего беспокойного безвластия?! — то ли в бреду, то ли страдая, очевидно, от сильной боли, вслух размышлял Рахамим. — Было бы предательством с моей стороны, если бы я не вспомнил сейчас наряду с Беньягу и других людей: Уста-Курбана и Малику, родителей моей Динары, положивших свои жизни за нас. А где все это время были вы — вот вопрос?

— Что ты говоришь, Рахамим?! Мозолут тебя очень любит и не одну подушку заплакала, пока мы тебя искали.

— Не знаю, плакать мне из-за этого или смеяться... — нарочито безразлично сказал тот в ответ.

Все же Рамбом не остался в долгу, несмотря на то что Рахамим с Динарой вызвали у него поначалу симпатию. Он вынул из-за пазухи фотографию с изображением тринадцатилетнего подростка с надписью «село Маджалис» на ее обратной стороне и положил ее перед женщиной.

— Полтора года назад эту фотографию вынули у него из кармана. Вынули из кармана погибшего героя — моего тестя и твоего отца. Я помню его как достойного, уважаемого и храброго человека. Вспомни и ты, Рахамим, кто по воле Господа нашел и подобрал тебя, полумертвого, посреди дороги в разбомбленных турками остатках обоза. Вспомни, как он просил у тебя прощения — и ты не простил его. И он рвался в самое пекло боя, чтобы унять боль, которая его убивала похлеще пуль и сабель. Оставаясь в живых, он не переставал ходить к тебе за прощением, пока тебя не комиссовали и не отправили долечиваться по месту приписки. Что ему оставалось делать, если единственный любимый сын отказал ему в прощении? Он знал, что враг где-то рядом, позади, среди своих, ждет момента, чтобы нанести удар в спину. Понимая это, в силу обычно свойственной Беньягу осторожности (поверь, я знаю, о чем говорю), он просто должным образом не подготовился и не предупредил удар. А Уста-Курбан, не умаляя деяний человека, названного тобой отцом, не сомневаюсь, достойный мужчина, но никто не давал ему права на распоряжение тобой по своему усмотрению.

Рахамим, опустив голову, молчал. Потом встал из-за стола и подошел к дверям в саклю, твердя на ходу:

— Уходи! Уходи, Рамбом!

Динара опешила, но смогла только произнести:

— Рахамим! Рахамим! Это же наш гость, твой *шевхаар*¹.

— Гость это мой или шевхаар, я не готов выслушивать от этого человека, хотя наверняка и достойного, рассуждения о том, чего он знать не может.

Рамбом был крайне разгневан выходкой Рахамима. Что именно могло привести к раздражению этого молодого,

---

¹ Шевхаар (сложносокращенное слово «шувер хаар») – муж сестры (перевод с джури).

пусть и стреляного человека? Хотелось ответить чем-то, может, даже следовало бы это и сделать на волне возмущения, но зрелая сдержанность не позволили ему и рта раскрыть. «Хар! Чу хари и!»¹ — вертелось у него на языке, когда он, надев свою особую папаху, выходил за ворота этого оказавшегося негостеприимным дома.

Сопровождавшие его мужчины, ожидавшие в фазтоне, воодушевленно заерзали на своих местах. С тяжелым сердцем Рамбом приблизился к ним и уже собирался немедленно покинуть Маджалис, когда его за руку схватила взволнованная Динара.

— Простите нас, Рамбом! Муж вернулся с войны с неоперабельным осколком в области сердца и, как вы уже могли сами наблюдать, серьезной контузией. Эти болезни воздействуют на его характер. Иногда он бывает такой добрый и участливый, а в другой раз невыносимо угрюмый и злой. Вы, видимо, зашли в неподходящий момент. Поверьте! Не оставляйте его! Мы сами одни в этом мире, никого у нас нет. Прошу Вас, простите!..

— Хорошо, Динара! Я все понял. Мы с Мозолут вас не оставим, — участливо произнес Рамбом, вынув платок и заботливо вытирая им слезы, хлынувшие из глаз молодой женщины. — Все будет хорошо! — обняв и расцеловав выбежавших босиком вслед за матерью Сипро и Шомоила и положив им в ладошки по червонцу, слегка поклонившись Динаре, он приказал кучеру: — Поехали!

Пытаясь быть объективным в своих суждениях, Рамбом решил переосмыслить сложившуюся ситуацию и подождать немного, прежде чем сообщить жене о визите к ее потерявшемуся много лет назад брату.

---

¹ Хар! Чу хари и! — Осел! Ну и осел! (Перевод с джуури.) Другое значение слова «хар» — дурак.

Глава 2.6. Вести

В последующие месяцы семья Рамбома привыкала к жизни в Нюгеди, где новоселов приняли, в общем-то, доброжелательно. О том, куда они переехали, в ауле Мамраш знали только в домах их родственников Симхо и Хануко. Переселение в это место казалось Рамбому и Мозолут возможностью открыть новую светлую страницу в их судьбе.

Глава семьи занимался любимым делом, и это было причиной того, что он реже думал о своей болезни, которая, затаившись на время, все реже подавала свои кровавые знаки. Возможно, повлияло изменение климата.

Мозолут терзалась вопросами относительно судьбы своего отца: «Жив ли он? Когда же он наконец вернется с фронта? Найдет ли он ее здесь, на новом месте?» Она знала, что война уже закончилась, заключен мирный договор и все солдаты демобилизованы. Действительно, большинство мужчин уже вернулись в Нюгеди, теперь приезжали те, кто задержался в госпиталях или продолжал воевать во всевозможных противоборствующих группах.

Рамбом не говорил в семье о политике, искренне считая, что это вредно не только для его супруги, но и для женщин в целом. Поэтому Мозолут прислушивалась к голосам своих односельчанок, которых не оставляли равнодушными факты частой смены властей в Нюгеди. Некоторые из них утверждали, что новая власть, которая уже пыталась закрепиться в Маджалисе, будет защищать интересы простых крестьян. Другие шептались, что, если уйдут русские, здесь будут действовать законы шариата. Третьим вообще мерещились мрачные картины ближайшего будущего. Конечно же, их беспокойства были связаны с тем, чтобы эти разные противоборствующие силы оставили в покое их мужчин.

Мозолут, боясь и в мыслях предполагать худшее, надеялась на то, что ее отец все же присоединился к какой-нибудь из воюющих групп — только бы он был жив. И чем глубже она погружалась в эти думы, тем быстрее таяла ее надежда на чудо. «Не может быть, чтобы отец пошел за такое воевать, не появившись дома», — рассуждала Мозолут.

Эти переживания не могли ускользнуть от Рамбома. Они мучили его: иногда ему было настолько невозможно, что он уходил из дома и где-нибудь поодаль пытался унять угрызения совести.

Однако и Мозолут тоже видела перемены в поведении супруга, чувствовала его неловкость, когда разговор заходил об отце. Женщина заподозрила, что Рамбом от нее что-то скрывает. Она встала возле расстроенного сидящего на табурете мужа, положила свои ладони ему на предплечья и, испытующе глядя ему в глаза, спросила:

— Рамбом, что с отцом?

— Откуда я могу знать?! Сам не понимаю, почему его до сих пор нет, — отвечал он, отводя взгляд.

— Рамбом, скажи мне. Я выдержу. Слышишь? Скажи.

— Что сказать?

— Мой отец умер? Скажи мне, Рамбом! — Мозолут трясла мужа за плечи, понимая, что он что-то не договаривает.

Рамбому на мгновение показалось, что не жена, а Беньягу трясет его, пытаясь его заставить говорить, как это уже было когда-то.

— Да! — вспыхнул Рамбом. — Твой отец погиб!

В тот же момент он поспешил придержать от падения вмиг побледневшую Мозолут. Эта хрупкая женщина неожиданно показалась ему настолько тяжелой, что он едва удержал ее на руках.

Рамбом растерялся, хотя приблизительно такого исхода и ожидал ранее. Подняв на руки, он положил жену на тахту.

— Мозолут? Мозолут?.. — позвал он, но женщина не отзывалась.

Рядом стояла огромная кружка с водой. Выплескав воду себе на руки, он приложил их таким образом охлажденными к лицу жены. Мозолут очнулась и через некоторую паузу спросила:

— Когда? Когда папа умер? Как?

— Почти два года назад. Убит в Турции, — ответил Рамбом. — Прости, я не хотел расстраивать тебя.

Внезапно раздался оглушительный женский крик. Мозолут в истерике рвала на себе волосы, била себя в грудь, царапала свое лицо.

— Папа! — кричала она. — Зачем ты меня оставил? Зачем мне теперь жить, папа?!

Рамбом в растерянности ходил за женой, не зная, что делать. Заплакали все находящиеся дома дети. Она не слышала и не видела ни Рамбома, ни своих детей — в глазах ее было безумное горе.

Рамбом вспомнил тот день, когда Мозолут вылила над собой керосин и подожгла себя, как тушил ее объятые пламенем тело. Все было так же, как и тогда, только на этот раз полыхала не Мозолут — горел он, горела и вся его предыдущая жизнь.

Уже не пытаясь успокоить жену, Рамбом спустился в подвал и спрятал подальше имевшийся там баллон с керосином. Затем, поднявшись, он позвал детей и вышел с ними со двора. Девятилетняя Мегило, насупившись, всю дорогу смотрела на отца, как будто ждала объяснений по поводу поведения мамы.

— Не бойтесь, дети, мама просто болеет, она скоро выздоровеет.

Они постояли у реки. Поиграли в скороговорки с соседскими индейками, пытаясь повторить за ними болботания на их языке. Затем направились в свой сад. Здесь было высажено с десяток деревьев, среди которых особняком стояло около полсотни тутовых. На некоторых из них появились крошечные завязи будущих плодов. Младший, семилетний Равино, попробовал еще не совсем созревшую алычу и с оскоминой на лице под смех брата и сестры бросился к отцу за сочувствием.

— Ягу, давай пересадим вон то терновое деревце, а то оно не сможет вырасти, так как для его будущей кроны недостаточно пространства и света.

— Давайте, папа! — с восторгом произнес старший сын Рамбома, первым из детей добежав до воткнутой недалеко в землю лопаты.

Ягу, деловито подкапывая невысокое деревце, попытался за ствол выдернуть его из земли, но оно не поддавалось.

— Еще надо копать.

— Папа, можно я покопаю? — спросила Мегило.

— Нет, я сам, — настойчиво продолжал подкапывать Ягу уже чуть подалее от ствола, освобождая разросшиеся корни.

— И я хочу покопать, — заметил Равино.

— Хорошо, все покопаете. Сейчас Ягу закончит, — успокоил детей Рамбом.

Когда Ягу с удовлетворением вынул деревце терна с корневищем, Мегило забрала у него лопату и, получив от отца наказ, в какое место пересадить, начала быстро рыть лунку. Сделав с десяток движений лопатой, она остановилась и посмотрела себе на ладони.

— Не буду больше копать! Пусть кто-нибудь другой это сделает!

За дело взялся Равино и добросовестно углубил лунку до необходимых размеров. Ягу посадил туда деревце и, перехватив лопату у наработавшегося брата, насыпал его корни землей.

В это время в саду появилась Мозолут. Младшие дети бросились к ней с рассказами о том, как они провели время.

— А полить не забыли? — заметила она, обращаясь не столько к детям, сколько к мужу.

— Сейчас сделаем, — ответил Рамбом.

Когда саженец получил воду из ведра, наполненного из проходящей по участку канавы, Мозолут тихо скомандовала всем:

— Пойдемте домой!

В тот же день Рамбом поведал жене все: и историю, рассказанную Пенуилом, и про поездки к другу тестя Хасану и к шурина Рахамиму.

Весь вечер Мозолут расспрашивала мужа о мельчайших подробностях этих встреч. Была очень расстроена состоянием здоровья своего старшего брата, потерявшего много лет назад. Она жалела Рахамима и оправдывала его неожиданную реакцию на посещение Рамбома. Ей хотелось поскорее самой узнать о случившемся от Хасана и встретиться с братом и его семьей.

Рамбом сообщил Мозолут, что тоже ждет подходящего случая, чтобы посетить Хасана, так как подарок, сделанный им заочно, должно быть, уже дошел до адресата. Желая угодить жене, мужчина предложил отправиться прежде в Аглоби, а затем уже посетить Рахамима. Она с благодарностью согласилась.

В воскресенье супруги приехали в Аглоби. Хасан их встретил с благодушием, заранее договорившись, что Рамбом с Мозолут задержатся у него на несколько часов. Он распорядился накрыть стол, нарезать барана и несколько

кур. На обед были приглашены все уважаемые люди села, ковхо, мулла и рабби, Пенуил с женой, а также многочисленные родственники хозяина дома. Чтобы все это организовать, Хасан послал за людьми, которые были заняты на различных работах, местную детвору.

К обеду во дворе Хасана был накрыт длинный стол для мужчин. Хозяин дома, переодевшийся в свою военную походную полевую форму, радушно встречал гостей. На его груди блестел единственный, но очень ценный знак боевой славы — георгиевский крест. Не сразу бросалось в глаза, что вместо здоровой части правой руки у мужчины был блестяще подогнанный протез. В глубине дома был накрыт стол для женской части приглашенных.

Единственной женщиной, которая некоторое время сидела возле мужского стола, была Мозолут. Она с интересом слушала произносимые Хасаном восторженные рассказы о своем отце. Этих историй хватало на многочисленные тосты за упокой друга хозяина и здравицы в адрес членов семьи Беньягу.

Все насладились великолепным голосом слывшего в селе прекрасным ашугом Пенуила. Под восторженные взгляды и рукоплескания односельчан он исполнил две песни под собственный аккомпанемент на *чунгуре*¹. Среди них был популярный *мугам «Гачаг Наби»*², с особым чувством исполнявшийся еще его отцом Рахмилом.

---

¹ Чунгур — щипковый струнный музыкальный инструмент, на котором играют на Кавказе, особенно в Дагестане, и который связан с чогуром (из Азербайджана и др.) и чонгури (из Грузии).

² Мугам «Гачаг Наби»: мугам — один из основных жанров азербайджанской традиционной музыки, многочастное вокально-инструментальное произведение, являющееся классическим музыкально-поэтическим искусством азербайджанского народа; Гачаг Наби — азербайджанский народный герой, «Робин Гуд», боровшийся против засилья власть имущих и царских чиновников и помогавший беднякам.

После обеда почетные гости, провожаемые многочисленными аглобинцами, желающими им здоровья и благополучия, уехали домой, в Ньюгеди.

Еще через несколько дней, перед Шабатом, Рамбом и Мозолут, воодушевленные поездкой в Аглоби, где они узнали много нового о своем героическом тесте и отце, поехали к Рахамиму, благо Маджалис находился гораздо ближе, чем Аглоби. В поездку взяли детей и заготовленные на Шабат еду и угощения.

Встреча была невероятно теплой. Затаившаяся в сердцах брата и сестры на долгие годы любовь снова всколыхнулась трепетным огоньком. Объятия, слезы радости и грусти, яркие детские воспоминания, счастье от обретения близких — все это сделало чрезвычайно ярким этот первый субботний день после окончания отсчета *омера*¹. Весь вечер и часть ночи близкие люди общались, обсуждая слова Хасана о боевом друге Беньягу и помяная иных ушедших: мачеху Рахиль с младенцем Иосифом, Уста-Курбана с супругой Маликой, родных Рамбома, бабушку Динор, маленькую Мельке, делились семейными радостями и переживаниями. Дети также допоздна не спали и беззаботно играли, воспользовавшись благодушием родителей.

В воскресенье утром семьи Исроиловых и Рафоиловых расстались, договорившись об ответном скором визите.

Новость о жестокой кровавой расправе над аульчанами Мамраша дошла до семьи Рамбома не сразу.

---

¹ Омер — древняя единица измерения объема зерна. На второй день Песаха в знак разрешения есть зерно из нового урожая в Храме приносился в жертву омер ячменя. На 50-й день после начала отсчета, соответствующий празднику Шавуот, в жертву приносились два хлеба из нового урожая пшеницы. Отсчёт омера отражает духовную подготовку и ожидание дарования Торы, данной Богом на горе Синай в начале месяца сиван, когда празднуют Шавуот.

Глава 2.7. Мамрашская трагедия

В мае 1918 года вслед за утверждением в Темир-Хан-Шуре Советская власть стала последовательно проникать в города и регионы Дагестана. Пришла она и в Мамраш.

Несколько агитаторов в сопровождении отряда, направленного военно-революционным комитетом, въехали в аул. Они заняли помещение управления и созвали жителей на площадь. Собравшемуся народу были зачитаны принятые новой властью декреты «О мире» и «О земле». В соответствии с последним все помещичьи имения со всем их инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями перешли в распоряжение областных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов. Декрет автоматически превращал всех крестьян из земельных собственников, свободных тружеников на своей земле в батраков, вернее — *издольщиков*¹ на государственной земле. Об этом же были лично уведомлены крупные собственники и частные землевладельцы, вызванные на допросы. Им также предлагалось сдать излишки сельхозпродукции на нужды молодой развивающейся Советской власти в обмен на свободу и гарантии безопасности. Бойкие агитаторы не ограничивались центральной площадкой аула, а ходили еще и по дворам, пытаясь убедить мужчин пополнить ряды своих военизированных отрядов.

Первая декада июня — время сбора урожая озимого ячменя на юге Дагестана. Засеянные поля покинувшего аул землевладельца Исроила нуждались в жатве, но неопределенный статус этих земель долгое время останавливал крестьян от проведения работ. Некоторые участки ячменя

---

¹ Издольщик — земледелец, платящий за аренду земли долей урожая.

они пытались убрать под покровом ночи. Заметив за этим занятием нескольких аульчан, некоторые из мамрашских горско-еврейских семей решились выйти на поле в воскресный день. Основанием для такого решения были слова, якобы сказанные хозяином этих пашен Исроилом бен Яагу сопровождавшему его отъезд за границу Симхо, о том, что он разрешает аульчанам убрать ко времени урожай и распределить его между жителями. Воодушевленные люди взяли подводы для вывоза готового зерна. Разделив межу на несколько участков, крестьяне начали работу. Сквозь стрекот кузнечиков и сверчков, жужжание саранчи над полем разносилось веселье, крестьяне пели песни и частушки.

В три часа дня со стороны касумкентской дороги слышался топот копыт тридцати-сорока всадников. Они набросились на работающих людей, не дав им ни спрятаться, ни подготовиться к атаке. Это была одна из многочисленных банд, занимавшихся разбоями и грабежами среди мирного населения сел и аулов. Женщины и дети бросились в ближайшую лесополосу, которая только казалась спасительной. Мужчины, взявшись за оружие, в основном кинжалы и вилы, стали отбиваться. Впрочем, силы были неравны. После нападения в поле остались десятки изувеченных тел аульчан, около двадцати погибли.

Несколько подростков, взобравшись на лошадей, успели вырваться из этого побоища и поскакали в аул, чтобы предупредить о случившемся. В соответствии с договоренностями с представителями села Аглоби и аула Нюгди о взаимопомощи в их направлении из Мамраша выдвинулись гонцы.

Симхо, руководивший отрядом самообороны аула, условленными сигналами из ружей собрал на защиту около дюжины находящихся на тот момент в селе мужчин-евреев. Женщинам и детям было наказано прятаться в убежища.

Не успели защитники аула составить строй, как на село с поднятыми саблями напала темная улюлюкающая сила, не останавливающаяся ни перед чем. Отряд Симхо был просто сметен бандитами. Они врываются во дворы аульчан, истязали мечущихся от ужаса безоружных людей, грабили и затем поджигали дома и постройки. Во дворе си-нагоги расстреляли спрятавшегося там подростка.

Когда на помощь мамрашцам прибыли немногочисленные всадники из Аглоби и Ньюджи, вся еврейская часть аула горела, и едкий дым стелился далеко за его пределами. Среди нападавших было замечено и несколько местных аульчан, спрятавших лица за спинами других всадников. Всего в этот день погибло 23 человека. Тяжелораненого Симхо и еще троих мужчин и двух женщин срочно вывезли в *городскую Александрийскую больницу*¹ Дербента.

После этого налета евреи стал покидать Мамраш. Из тех, кто уехал в день трагедии, некоторая часть вернулась обратно, но жизнь этих людей уже никогда не была прежней. Пошатнулись чувства достоинства, единства и защищенности, характеризовавшие их положение как хозяев своей родной земли, а не изгоев.

В 1920 году был учинен очередной погром, принесший смерть и разрушения: 40 евреев погибли, еврейские дома были разграблены. За годы Гражданской войны в Мамраше умерло 211 евреев.

Несмотря на очевидные притеснения, не все мамрашцы покинули аул. Этому способствовала политика новой власти, которая в начале своего существования встала на за-

---

¹ Городская Александрийская больница — первая общественная больница г. Дербента, которая начала работать 25 мая 1902 года. С 19 июня 1903 года получила название «Александрийская» в честь императрицы Александры Федоровны. Примечательно, что больница была открыта в день ее рождения.

щиту горских евреев от местного радикализма. В 1926 году в Мамраше действовало организованное Советской властью хозяйство, в котором работало 46 евреев из 111, которые проживали здесь на тот момент. Хозяйство было очень успешно за счет грамотно поставленной работы местных тружеников.

К концу 1950-х годов горские евреи покинули эти места, и аул перестал существовать.

Глава 2.8. Комиссар

В октябре 1920 года после долгих лет отсутствия у порога своего отчего дома появился Азарья. Это был уже не тот неуверенный в себе мужчина, что становился в селе предметом пересудов и домыслов, а матерый, жесткий вышколенный вооруженный человек с пугающим шрамом на лице.

В черной революционной кожаной куртке, с наганом за поясом он дождался, пока ему не распахнут ворота отчего дома, и въехал во двор гарцующим на молодой кобыле.

Испытывая страх перед новой властью, Динара с опаской открыла ворота ее незваному представителю. Только когда мужчина слез с лошади и схватил женщину за плечи, с улыбкой вглядываясь в ее глаза, она признала в нем близкого человека.

— Ну, наконец, узнала своего любимого дядю? — расхохотался он и поцеловал женщину в щеку.

— Ух! — выдохнула Динара. — Я уж думала о плохом.

— Зачем же о плохом? О хорошем надо думать. О светлом. Все хорошее только начинается, — казалось, искренне радовался Азарья. — Как живете-то, милая?

— Не жалуемся. Все в порядке. Муж работает. Я — по хозяйству, растим детей. Проходите в дом, дядя Азарья.

— А Рахамим-то твой где? — спросил Азарья, размашистой походкой проходя в дом.

— В Дербент уехал — на рынок.

— Продает что-то?

— Да, что-то продаст по мелочи, что-то купит.

— А почему по мелочи? Мастерская не работает?

— Давно уже. С 14-го года.

- Помните: в 13-м я еще работал там.
- Да. Вскоре после Вашего отъезда она и закрылась.
- А знаешь почему? — серьезно спросил мужчина.
- И почему же?..
- Потому что все держалось на твоём дяде. Поняла?

Гость вошел в прихожую и стал разглядывать ее убранство. Здесь возле одной из табуреток на полу располагалось гугере, из которого раздавались какие-то звуки. Азарья заглянул внутрь. Там, сверкая глазками, лежал ребенок и что-то лепетал сам себе.

- А это что за чудо?
- Это наш младшенький. Ему скоро два месяца.

С лицом Азарьи произошла внезапная перемена. Оно стало значительно мягче, и даже пересекающий лоб и щеку шрам выглядел не так устрашающе.

— Вы уже дали ему имя? — мужчина посмотрел на племянницу с надеждой.

— Да, его зовут Беньягу, как моего погибшего свекра.

— Жаль. Я бы душу за него отдал бы, если вы назвали бы его моим именем, — то ли в шутку, то ли всерьез, но однозначно удрученно произнес мужчина. — А где другие дети?

— Я здесь! — неожиданно громко произнесла появившаяся в дверях высокая стройная десятилетняя девочка с небольшим кувшином для воды на плече. Она постеснялась своей смелости и, поставив сосуд возле матери, быстро направилась вглубь дома.

— Не Сипро ли это? — спросил восхищенный Азарья. — А ну-ка, дочка, покажись.

— Сипро, выйди, поздоровайся с дядей Азарьей, — позвала дочь Динара.

Девочка вышла и сказала:

— Здравствуйте!

— Я тебя вот такусенькой помню, дочка, — и Азарья опустил раскрытую ладонь ниже колена, показывая Сипро, какого она была роста. — А сейчас ты такая красавица, почти невеста, — радовался он. — А где Шомоил? Наверно, тоже подрос, сорванец...

— Да, он сейчас на речке — купаться пошел, — сообщила Динара.

Женщина стала спешно накрывать на стол. Азарья остановил ее.

— Не сегодня — позже. Пусть вернется Рахамим, — произнес он и, вытащив из кармана графитовый карандаш, передал его Сипро. — Это подарок тебе, дочка. — Выйдя из дома и сев на оседланную лошадь, Азарья добавил: — В среду к обеду загляну. До встречи, уважаемая племянница.

Азарья действительно явился в назначенный им срок. Он пришел пешком, но так же, как и до этого, вооруженный и в той же кожаной куртке. Вопреки ожиданиям гостя хозяйева его приняли во дворе и, по всей видимости, особенных кулинарных изысков для этого приема не готовили. Здесь были установлены две лавки из нетесаных досок и стол из кунацкой, на котором одиноко стояли медная тарелка с овощами и фруктами и солонка.

Рахамим дежурно поприветствовал гостя так, как будто расстался с ним вчера. Азарью покорило то, что зятек никоим образом не отдал дань тому, насколько он изменился и кем является сейчас, кого представляет в своем текущем положении.

— Похоже, ты не рад моему приходу, Рахамим... — произнес гость, стараясь не проявлять свое глубокое разочарование приемом.

— Почему же, я рад визиту дяди моей жены, — ответил Рахамим. — Динара, накрывай на стол!

Женщина принесла бутылку с самогоном и стаканы, стала суетиться вокруг стола. Рахамим разлил выпивку и предложил тост:

— Азарья, ты какой-никакой мой старший брат. Зачем нам вспоминать о плохом? Давай смотреть вперед...

— В светлое будущее, — добавил Азарья, пытаясь на этот раз понять причину такого доброго приветствия.

— В светлое будущее! Верно.

Мужчины выпили и закусили молодым луком и огурцами.

— Ты где служил, Азарья?

— Да, много где довелось с 14-го года: в основном — по продовольственной части, а потом и по политической. А ты?

— Ничем похвастаться не могу. Только начал служить, и пришлось обратно возвращаться.

— Ранен он. Тяжело... — вступила в разговор Динара, неся к столу большое блюдо с кусками вареного мяса, — контузия, вон, до сих пор не прошла.

Азарья пригляделся к зятю: действительно, по его манере говорить и по тембру голоса можно было определить некоторое влияние этой травмы.

Следом хозяйка подала хинкал, что вызвало дядину довольную улыбку.

— А дети где?

— Они в доме.

— Пусть посидят с нами.

— Нет, дядя Азарья, они уже поели и будут Вам мешать.

— Разве могут дети помешать?! — не отступал мужчина. — Пусть хотя бы Шомоил придет, я его еще не видел.

Через пару минут подошел двенадцатилетний мальчик и, сильно стесняясь, поздоровался с дядей.

Азарья не ожидал увидеть такого уже взрослого, крепко сложенного парня. Он, искренне восхитившись им, бойко произнес:

— Молодец! Настоящий мужчина! Ну что, готов к борьбе за Советскую власть, красноармеец?

Шомоил несколько замялся, привлекаемый объятьями дяди.

— Какой еще красноармеец? Он еще ребенок, — остерегаясь чего-то, заметила Динара.

— А я вижу в нем будущее нашей жизни, новой советской жизни. Пожалуй, я займусь этим парнем. Сделаю из него настоящего бойца.

— Шомоил, иди, сынок, нарежь несколько заготовок на завтра, — обратился к сыну отец. Когда тот ушел, Рахамим заметил: — Он будет медником, как и его отец. И не тебе решать его будущее. Я его отец.

Сказанное зятем резко изменило благодушный настрой гостя.

— А как ты относишься к Советской власти? — спросил он с незавуалированной угрозой.

— Никак не отношусь, — спокойно ответил Рахамим. — Я вообще ничего хорошего не жду от властей, тем более от вашей власти.

— Поэтому я у тебя и отниму Шомоила, потому что ты не можешь дать сыну ничего хорошего. Ты еще не знаешь, что я могу сделать, в том числе и с тобой. Прямо здесь...

Рахамим встал, собираясь высказать все хамоватому гостю, но боль в груди заставила его сесть обратно. Динара озабоченно под села к мужу, удерживая его от падения на землю. Мужчина потерял сознание.

— Что с ним такое? — раздраженно спросил Азарья.

— Он болен. Так нельзя, дядя Азарья. Ты ведешь себя как наш враг, — возмутилась Динара.

— Ты несправедлива, племянница. Вы — то небольшое, что у меня осталось. Чем я могу помочь ему?

— Не оскорблять его в собственном доме.

— Я его не оскорблял. А дом этот не совсем его, — заметил мужчина. — Может, тебе напомнить, племянница? Это мой дом. Это дом моего отца.

— Рахамим!.. Рахамим?.. — пыталась привести мужа в сознание взволнованная женщина. Рахамим не приходил в себя. Обратившись к Азарье, она произнесла: — Помогите мне, дядя, занести мужа в дом.

Рахамима перенесли в кунацкую и положили на кровать. Динара прислушалась к дыханию мужа, потрогала лоб и сказала:

— Так уже было не раз. Он, с Божьей помощью, очнется. Он хороший человек.

— Не сомневаюсь, — ответил дядя и, так и не приронувшись к приготовленному угощению, удалился.

Через час явился лекарь, которого послал Азарья, и осмотрел Рахамима. Эскулап рекомендовал не беспокоить больного до полного выздоровления, дал с дюжину успокоительных и обезболивающих пилюль и ушел.

В селе заметили появление Азарьи, которого многие хорошо помнили. Пошли слухи о его героической службе на войне, а затем и в составе Красной армии. Эти разговоры явно шли вразрез с тем образом, который оставил мужчина в памяти односельчан. О причине появления шрама на лице Азарьи имелись две равно оспариваемые версии: ранение в бою от вражеского оружия и травма, полученная еще до войны на рыбных промыслах. Последняя казалась более правдоподобной, так как она появилась раньше, еще в те годы, когда большая часть сельчан по весне спускалась к морю на заработки. Также ходили слухи о том, что в 17-м году, накануне Октябрьского переворота в Петрограде,

Азарья успешно занимался махинациями с продовольствием, предназначенным для воинских подразделений. Будучи ответственным за поставки, он припрятал его на близлежащих хуторах. Поднялся продовольственный мятеж, и солдаты совместно с некоторыми нижними воинскими чинами покинули свои части. Путем приписок сам Азарья оказался непричастен к вышеуказанному воровству. Передачей припрятанного в руки новых властей он заслужил доверие у представителей высшего руководства ВКП(б), которое поставило его заместителем начальника в комиссариате по продовольствию для боевых подразделений большевиков.

В целом занимаемые Азарьей в дальнейшем должности соответствовали его навыкам. Для него не было проблемой в заданные короткие сроки обеспечить боевые подразделения хлебом и иными продуктами. Он как будто заведомо знал, где можно достать это продовольствие, и для решения поставленных задач он не гнушался обманывать и жестоко наказывать стоящих на его пути людей.

Глава 2.9. Шомоил

Созданная на основе бывшей мастерской Рахамима и оберегаемая Азарьей артель в первые годы Советской власти развивалась и приносила неплохую прибыль и своему трудолюбивому начальнику, и своему напористому покровителю.

Рахамим все чаще приходил к безотрадному для себя выводу: его любовь и опора, старший сын Шомоил совершенно не питает интереса к делу отца. Его попытки привить подростку мастерство в медном деле или какую-либо расположенность к нему, сколько бы он ни тратил на это сил и времени, провалились. Юноша всячески избегал уроков и наставлений отца. По мере взросления сына его непослушание стало все больше раздражать Рахамима. В бессилии изменить что-либо он однажды проучил юношу, отшлепав его своим поясным солдатским ремнем. Динара поддержала в этом мужа, хотя и отговорила от реально жесткого наказания.

Однако Шомоил этого не забыл и стал отдаляться от своего отца. В отличие от ласковой и любящей дочери Сипро, а затем и спокойного, не очень требовательного малыша Беньягу, родившегося у супружеской пары в 1920 году, этому ребенку с детства были присущи капризы, себялюбие и своеволие. Он не особо ценил своих родителей, воспринимая их исключительно как исполнителей своих прихотей. В то же время Шомоил восхищался своим дядей Азарьей, его револьвером, кожаной курткой, статью и даже шрамом на его лице. Наслышанный от него о многочисленных неурядицах и сражениях, из которых тот, как правило, выходил победителем, подросток считал его героем, заслуживающим подражания. «Разве можно сравнить того, кто производит кувшины и посуду, с мужчиной, который бьет

врага на поле боя?!» — однажды в сердцах высказался он при матери.

С тринадцати лет Шомоил с искренним рвением исполнял все поручения дяди, который работал в маджалисской *заготконторе*¹ *политпомощником*². Юноша привлекался им в качестве посыльного, понятого или досмотрщика. В противовес этому отношению к Азарье Шомоил не слишком жаловал поручения отца, хотя и исправно получал в артели ставку подмастерья. В семнадцатилетнем возрасте, после громкой перепалки, в тот момент, когда отец опрометчиво повернулся к нему спиной, юноша в сердцах отшвырнул в его сторону деревянный шест, поддерживающий бельевую веревку, пересекающую двор. Тяжелый брус с неожиданной силой свалился на голову отца. Это было немыслимым проступком в глазах видевших это матери и сестры. Они были в крайнем недоумении и замешательстве от дерзости Шомои́ла. Увидев рухнувшего на землю отца, испуганный юноша сбежал из дома. Поиски его на следующее утро и в течение последующих нескольких дней к результату не привели — никто из опрашиваемых односельчан не видел пропавшего.

---

¹ Заготконтора — организация, производящая закупки, заготовки чего-либо у населения. Образованная в 1921 году для взимания продналога и заготовки продовольствия на свободном рынке, она подчинялась непосредственно губернским и областным продкомитетам. Заготконторы в своем составе имели заготовительные пункты, зернохранилища, склады. В 1924 году в связи с переходом от натурального обложения сельского хозяйства к денежному они были ликвидированы.

² Политпомощник — работник, который наряду с заведующим стоял во главе заготконторы, он же являлся ее старшим налоговым инспектором. В ведении политпомощника находились 2–3 налоговых агента и продовольственная инспекция. Через политпомощника продовольственный комитет осуществлял контроль и надзор за деятельностью заготконторы.

Родители Шомоила хотели уже обратиться за помощью в полицию, когда их навестил Азарья. Сев во главу стола и выражая солидарную с близкими озабоченность, он внимательно выслушал Динару, а затем и Рахамима. Те не заговаривали о серьезности конфликта между сыном и отцом и его последствиях для последнего. Важно было во что бы то ни стало найти парнишку, о чем они и просили Азарью, который не раз заявлял о своих возможностях.

Выдержав паузу, во время которой родители беглеца с надеждой смотрели на Азарью, как на возможного спасителя, тот резко сменил озабоченность на лице на шутовскую гримасу радости.

— Ба-бам! — воскликнул мужчина. — А теперь Динара принеси сюда коньячку, которым расплатился за великолепно изготовленное *сову*¹ уважаемый Абдумуслим.

Динара оторопела от такого поведения дяди, но, посмотрев на Рахамима, вышла в соседнюю комнату и принесла бутылку темного стекла.

— Наливай! — с воодушевлением произнес «спаситель».

Раскупорив бутылку, Динара наполнила две граненых стопки. Азарья настоял и на третьей — для нее.

— Ты что, жену мою сподить решил? — заметил Рахамим.

Не обращая внимания на реплику зятя, Азарья встал и поднял стопку, приглашая это же сделать присутствующих.

— Ну, что там произошло? — недоверчиво посмотрел на тостующего Рахамим.

— Итак, предлагаю выпить за Шомоила! Мой *агълуменде сер*² племянник не без помощи своего выдающегося дяди, конечно, поступил на работу в организационный ко-

---

¹ Сову – большой медный или глиняный кувшин.

² Агълуменде сер – умная голова (*перевод с джуури*).

митет комсомольской организации республики, — Азарья победно оглядел супружескую пару. — С предоставлением места в общежитии.

— Ты... узурпатор! Что ты натворил? — возмутился Рахамим, с раздражением бросив наполненную стопку в сторону Азарьи. Тот увернулся, но вслед за этим оступился и свалился на пол. — Какое ты имел право так поступить с моим сыном?! — ревел изумленный отец. — Ты кто такой? Чему ты радуешься, чему ты способен научить, кроме воровства и позерства?

Рахамим стоял над Азарьей, и казалось: сейчас разнесет ногой голову зарвавшемуся родственнику.

— Стоять! — высоким голосом, режущим слух, прикрикнул Азарья, быстро вставая и в истерике вынимая из кобуры наган. — Стоять! Сукин сын! — держа оружие в направлении хозяина дома, он продолжил: — Ну что, заткнулся теперь? То-то же оно! Это тебе не ребенка бесконечно избивать. Хочешь знать: ты благодаря мне еще жив, эксплуататор недобитый!.. — Азарья демонстративно медленно и вальяжно присел на стул, налил себе коньяку и выпил. — Сядьте! Сядьте! — скомандовал он встревоженным родителям Шомоила. — Всё! Нет у тебя больше сына. Привыкай, — продолжил Азарья, обращаясь к хозяину дома и закусывая выпитое соленым помидором. — Затравили паренька. Если и приедет домой погостить, то не к тебе, а ко мне придет, понятно? — Затем, широко раскрыв глаза, он добавил: — Ты, Рахамим, для него никто. Меня он уважает и готов за отца почитать, если мне захочется. Поэтому не надо плакать, умойтесь. Ваш сын жив. Хватит позориться и меня позорить!

Азарья взял отставленную племянницей рюмку с коньяком и выпил. Затем закупорил стоящую на столе бутылку и засунул ее в карман своей кожаной куртки.

— Абдумуслим принес две. Одна моя, — деловито произнес он, направляясь к двери.

Когда Азарья ушел, Динара, с ужасом наблюдавшая за реакцией мужа на происходящее, села на стул. Она не знала, как реагировать на действия дяди.

Через неделю, разузнав у Азарьи подробности о месте пребывания сына, Рахамим с Динарой отправились в Махачкалу. Шомоил принял их холодно. Стенания матери о том, что они родные люди и переживают за него, к результату не привели. Отцу юноша и вовсе не подал руки.

В следующий раз Динара приехала с Сипро. Девушка к тому времени была засватана за сына маджалисского торговца и хотела лично пригласить брата на свадьбу. Шомоил поздравил сестру, однако сослался на огромную занятость, которая, скорее всего, не позволит ему быть на торжестве. Мать и сестра привезли гостинцы из дома и, накрыв на стол, решили дожидаться его в общежитии. Но ни к вечеру текущего дня, ни к полудню следующего юноша не пришел. Его сослуживцы сказали, что Шомоил в отъезде.

Через год Азарья предупредил Динару, чтобы та больше не искала сына в Махачкале: комсомольская организация направила молодого человека учиться в отделение КУТВ¹, которое находилось в Баку.

Следующий раз родители услышали о Шомоиле лишь через пять лет, когда Азарья, победно вздернув руки вверх, похвастался, что его любимый протеже занял ответственный пост и даже поспособствовал его приглаше-

---

¹ КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока имени И.В. Сталина, учебное заведение Коминтерна, действовавшее в Москве с 1921 по 1938 годы. Созданное специально для студентов азиатских и кавказских национальностей, оно готовило партийных и советских работников для номенклатуры национальных республик. КУТВ имел отделения в Ташкенте, Баку и Иркутске.

нию на партийную работу в столицу республики. Поведав об этой новости, тот потребовал у Рахамима немедленно отдать ему его долю в артели, так как более не сможет принимать участия в ее судьбе. Азарья также пообещал оформить передачу своего жилья молодой семье любимой племянницы, взяв с той слово, что, когда у нее наконец родится сын, она назовет его в честь своего одинокого бездетного дяди.

Глава 2.10. Шелковод

В 1924 году интерес советских контролирующих органов к землевладению, ранее принадлежавшего Рамбому, стал настолько навязчивым и враждебным, что подтолкнул его к естественному и, казалось, единственно верному решению — побегу из Советской России. К тому же по определенному информационному каналу, известному только местному рабби, Рамбому сообщили, что его дядя Исроил с семьей успешно обосновался в Палестине, присоединившись к крестьянам из сельскохозяйственного поселения в двадцати верстах юго-западнее Иерусалима. О семье дяди Боруха появились сведения, что они обосновались где-то на американском континенте. В ответ Рамбом поделился с рабби тем, что тоже скоро уедет, и попросил при возможности осведомить об этом его близких.

Желающих покинуть Советскую Россию среди горских евреев было в то время немало. Многие крестьяне переезжали из своих сел и аулов в города, но там они не могли найти приложения своим рукам, обустроить и прокормить свои семьи. В людях изо дня в день крепла уверенность, что не сегодня-завтра границу закроют и никто уже не сможет воспользоваться возможностью эмигрировать. Власть знала об этом и пыталась удержать жителей, создавая сельскохозяйственные объединения, часто моноэтнические, в том числе для городских переселенцев.

С 1922 года для выезда за пределы страны, помимо оформления заграничных паспортов, появились некоторые дополнительные политические и финансовые условия и ограничения¹. Последующие несколько лет сложность в

---

¹ Декрет Совета Народных Комиссаров от 10 мая 1922 года «О выезде за границу граждан РСФСР и иностранцев» отменил все изданные ранее правила и распоряжения о выезде за пределы РСФСР. Выезд за границу допускался только по разрешению Народного комиссариата

выезде за пределы страны только возрастала — от крайне затруднительной с 1926 года до практически запретительной после 1929 года.

Тем не менее Рамбом оформил все необходимые документы для легальной эмиграции всей семьи в Палестину. Ничего более вроде бы не препятствовало выезду.

О своих намерениях Рамбом с Мозолут сообщили Рахамиму и Динаре, предложив им ехать вместе, но те отказались.

Оставив дом с овцами, птицей и лающей собакой местному убогому старику-еврею, беглецы, пользуясь опытом выезда своих близких, в ранних утренних сумерках покинули Ньюгеди. Через день, после проверки документов при пересечении границы Дагестана и *Закавказской Республики*¹, Рамбома и его семью высадили из поезда на станции *Худат*² для более тщательного разбирательства и досмотра. С поезда был снят и весь багаж незадачливых пассажиров. Через час Рамбома препроводили куда-то вглубь поселе-

---

по иностранным делам. Это ведомство выдавало визу, которую представляли в загранпаспорт. Для ее получения требовалось также предоставить удостоверение Государственного политического управления об отсутствии законного препятствия к выезду.

¹ Закавказская Республика (Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика) — союзная республика в составе СССР с 1922 года по 5 декабря 1936 года, одна из республик-учредителей СССР. До 13 декабря 1922 года называлась Федеративным Союзом Социалистических Советских Республик Закавказья.

² Худат — железнодорожная станция, поселение близ побережья Каспийского моря, расположенное в 184 км от Баку. В конце XVII века Гусейн I, уроженец этих мест, перейдя в шиитскую веру при персидском дворе, получил в знак благосклонности шаха в своё правление Кубинское и Сальянское ханства и сделал Худат своей столицей. После убийства персидского правителя Надир-шаха в 1747 году праправнук Гусейна I Гусейн Али перенёс столицу в соседнюю Кубу. В 1950 году Худат получил статус города.

ния. Мозолут же с детьми было велено ожидать на станции. От чрезмерных переживаний, связанных с безрезультативными попытками узнать о местонахождении мужа и невозможностью добраться до своих арестованных вещей, Мозолут ослабла и заболела какой-то разновидностью тифа. По всей видимости, от нее заразился и старший сын, семнадцатилетний Яагу. На третий день тело женщины уже сотрясала горячка, и ее с детьми после осмотра одним из служащих попросили покинуть здание станции. Мозолут, преодолев внезапно нахлынувшую на нее истерику, нашла в себе силы подыскать пристанище сначала в сухой канаве, расположенной неподалеку, а затем в доме у одной из женщин, близко принявших к сердцу ее положение. Пятнадцатилетняя Мегило и тринадцатилетний Равино пытались поддержать мать, а Яагу, отстраняясь от чрезмерной опеки, пытался разузнать о местоположении отца и его судьбе.

Под вечер пятого дня Мозолут передали записку. В ней рукой Рамбома было написано:

«Дорогая Мозолут, спаси детей. Обо мне не переживай. Я жив, здоров. Если не появлюсь послезавтра, езжай домой. Я скоро буду. Худо кумек!»

Когда ее написали, ясности не было. Передавший ее паренек тоже ничего не знал. Это письмо придало духу женщине и позволило ей прождать мужа еще два дня и даже справиться с болезнью.

Один из работников станции, очевидно, пожалев слоняющегося здесь в поисках информации об отце юношу, по секрету сообщил ему, что того увезли на поезде в сторону Порт-Петровска.

На следующий день состояние здоровья Яагу стало критическим, более рисковать здоровьем сына Мозолут не могла, да и то, о чем рассказали ему, скорее, было правдой. С чего это постороннему человеку было врать?

Продав на вокзале последние из оставшихся на ней золотых украшений, она заказала конный экипаж и отправилась с детьми напрямую в Ньюгеди.

Женщина твердо решила заняться поисками задержанного властями мужа, где бы тот теперь ни находился, но прежде необходимо было позаботиться о Яагу и других детях, на долю которых пришлось тяжелые испытания.

На третий день после их возвращения домой появился Рамбом. Мозолут увидела его еще издали, вглядываясь на запыленную от жары и перемещения телег сельскую дорогу. Мужчина шел пешком. Со слезами она бросилась ему навстречу.

— Где дети? — спросил сильно похудевший Рамбом, успокаивая жену.

— Дети дома, — ответила она.

Рамбом был чрезвычайно задумчив. На вопросы жены, не били ли его и как его здоровье, он каким-то не своим приглушенным голосом отвечал:

— Все хорошо! Все будет хорошо!

Мозолут нагрела воду и помогла мужу помыться. Вещи, которые были на нем, она сожгла. Не настаивая на немедленных объяснениях, женщина сама надела на мужа чистые одежды, накормила и терпеливо дожидалась, когда он сам расскажет о своих злключениях. Непринужденный разговор с детьми несколько успокоил Рамбома, и, когда те ушли спать, он произнес:

— Им нужен шелк. В огромных количествах. Поэтому я все еще жив. — Мужчина пристально посмотрел в глаза своей Мозолут. Она была крайне напугана. Рамбом понял свою оплошность и, улыбаясь, попытался ее успокоить. — Все будет хорошо! Я им нужен. А теперь пойдем спать.

Позднее выяснилось, что задержание Рамбома было инициировано одним из ответственных работников Нар-

комзема, очевидно, ведавшего о судьбе известного в прошлом фабриканта-производителя шелка и полагавшегося на его способности.

Молодой республике в числе прочих исторически культивируемых на данной местности сельскохозяйственных культур необходим был еще и качественный шелк. Людей, занимавшихся разведением шелкопряда в домашних условиях, здесь было немало. Но это в основном были кустари, производившие изделия народных промыслов, такие, например, как плетеные *тастары*¹, шали и пояса.

Рамбому поручили огранизовать масштабное производство культурной грены высокого качества на базе уже созданного им опытного хозяйства. При положительных результатах ему обещали доверить более значимые задачи на сельскохозяйственном поприще республики. Также они посулили мужчине снисходительное отношение к материальному благополучию его семьи и пообещали впредь не вспоминать его мелкобуржуазное прошлое и не предъявлять никаких претензий.

В распоряжение Рамбома было отдано три десятины земли, ранее принадлежавшей местному состоятельному землевладельцу, и постройки, находившиеся на этом участке. За несколько лет нужно было создать необходимую культурную кормовую базу для местного дагестанского шелкопряда. Что касается денежных средств на первоначальные вложения и трудовых ресурсов, то власти обещали всяческую поддержку.

Рамбом взялся за дело с энтузиазмом, привлекая все известные ему технологии для достижения результата в короткие сроки. Необходимо было провести мероприятия по

---

¹ Тастар — тонкий белый платок, искусно сплетенный из шелковой нити, старинный национальный промысел, традиционное рукоделие.

расширению плантаций тутового дерева и защите последних от специфических вредителей, также важно было отобрать, вырастить и сохранить наиболее жизнеспособную культуру шелкопряда.

Рамбом превосходно справился с поставленной задачей. Уже к 1928 году количество производимой подчиненным ему хозяйством качественной грены стало кратно возрастать. Из-за имевших место тяжелого материального положения и сложностей трудоустройства среди горских евреев-крестьян в селениях Маджалис и Ньюгеди к хозяйству проявил интерес Комзет. Его представители настаивали на расширении местного производства посредством создания шелкокрутильной фабрики. Управляющему хозяйством Рамбому Исроилову были обещаны соответствующие фонды. Также ему настоятельно рекомендовали вступить в ряды ВКП(б).

При подаче заявления предлагалась поддержка двух членов партии из Комзета. Однако маджалисская окружная партийная ячейка отклонила кандидатуру Рамбома.

Вместо гарантированных средств несостоявшемуся коммунисту предложили возглавить работу по обустройству шелкового производства на других территориях республики. На таком же решении вопроса настаивал и Наркомзем, между тем практическое его воплощение оказалось крайне затруднительным. В приоритете было осваивание земель для других, более типичных для региона сельскохозяйственных отраслей — преимущественно виноградарству и выращиванию зерновых. Все же успехи шелководства были замечены в республиканских органах, и Рамбома пригласили на работу в структуру Наркомзема. Перед ним стояли новые задачи по развитию отрасли и созданию в республике центра шелководства, включая производство полного цикла.

Некоторое время ответственному работнику пришлось делить место жительства между Махачкалой и Ньюгеди. В то же время Рамбом подал повторное заявление о вступлении в партию через ячейку Наркомзема. В этот раз Дагестанский областной комитет ВКП(б) своим решением удовлетворил его просьбу. После этого карьера Рамбома Равиноевича пошла в гору, и он переехал с семьей в Махачкалу.

В эти годы наметился массовый исход горских евреев из Ньюгеди, причиной которого стало возмутившее общину убийство местного кустаря-кожевника Иохуда Семандуева. Тот возвращался домой из аула Башлы с выручкой, полученной от продажи выделанной им кожи, и по пути был убит и ограблен.

Глава 2.11. Лошадники

Во время лечения в железнодорожной больнице города Дербента Симхо познакомился с соседом по койке, одним из любопытнейших для себя личностей. Как выяснилось в дальнейшем, он служил в кавалерии недавно созданной новой властью военной организации — *Рабоче-крестьянской Красной армии*¹.

Пока сосед Симхо отходил от очередной проведенной ему операции, в больничной палате было чудовищно тихо. Все изменилось, когда мужчина пришел в себя. Он без удержу трепал языком, чем несколько утомлял по несчастью оказавшихся с ним рядом людей. Однако тот настрой, что излучал этот светловолосый кучерявый на вид лет тридцати пациент, несколько оживлял угнетающую атмосферу беленых больничных стен. Мужчина представился Сергеем, уроженцем одного из хуторов близ *Екатеринодара*². Он знал множество историй в основном из хуторского быта, что, на его взгляд, не могли быть неинтересными окружающим. Надо отметить, все эти монологи были далеки от армейских будней, хотя Сергей долгие годы воевал и ему наверняка было о чем рассказать.

Однажды Симхо услышал какие-то странные глухие звуки. Приподнявшись с койки и присев на табуретку ря-

---

¹ Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА) — Вооруженные силы РСФСР. Создана 23 февраля 1918 года. В этот день началась массовая запись добровольцев в ее отряды, создаваемые согласно декрету Совета народных комиссаров РСФСР, подписанному 15 января 1918 года.

² Екатеринодар — крупный город на юго-западе России, основанный черноморскими казаками в 1793 году как военный лагерь. Название получил в честь дара императрицы Екатерины II служившим здесь казакам в вечное владение земли, ограниченной рекой Кубань и Азовским морем. После 1920 года город был переименован в Краснодар.

дом с лежавшим к нему спиной Сергеем, он коснулся его плеча. Тот повернулся. Глаза мужчины были полны слез, он не мог унять рыданий.

— Что произошло, Сергей? — спросил Симхо.

— Суки! Суки *корниловские*¹. Спалили хутор, батьку старого и лошадей не пожалели. Суки!

Оказалось, что за веселым беззаботным нравом мужчины скрывалась огромная боль, связанная с гибелью отца и сожжением родного хутора. Его жена с сыном вынуждены с тех пор жить в ее отцовском доме.

— Ничего. Вернусь, все наладим, выправим. Вот только этих сволочей выкорчем с нашей земли! — успокаивал себя Сергей.

Постигнув глубину трагедии этого человека, Симхо проникся к нему симпатией, которая вскоре стала обоюдной. Лежа на соседних койках, мужчины стали часто делиться друг с другом своими размышлениями и воспоминаниями. Оказалось, что их многое объединяет — прежде всего, военное прошлое, схожесть крестьянского быта, любовь к оружию и лошадям.

Вскоре мужчин выписали. Сергей вернулся в армию, а Симхо — в опустошенный зверским нападением и поджогами аул Мамраш.

Дружба мужчин имела продолжение. После установления на Северном Кавказе Советской власти Симхо получил от своего недавнего знакомого письмо с приглашением посетить его новый дом в *поселке Илларионовский*², располо-

---

¹ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — русский военачальник, генерал инфантерии, герой Русско-японской и Первой мировой войн, военный разведчик, военный атташе, путешественник. В годы Гражданской войны — один из главных руководителей Белого движения на Юге России, первый командующий Добровольческой армией. Погиб в бою.

² Поселок Илларионовский — населенный пункт, образованный в 1878 году на узловой станции Ростово-Владикавказской железной

женном у железнодорожной станции Минеральные Воды. Симхо принял это предложение, как оказалось впоследствии не последнее.

Сергей встретил приятеля в армейской походной форме, восседая верхом на лошади. Гостю для передвижения он предложил вороного жеребца-красавца. После ознакомления с семьей, домом и садово-огородным участком мужчины пообедали. Далее на прогулке верхом вдоль местной реки Кумы они пообщались на волновавшие их темы.

Мужчина служил в уголовном розыске *рабоче-крестьянской милиции*¹. Наглая оголтелая преступность, прежде всего, на вверенном Сергею объекте — местном конезаводе — была основной темой их разговора. К вечеру истопили баню, и хозяин отходил гостя дубовым веником с лебедой и полынью. Симхо никогда не чувствовал себя таким окрыленным, хотя ранее ему и доводилось париться в бане. После нескольких стаканов хозяйской ржаной самогонки расслабившиеся мужчины поклялись друг другу в вечной дружбе.

Когда Симхо открыл глаза и вышел во двор, солнце уже было высоко. Жена Сергея предложила гостю завтрак и сказала, что муж будет к обеду и просил его до тех пор отдыхать.

дороги. Первое его название Султановский. В 1906 году был переименован в Илларионовский в честь заместителя Кавказа графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова. В 1921 году, после объединения с близлежащей железнодорожной станцией, преобразован в город Минеральные Воды.

¹ Рабоче-крестьянская милиция (РКМ) — структурное подразделение НКВД. 12 октября 1918 года НКВД и Народный комиссариат юстиции РСФСР утвердили Инструкцию об организации рабоче-крестьянской милиции, закрепившую правовые основы функционирования милиции. Главной обязанностью милиции была охрана революционного порядка и гражданской безопасности. Составной частью РКМ были аппараты уголовного розыска.

Во время трапезы Сергей предложил другу проехаться с ним по работе — на *Терский конный завод*¹, известный еще до войны как крупнейший поставщик племенных лошадей для кавалерии. Только уважение к его провожатому позволило Симхо без проволочек войти на это военное предприятие. Взглядом опытного лошадника он сразу отметил имеющиеся в этом хозяйстве преимущества и недочеты, но был, прежде всего, очарован масштабом проводимых здесь работ, красотой и качеством поголовья. Сергей оценил то, как его гость заинтересованно отнесся к работе конезавода, и по возвращении домой произнес:

— Симхо, прежде всего, хочу отметить, что ты мой друг и гость, точнее сказать, кунак. Это главное, и ничто этого не изменит. Я не хотел тебя с первого дня загружать проблемами, с которыми я сталкиваюсь здесь, на конезаводе. Но они есть: бесконечное наглое воровство, процветающее здесь много лет, и конокрадство, которое, очевидно, поддерживается местными и имеет лавинный характер. Предыдущая охрана была арестована три месяца назад, поскольку, и это уже доказано, сама оказалась замешанной в краже нескольких чистокровных жеребцов, составлявших семенной фонд завода. И та охрана, что работала еще до меня, тоже не могла справиться с разбоем.

Воры не останавливаются ни перед чем — запугивают и убивают людей, — Сергей сделал паузу, наблюдая за реакцией гостя, а затем продолжил: — Необходим как раз такой человек как ты, Симхо, — бесстрашный и хорошо

---

¹ Терский конный завод — основан в 1889 году графом С.А. Строгановым. В 1901 году завод насчитывал 100 арабских чистокровных лошадей. В годы Гражданской войны (1917–1921) конезавод полностью razoren. В 1921 году был подписан декрет о создании Военного Терского конного завода (по наименованию Терского казачьего войска). В 1926 году завод стал племенным хозяйством и приступил к мероприятиям по восстановлению стрелецкой породы и затем на ее основе новой верховой породы, названной терской.

владеющий оружием, человек, который, подобрав небольшую команду, сможет прекратить этот беспредел. Местным доверия больше нет, кумовством я уже сыт по горло. К тому же у тебя правильное незапятнанное, как я понимаю, трудовое прошлое. Если бы я поручился за тебя руководству завода, а я, как ты понимаешь, не сомневаясь, готов сделать это прямо сейчас — они бы приняли тебя начальником конезавода. К тому же я о тебе уже переговорил с кем надо. Отказа быть не должно. Проверят, конечно, по своей линии, но без этого столь ответственную должность не дают.

Недолго размышляя, Симхо согласился. Какой-либо серьезной работы в Мамраше у него не было. Принадлежавших ему лошадей у него экспроприировали. По инерции ему еще доводилось на общественных началах разрешать конфликты, возникавшие в основном между аульчанами, однако этим семью не прокормить. К этому времени основным заработком бывшего начальника местной самообороны являлся крестьянский труд.

Два месяца мужчина обустроивался и обживался на новом месте, проходил собеседования, заполнял анкеты и заявления, а когда, наконец, ему объявили о принятии на работу, перевез сюда жену и детей. Отъезд Симхо казался его землякам естественным и логичным следствием неумолимо продолжающегося исхода еврейского населения из аула и подстегнул некоторые сомневающиеся семьи к такому же решению.

Борьба с конокрадами на заводе с самого начала была жесткой, ее жертвами в итоге стало несколько работников предприятия, в том числе один из подчиненных Симхо, впрочем, и сам он едва не погиб. На него и его семью объявили охоту. Мужчина был вынужден прятать жену и детей, а сам безвылазно находился на конезаводе. В конце концов, с помощью Сергея и его коллег банды конокрадов были ликвидированы, и воровство прекратилось.

В 1926 году в Минеральные Воды приехал погостить девятнадцатилетний Яагу. Симхо с трепетом относился к детям Рамбома, которые практически сроднились с его старшими Саррой и Хэгеем, проживавшими у того в доме после смерти их матери от малярии. К тому же его вторая жена Сэнем, подарившая ему четырех детей, приходилась двоюродной тетей Яагу. Именно Яагу после переезда Рамбома в Ньюгеди гостевыми поездками в Мамраш поддерживал коммуникации между главами двух семей.

Что же привлекало паренька в бывшем доме его отца, переданном им другу? В первую очередь конюшня — лошади, за которыми Яагу любил ухаживать с детства, не гнушаясь убирать за ними навоз, кормить и мыть их. К слову сказать, именно этому юноше, а не его младшему брату Беньягу, названному в честь деда, передались свойственные последнему физическая сила и любовь к лошадям.

Уже в десять лет Яагу взялся объезжать молодую кобылу, без ведома взрослых, конечно. Несмотря на неудачный и болезненный первый опыт, парнишка добился своего на следующий день — лошадка послушно реагировала на его тактильные команды.

Чем же еще привлекало Яагу общество семьи Симхо? Возможно, он и сам еще не догадывался.

Впервые выехав за пределы Дагестана, находясь в гостях у друга отца и посетив конный завод с его прекрасными обитателями, молодой человек загорелся желанием остаться здесь работать. К тому же стало очевидным, что не только лошади и перспектива заниматься любимым делом заинтересовали молодого человека, но и красота подросшей Сарры, его подруги детства и партнерши по выездке. Девушка постоянно, казалось, беспричинно посмеивалась и задирала гостя. Тогда Яагу без обиняков пообещал вскоре засватать ее и потом, когда она станет ему женой, отрезать ее длинный язык.

Так приблизительно и произошло. Через месяц Рамбом засватал дочь Симхо за своего сына. После двух шумных и веселых свадебных застолий, сыгранных в селе Ньюгеди и городе Минеральные Воды, молодые остались жить в последнем. Яагу пошел работать на конезавод.

В конце двадцатых годов Советская власть поставила задачу об увеличении лошадиного поголовья 1-го класса до ста тысяч. Для этих целей, помимо областей Центральной России, племенные коневодческие хозяйства создавались и расширялись в Азии. Этому способствовали региональные успехи в разведении новых племенных качественных пород.

В 1928 году по приглашению руководства нового перспективного конезавода и зову сердца Яагу, убедив в правильности своего решения молодую жену и тестя, направился в Киргизию, на Иссык-Куль. Этому предприятию со столетней историей и практически неисчерпаемой кормовой базой необходимо было кратно нарастить производство лошадей для красноармейской кавалерии.

Территории, ему подчинявшиеся, простирались на добрую сотню километров. Был непочатый край работы, но это не пугало молодого специалиста. Востребованность, понимание производства, любовь к своему делу на волне повышенного внимания к отрасли послужили базой для трудовых успехов и быстрого карьерного роста молодого зоотехника.

В тридцатых годах Яагу заочно получил высшее образование и стал старшим конюхом одного из отделений конезавода, отвечавшего за селекцию новой породы — смеси чистокровной английской, донской и местной киргизской лошадей, которая быстро зарекомендовала себя среди военных и любителей конного спорта того времени.

Яагу был также успешен и в быту. Через двадцать лет после замужества его супруга Сарра вполне могла рассчитывать на присвоение ей звания «Мать-героиня».

Глава 2.12. «Двигательстрой»

В 1932 г. по распоряжению Правительства СССР под руководством Наркомата тяжелой промышленности, который возглавлял Г.К. Орджоникидзе, в 16 км от Махачкалы началось ускоренное строительство крупнейшего завода Дагестана — «Двигательстрой»¹, которое щедро финансировалось. Вокруг него возводились жилье и другие объекты социально-бытового характера. К сентябрю 1935 года были готовы к эксплуатации инструментальный, ремонтно-механический и деревообделочный цеха; механосборочный, дефектно-переборочный и кузнечный цеха были подведены под крышу; сильно отставало строительство литейного цеха. Во всех завершенных и готовых к эксплуатации цехах установлены соответствующие станки. К этому времени на стройке трудились 7 200 рабочих и инженерно-технических работников. Тем не менее вопрос о кадрах, занятых непосредственно в производственных процессах завода, оставался особой проблемой. Большую группу специалистов после окончания соответствующих курсов в Ленинграде сюда направили адресно. В приоритете был набор специалистов из уроженцев республики. В 1939 году завод вышел на проектную мощность.

В 1935 году на последнем курсе института Пинхас Ма-наширович Оширов принял предложение о работе на новом

---

¹ «Двигательстрой» — завод и поселок, возникший при строительстве завода двигателей. Основан в 1932 году (с 1936 года — «завод № 182», с 1966 года — завод «Дагдизель»). Один из цехов завода («цех № 8») был построен на каменном основании, положенном на морском дне. Завод производил торпеды — морские и авиационные. В 1940 году завод № 182 стал одним из крупнейших предприятий Северного Кавказа, здесь трудились около 6 тысяч человек. Открытие завода послужило вводу в эксплуатацию ТЭЦ, сооружению водовода (канал им. Октябрьской революции) и железной дороги, связывающей поселок с Махачкалой. Поселок Двигательстрой вырос в настоящий город, который в 1947 году получил название Каспийск.

заводе недалеко от Махачкалы. Молодому специалисту обещали хорошую заработную плату, работу по специальности и жилье. Летом того же года в инструментальном цехе предприятия появился новый мастер участка.

Удивлением для молодого человека была встреча при устройстве на работу со вторым секретарем заводского партийного комитета ВКП(б).

Худощавый седовласый мужчина с бородкой, как у Феликса Дзержинского, и шрамом на лице окинул его долгим пронзительным взглядом. Затем обошел свой стол и, улыбаясь, обнял приподнявшегося молодого человека. Несколько опешив, Пинхас непонимающе посмотрел на высокопоставленное заводское и партийное начальство.

— *Дульпесо мебош, хэлеф ме! Ме лелей тунум!*¹ — произнес мужчина.

Пинхас на всякий случай также улыбнулся, пытаясь осмыслить произошедшее. В его семье родители общались по-русски, и поэтому, предполагая, что с ним говорят на джуури, молодой человек не очень понимал, почему этот не лишенный интеллигентных манер мужчина так с ним любезен.

Заметив замешательство молодого человека, Азарья Пинхасович Оширов сообщил:

— Я твой дядя Азарья, сынок. Брат твоего папы.

Наконец Пинхас начал понимать смысл происходящего и, словно оправдываясь, произнес:

— Здравствуйте, дядя Азарья! Извините, я не очень хорошо знаю еврейский.

— Ничего, ничего, сынок! — сказал мужчина, присев на свой стул и предлагая жестом сделать то же самое Пинхасу. — Я помню, как твои мама с папой привозили тебя

---

¹ Дульпесо мебош, хэлеф ме! Ме лелей тунум! — Не беспокойся, сынок! Я твой дядя! (Перевод с джуури.)

в Маджалис. Тебе было три годика. Ты тогда крупным был, здоровым, с персиковыми щечками, зеленовато-карими, как у мамы, глазами — добрый, спокойный мальчик-богатырь. Бабушка Динор души не чаяла в тебе. Мы все любили тебя. Ты же носишь имя моего отца. Как, кстати, здоровье папы, мамы, как Тamarочка?

— Все хорошо, дядя Азарья.

— Папа на пенсии?

— Нет. Его пока не отпускают. Мама на пенсии, в основном сейчас ухаживает за отцом. У Тамары и Равино родился сын, назвали Зимро.

— Хорошие новости! Очень рад! — искренне радовался Азарья. — А у тебя с Мариночкой как? Она с тобой, здесь?

— Нет пока. Обустроюсь, потом привезу и их. — Обратив внимание на удивленный взгляд своего леле, Пинхас продолжил: — У нас мальчик родился. Роберт. Годик уже. Они в Сталинграде сейчас с тещей.

— Поздравляю, сынок. К концу года, думаю, пробьем вам жилье. — Затем несколько призадумавшись, Азарья вынул из тумбочки пачку папирос «Беломорканал» и предложил закурить племяннику, тот отказался, сославшись на то, что не курит. Прикурив и затянувшись папиросой, мужчина произнес: — Молодец, что не куришь. Понимаешь, сынок, к сожалению, у нас с отцом несколько разладилось еще тогда, до ухода бабушки Динор. Поэтому я не был на твоей свадьбе. Он не пригласил меня. А на свадьбу Тамарочки и Равино меня позвала тетя Мозолут. Но я также не приехал, так как ждал приглашения именно от твоего отца. Но тебя, сынок, это никак не касается. Я тебя люблю, ты мой племянник. Да и, правду сказать, с этой работой мне и не удалось бы вырваться.

Правильно, что ты приехал именно сюда. Здесь неплохие перспективы в плане карьеры и жизни. Целый город

будет построен, — продолжил Азарья. — Если у меня будут возможности, я, конечно, поспособствую, чтобы у вас с Мариной и малышом Робертом все было. Моей прямой обязанностью как ответственного партийного работника является работа с молодежью, комсомольцами, приехавшими сюда работать, их политическое и профессиональное развитие, помощь в различных обстоятельствах. Во всяком случае, по любому вопросу можешь обращаться ко мне. Понял, дорогой?

— Понял.

— Молодец! — Азарья протянул руку для рукопожатия, и Пинхас тепло пожал ее. — Знаешь, что такое леле на джуури?

— Дядя, кажется?

— Да. Но не просто дядя, а брат отца. Это практически второй отец. Понял?

— Понял, уважаемый леле.

— Молодец! Понятливый. Давай-ка посмотрим на твой диплом, анкету и характеристику из института.

Пинхас протянул Азарье комплект документов. Второй секретарь партийной организации завода внимательно просмотрел их и удовлетворенно заключил:

— Хорошо! Инженер — это прекрасно. Комсомолец — это очень хорошо. Что отец — педагог и что происхождение из ремесленников-кустарей — это политически грамотно. Женат. Дети — сын. Прекрасно! Не то что твой леле — бобыль, без семьи и детей... — Азарья натужно улыбнулся. — Вы, мои родные, и партия — это все, что у меня есть. — Далее мужчина сделал несколько пометок на лицевой стороне анкеты и продолжил: — Я поручу тебе несложную общественную работу, а через пару-тройку месяцев подадим документы в кандидаты в члены ВКП(б), через год-полтора примем в партию. А сей-

час, уважаемый мастер участка инструментального цеха, иди работай. — Азарья встал, снова обогнул стол и еще раз приобнял молодого человека, повторяя: — Иди. И вот что: пока не надо афишировать наше родство, хорошо? Для пользы дела. Понял?

— Понял, — в очередной раз ответил Пинхас и, выходя из кабинета, поблагодарил дядю: — Спасибо, Азарья Пинхасович!

Приятной неожиданностью для молодого специалиста было то, что полученные им в институте знания и умения оказались крайне востребованными: чтение эскизов чертежей, запуск работы устанавливаемых в большом количестве новых станков, знание технологии обработки различных материалов — все это послужило не только большой загруженности молодого специалиста, но и его быстрому карьерному росту. Не прошло и года, как Пинхас уже был назначен заместителем начальника цеха и по настоянию дяди Азарьи подал документы на вступление в кандидаты в члены ВКП(б). В отстроенный поселок строителей завода приехала супруга Пинхаса с сыном. Здесь, в десятках добротных трехэтажных барачных домов, в одночасье начиналась новая жизнь большого количества молодых семей со всего Советского Союза, что способствовало их планомерному коллективному обустройству.

В 1936 году и даже несколько ранее из республиканских газет Пинхас узнал о том, что на его заводе раскрыта троцкистская организация. Сначала он не придавал этому существенного значения — работа на предприятии шла ударными темпами, ничего необычного не происходило. Однако вскоре со строительства завода было уволено около четырехсот рабочих и служащих, причисленных к троцкистам, семьдесят из них были инженерно-техническими работниками. Вслед за этим начались аресты. Начальника

строительства, главных инженера и инженера-металлурга, прораба, инженера и редактора заводской газеты «Даешь двигатель» осудили на десять лет лишения свободы. Ближайшие два года антитроцкистско-зиновьевская кампания только усиливались. Бесчисленными собраниями и совещаниями на заводе насаждалась соответствующая нетерпимость. На смену уволенным и арестованным специалистам приходили новые.

Азарья Пинхасович, сохранивший и даже упрочивший свое место в партийном комитете завода, на регулярных совещаниях нещадно клеймил отщепенцев, в том числе и тех, кто успешно строил карьеру под его началом. Напротив, Пинхаса — начальника цеха, члена партии и своего племянника, он предостерег от проявления излишней публичности. Партийный функционер надеялся, что его никак не коснется карающая рука государства, ведь он уж точно знает, что к троцкизму не имеет никакого отношения. Тем не менее особое, свойственное ему многие годы чутье подсказывало, что надо «сваливать, пока не замели».

Действительно, в 1938 году были арестованы главный конструктор, главный механик завода «Двигательстрой», начальники отдела технического контроля, отдела кадров, два заместителя директора и сам директор завода Ефим Моисеевич Равикович. А годом ранее в связи с достижением пенсионного возраста торжественно проводили на пенсию Оширова Азарью Пинхасовича. Мужчина переехал в приобретенный им несколько лет назад домик в центре старой Махачкалы. Здешние кварталы и парк будили в нем воспоминания о бурной молодости.

Не прошло и года после выхода на пенсию, как бездыханное тело одинокого мужчины без следов какого-либо насилия было обнаружено участковым милиционером в его

собственном доме — либо прошлое не отпустило его, либо он банально стал жертвой бытового преступления.

Сотрудника правоохранительных органов пригласил пенсионер, шестидесятилетний Амир Шамсутдинович, озаботившийся долгим отсутствием своего соседа, с которым он часто проводил время, сидя в соседнем парке или прогуливаясь по ближайшим окрестностям. У Амира Шамсутдиновича были дети, внуки и даже правнуки, которые периодически его навещали. Они положительно относились к взаимным симпатии и привязанности пожилых мужчин.

При проведении следственных действий в доме Азарьи Пинхасовича были обнаружены золотые украшения, одежда и обувь импортного производства, что в то время считались мелкобуржуазными ценностями, а также крупная сумма денег и иностранная валюта.

На похоронах присутствовали старейшие заводские работники, Амир Шамсутдинович со своей семьей, соседи и заинтересовавшиеся похоронами единоверца горские евреи. Из близких были Пинхас с Мариной, Равино с Тамарой и Мозолут. Рахамим с Динарой, их дочь Сипро с мужем, Манашир с Цилей смогли подъехать лишь через несколько дней. Так как домовладение его покойного друга было опечатано органами, свой дом и двор для поминания усопшего предоставил Амир Шамсутдинович.

Вследствие борьбы с религией, царящей в то время, партийного статуса усопшего и по причине отсутствия у него детей молитвы не читались.

Глава 2.13. Незнакомец

Что же произошло в тот злополучный день? Утром заслуженный партийный работник и только начинающий свой пенсионный путь Азарья Пинхасович Оширов пошел на базар. Купив понравившиеся ему продукты, из которых он намеревался приготовить себе что-нибудь к обеду, мужчина вернулся домой. Прежде чем заняться стиркой, Азарья присел немного отдохнуть на свое любимое кресло.

— Добрый день! — услышал он голос.

Азарья открыл глаза и осмотрелся. Напротив него на табурете, низко прогнувшись вперед и глядя ему в лицо, сидел голубоглазый мужчина лет сорока.

Азарья был напуган и, попятившись, попытался резко привстать с кресла.

— Нет-нет, — придержал мужчину, положив руки ему на плечи, сказал незнакомец. — Сидите, уважаемый. Ничего плохого я Вам не сделаю.

— Что Вы здесь делаете? — прокричал Азарья. — Я милицию позову!

— Позовете. Конечно, позовете, — тихо, пытаясь успокоить старика, произнес незнакомец. — А сейчас присядьте.

— Кто Вы такой? Что Вы делаете в моем доме? — пытался сдержать свое волнение, спросил хозяин дома.

— Не стоит беспокоиться. Я вор. Просто вор.

— У меня ничего нет. Я пенсионер.

— Да, конечно, — спокойно продолжил незнакомец. — У Вас, Азарья Пинхасович, нет крупной суммы денег, подвешенной на задней стенке комода, золотых монет, аккуратно разложенных под подоконником, иностранных денег в стеклянной банке, зарытых под яблоней на вашем дворе, и золотых украшений под подлокотником кресла, на котором вы сидите. Ничего этого нет.

Азарья дернул подлокотник своего кресла, чтобы удостовериться в наличии золотых украшений на том месте, где он их припрятал. Но, по всей видимости, они были на месте.

— Вы кто? Зачем Вы здесь? — снова обратился он к незнакомцу.

Мужчина привстал с табурета и тучей навис над сидящим пенсионером.

— Не переживайте так, уважаемый. Я же сказал: я вор. Достаточно хороший вор.

— Что же Вы тогда не взяли денег и золота?

— Честно говоря, я подумывал об этом. Взять все, что Вы понатыкали по всему дому и спокойно уйти?.. Да вот только, станет ли мне от этого хорошо? Не знаю.

Воцарилось молчание. Азарья с непониманием смотрел на незваного гостя, который в это время также изучал реакции пенсионера.

— Вам имя Екатерина, что-нибудь говорит? — внезапно спросил незнакомец, наклонившись вперед и глядя прямо на собеседника.

— Нет. Имя как имя, а что?

— Екатерина Васильева? Катя? — уточнил мужчина.

Смутная догадка стала открывать Азарье суть происходящего. Он внимательно присмотрелся к сухопарому выбритому мужчине в ухоженной обуви, казалось, с очень знакомыми чертами лица.

— Антошка? — вырвалось у пожилого человека.

Гость несильно одобрительно хлопнул Азарью ладонью по правой щеке и глубоко выдохнул:

— Молодец!

— Антошка! Сынок!

— Черпак я, дядя. Черпак меня зовут. Завидный шрам у тебя, дядя. — Он вынул из кармана пачку «Беломоркана-

ла» и закурил. — Взял там у тебя, на кухне, — признался Черпак, переходя на ты.

— Дай и мне, — попросил Азарья.

Черпак протянул хозяину дома пачку папирос и спички. Мужчины задымили.

— Мне особо нельзя, но, видишь, так захотелось... — пытался оправдываться Азарья. — Как Катя, мама то есть?

— Умерла. Отчим забил.

— Как это?

— Так это — насмерть, — резко ответил Черпак. — Сам-то ты чем лучше? Знаю я все. Ей бы постоять за себя надо было, так нет — терпела и терпела... Дотерпелась!

— Сам-то ты... Антон, как?

— Как видишь, — гость провел ладонями рук вдоль своего тела сверху вниз, как бы демонстрируя всего себя и свое скудное, но довольно опрятное одеяние. — Сорок лет, половина из которых в лагерях да на *киче*¹. Жена была, хорошенькая, да сбежала.

— Прости, сынок! — прослезился Азарья. — Всю жизнь мечтал о своем ребенке. А он, оказывается, у меня есть. Сын!..

— Что уж теперь, дядя, волноваться.

— Как же так, как же так?.. — не унимался пенсионер. — Почему не отыскал? Может быть, и у тебя бы жизнь по-другому сложилась. — Азарья сполз с кресла и ухватил штанину своего сына, кропя ее слезами. — Мы все изменим, Антошка! Ты можешь жить у меня. Ты ни в чем не будешь нуждаться.

— Поздно, дядя. Ничего не изменить. Да и жалко мне тебя отчего-то, — с некоторой грустью и разочарованием

---

¹ Кича (*жарг.*) — слово «тюрьма» из уголовного лексикона.

произнес гость, гася окурок в приоткрытый спичечный коробок и затем возвращая его себе в карман. — Живи себе, дядя, — произнес он напоследок и медленно вышел из дома.

Немного успокоившись, Азарья встал, обошел все места закладки своих богатств и, удовлетворенный увиденным, сел в кресло.

Вечерело. Одиноким пожилой мужчина окинул глазами погружающуюся в темноту комнату. В какой-то момент его охватил отдающийся болью в груди безотчетный страх. Он глубоко задышал, ему не хватало воздуха, как и тогда, раньше, когда он изо всех сил пытался надолго задерживаться под водой.

«Еще немного терпения, затем всплыву и задышу во всю грудь», — последнее, о чем подумалось Азарье.

Глава 2.14. Репрессии

Некоторое время, пока в шелководстве республики были успехи, связанные в основном с изначально низкой базой этой отрасли в народном хозяйстве, ни происхождение, ни неудобная фамилия одного из ведущих специалистов отрасли никого не смущали. Однако после ряда ошибочных и недостаточно проработанных решений партии по землеустройству и в сфере занятости трудящихся в республике развернулась всесоюзная кампания по выявлению вредительства и очковтирательства при выполнении плановых заданий в сельскохозяйственном производстве. Ответственными за провалы в атмосфере всеобщей подозрительности и борьбы за чистоту рядов, которые активно велись в партии в тот период, становились, как правило, хозяйственные работники, в чьем ведении находились те или иные отрасли производства и сельского хозяйства. Соответствующие взыскания по партийной линии имелись и у Рамбома Равиноевича.

В 1932–1933 годах плановые показатели по объему выработанного в республике шелка не были выполнены. К таким слабым результатам привели дефицит кормовой базы, образовавшийся вследствие засухи, просчетов в мероприятиях в новом переселенческом регионе массовой культивации тутового дерева. Соответственно уменьшилась и культурная колония шелкопряда. Вода не подавалась к плантациям молодых тутовых деревьев в необходимых количествах из-за ее хищения жителями поселений, расположенных на верхних участках оросительного канала. Помимо этой причины, была и другая — местные жители враждебно относились к крестьянам-переселенцам, работавшим на плантациях.

После нескольких провальных в плане наращивания производства шелка лет хозяйство на месте переселения

было распущено. Тружеников после включения их в общий план переселения республиканского Наркомзема вернули на прежние места жительства. Возвращенцам выдали кредиты на хозяйственное устройство из средств земельной реформы.

Следующие три года отрасль пребывала в стагнации. Ответственность за провал планов развития шелководства в республике отчасти возложили на объединение «Дагшелк»¹ и Исроилова Рамбома Равиноевича, ответственного работника отраслевого направления в республиканском Наркомземе. Два выговора за граничащую с вредительством халатность при решении поставленных задач и вскрывшееся нарушение при подаче документов о вступлении в партию (кандидат воспользовался рекомендациями работников Комзета, оставшимися после первой попытки вступления в партию в 1928 году) привели к его исключению из партийных рядов. Далее последовали увольнение с работы и закономерный в то время в таких случаях арест. Возможно, его причинами стали в очередной раз всплывшее неблагонадежное мелкобуржуазное прошлое Рамбома Равиноевича или письмо, направленное в партийную ячейку Наркомзема одним из его сослуживцев. Такие послания с информацией о прегрешениях коллег, соседей, знакомых, а иногда и абсолютно посторонних людей в то время были нормой. Некоторые граждане таким способом пытались отвести

---

¹ «Дагшелк» — республиканская контора по шелководству, организованная в 1931 году как представительство Всесоюзного объединения «Союзшелк». Оно занималось обеспечением выполнения плана головного предприятия, финансовым контролем и наблюдением за деятельностью шелководческих предприятий колхозно-кооперативной системы в республике и оказанием этим предприятиям необходимой помощи и содействия, изысканием отвода и освоения пригодных для шелководства новых и расширением имеющихся земельных площадей, организацией новых шелководческих совхозов.

аналогичные карательные меры от себя. Писцы в таких случаях не брезговали наветами и оговорами. Впрочем, это им не всегда помогало.

Мозолут, обивавшая пороги республиканского НКВД, и ее сыновья Равино и Яагу пытались разобраться в произошедшем и добиться какой-либо информации. Старший немедленно выехал в Махачкалу после получения известия об аресте отца. После безрезультатных попыток узнать что-либо о ходе следствия за многие месяцы они написали заявление в адрес НКВД РСФСР и передали его Москву.

Оно было написано от имени Мозолут и принято к рассмотрению лишь через год после ареста. Ниже приводится текст заявления без правок:

«Глубоко признаю, что нельзя отнимать у Вас время по всякого рода вопросам, но чувство безвыходности дает мне смелость просить Вас выслушать меня до конца.

Излагаю по возможности кратко. В октябре 1937 года органами НКВД ДАССР арестован мой муж Исроилов Рамбом Равинович. Уже десять месяцев он содержится в тюрьме под следствием: полгода его дело находилось в НКВД, потом было передано милиции, после чего возвращено обратно в НКВД.

Я считаю, что десять месяцев вполне достаточный срок для расследования самого трудного преступления.

У меня есть все основания считать, что мой муж не мог каким-то образом вредить, а тем более, бороться с советской властью. Он как маленький ребенок радовался каждому успеху нашей родины.

Беспредельно преданный партии и советской власти, он не знал личной жизни. Днем и ночью он работал для того, чтобы оправдать доверие партии.

Мой муж был у истоков развития производства шелка в республике, и сделал много на этом поприще для Дагестана, как грамотный специалист.

Оглядывая весь пройденный с мужем путь, вспоминая его беззаветную преданность делу коммунизма, — я, как предполагаю и он, задаю себе вопрос: — За что? В интересах кого? Кому это нужно?

Меня не покидает тревога о муже, ибо он легочный больной и много лет серьезно болен. Республиканский НКВД справок о его текущем здоровье не дает. На запросы о местоположении мужа и о состоянии следствия также ответа нет.

Я прошу затребовать это дело в Москву и дать ему справедливое направление. Это даст возможность вернуть к труду на благо нашей великой родины преданного ей сына, детям и внукам — отца и деда, мне — мужа. О Ваших указаниях не откажите сообщить мне».

К заявлению были приложены грамоты, знаки, медали и иные документы, подтверждающие многочисленные заслуги мужа.

Ответственная работа и собственная семья в Киргизии не позволяли Яагу отлучаться на долгое время, и он приезжал в Махачкалу при любой возможности, чтобы поддержать мать.

Неведение продолжалось еще более месяца после принятия НКВД РСФСР заявления Мозолут, а затем на ее адрес в Махачкале пришло письмо. Не в силах от панического волнения открыть конверт женщина позвала сына и невестку, как оказалось не зря.

Тамара взяла письмо у встревоженной свекрови и передала его Равино. Тот придирчиво и с беспокойством рассмотрел надписи и штемпели на конверте, раскрыл его, вынул вложенный лист бумаги.

Оторопев от увиденного, с невольной намеревшимися на глаза слезами мужчина взглянул на мать. Наименование документа не оставляло шансов.

— Прочти, — едва не срываясь на рыдания, попросил он Тамару.

— Что там?! — умоляюще кричала Мозолут.

Взяв себя в руки, Тамара зачитала:

«Народный комиссариат внутренних дел СССР. Республиканский Отдел ЗАГС ДАССР. Свидетельство о смерти № 1758. Выдано в том, что Исроилов Рамбом Равинович умер в 1938 году 14 числа ноября месяца, о чем в книге записей актов гражданского состояния «О СМЕРТИ» за 1938 год 15 числа ноября месяца произведена соответствующая запись. Место смерти — Махачкала. Возраст и причина смерти — 57 лет, обтурационная асфиксия вследствие отека легких и дыхательной недостаточности. 22 ноября 1938 года. Зав. бюро ЗАГС Мусаев».

Мозолут с трудом встала со стула, затем, не сделав и двух шагов, рухнула на пол. Находясь в шоковом состоянии, ни сын, ни невестка не успели ее поддержать. Удар головой при падении и испытанный стресс произвели непоправимое воздействие на здоровье сорокапятилетней вдовы. Следующие полтора месяца она провела в больнице.

Ощущение полного бесправия и собственного ничтожества охватило членов семьи умершего в застенках без каких-либо существенных оснований и суда. Ко всему прочему, власть не предоставила им даже возможности захоронить тело¹.

---

¹ В 1938 году директива по линии санитарного отдела ГУЛАГа предписывала хоронить умерших за решеткой. Директива вызвана гигантским притоком арестованных, подследственных и осужденных в ходе массовых операций НКВД. За 1938 год в лагерях погибло около 90 тысяч человек и еще около 35 тысяч заключенных умерли в колониях и тюрьмах, что составило около 6–7 % от среднегодовой численности заключенных. Примерно столько же умерло за 30 лет существования всех тюрем Российской империи (с учетом Польши), включая каторгу. Однозначно, что подобное количество умерших взрослых

Когда Мозолут выписали из больницы, она попросила младшего сына отвезти ее на мусульманское кладбище. Женщина утверждала, что якобы там, в безымянной могиле, захоронен ее Рамбом. На вопросы, откуда она об этом узнала, женщина отвечала уклончиво. В конце концов, из обрывков их разговоров Равино понял, что мать видела мужа во сне и он ей сказал, где захоронен. По приезде на кладбище женщина твердо пошла по одной из аллей и, добравшись до противоположной стены, указала на один из относительно недавно появившихся курганов.

— Вот здесь мой Рамбом, — со слезами вымолвила она и присела у могилы, причитая на языке джуури.

На следующее утро она твердо заявила:

— Его надо перезахоронить на еврейском кладбище.

— Как, мама? Мы даже не знаем точно, что это могила отца.

— Я знаю точно! — безапелляционно заявляла вдова. — Надо его перевезти. Поговори об этом со смотрителем кладбища.

— Да они меня и слушать не станут, мама.

— Не думала я, что мой сын настолько нерешителен. Я сама поговорю с ним! — вскипела женщина.

К обеду они снова были у безымянной могилы. Видимо, за ночь Мозолут накопила сил, в том числе и для громкого и распевного гирье, чем вызвала интерес посетителей кладбища, которые недоумевали, что это могло значить.

К Равино подошел мужчина, очевидно, соблюдающий предписания ислама, и спросил:

— Кто эта женщина и почему она оплакивает мусульманина на еврейском языке?

людей надо было хоронить секретно и не привлекая лишнего внимания местных жителей для сохранения образа самой прогрессивной тюремной системы в мире.

— Это моя мать, и оплакивает она мужа, умершего в тюрьме, — ответил Равино.

— Ее муж был мусульманином?

— Нет, он был горским евреем.

Мужчина ушел с непониманием, близким к возмущению, поглядывая на причитающую женщину.

Через несколько минут он вернулся с какими-то бумагами. К этому времени Мозолут перестала стенать и, несколько успокоившись, потребовала от сына решить вопрос, поставленный ею утром.

— Вы что, неразумные евреи, делаете? — еще издали начал возмущаться мужчина. — Это могила правоверного мусульманина. Надеюсь, Аллах не расслышал того, что вы наговорили над его служителем.

Возмущение подошедшего мужчины подстегнуло и других свидетелей с гневом наброситься на Равино и Мозолут, которые были грубо препровождены за пределы кладбища.

Через некоторое время семью Рамбома попросили покинуть служебную жилплощадь в столице республики. После истории с захоронением на кладбище Мозолут со смирением восприняла эту неприятность. Она хотела вернуться в тот дом, где они с мужем провели до этого двенадцать лет, полных любви, радости и испытаний. К тому времени горские евреи практически покинули Ньюгеди, а его территории вошли в состав соседнего кумыкского села Янгикент. Построенный Рамбомом дом был заселен другими людьми, и в начале 1930-х он был передан властями двум семьям «красных партизан»¹. Мозолут, отчасти оставаясь не в себе

---

¹ В связи с юбилеем Советской власти в Дагестане в 1928 году стали составляться списки «красных партизан», которым выдавались удостоверения об участии в партизанских отрядах, предполагающие определенные льготы. Из горских евреев только двое получили такие

от полученных ею физической и психической травм после гибели мужа, настаивала на поселении именно здесь, в этом доме. Равино договорился о выкупе части дома своего отца у теперешних его владельцев и не без некоторого вознаграждения согласовал это в сельсовете.

Мозолут, Равино с Тamarой и их пятилетним сыном Зимро поселились в той части дома, вход в которую находился с противоположной стороны относительно въездных ворот. Здесь были две комнаты на первом этаже двухэтажного здания, небольшой задний дворик с курятником и пятаком земли, укрытым тростниковым навесом, под повозку.

Накопленных Рамбомом и Мозолут денег должно было хватить на пару лет скромной сельской жизни. К тому же Равино устроился на работу в управление местной сельскохозяйственной коммуны, а Тамара — в фельдшерский пункт.

Через год после переезда Равино и его семьи из Махачкалы в Янгикент до него дошли слухи, что отец умер в тюрьме не от болезни, а в результате непреднамеренного убийства. Человек, который рассказал об этом, был якобы знаком с сокамерником Рамбома. Последнего наряду с многими неправоммерно арестованными выпустили из тюрьмы после серьезных ограничений, введенных властью против репрессивных действий НКВД¹. Он утверждал, что нахо-

---

документы. Вернувшиеся в 1917–1918 годах с фронтов и уже проникшие большевистскими идеями горские евреи составляли ядро красногвардейских отрядов в Дагестане, роль которых в победе Советской власти в республике была не менее существенна, чем роль партизанских отрядов. Это недоразумение было разрешено в последующие два года распространением льгот партизан и на красногвардейцев и выдачей затем нового типа удостоверений.

¹ Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 года органам НКВД запретили производство массовых операций по арестам

дившиеся с Рамбомом в одной камере сидельцы долгое время испытывали неудобство от постоянного кашля сокамерника. Один из них посреди ночи попытался приглушить на время «надоевшую шарманку», накрыв лицо несчастного подушкой. Однако то ли он не рассчитал сил, то ли не справился с эмоциями — и несчастный умолк навсегда!

Вот так закончилась жизнь одного из наших героев. Богатство внутреннего мира, жизненный путь, начиная от младенчества, с его перипетиями, радостями и переживаниями, работой, достижениями, любовью, наследием и традициями семьи, свойственными каждому человеческому существу, не составили никакой ценности для убийцы.

и выселениям. Аресты разрешалось производить только по разрешению: с санкции прокурора или по постановлению суда в соответствии со статьей 127 Конституции СССР. Постановлением также ликвидированы судебные тройки, созданные в порядке приказов НКВД.

Часть 3. Зимро

Глава 3.1. Скорбь

Конец октября 1941 года в Маджалисе выдался холодным и ветреным. Еще вчера природа кронами оголившихся деревьев, устремленными к небу отвердевшими стрелами травяного сухостоя и стекающими по своим вековым руслам водами рек казалась замершей в ожидании чего-то страшного, но неминуемо повторяющегося из года в год. Сегодня же она внезапно включилась в какую-то неотвратимую возню. Образуя причудливые переметы, еле видимая поземка кружилась по утоптанному грунту сельских тропинок и дорог. Вот она прорвалась в открытые настезь ворота дома местного медника Рахамима.

Во дворе у пристройки, отстроенной несколько лет назад Беньягу, младшим сыном хозяина дома, на месте птичника, на лавках из нетесаных досок и ящиков, расставленных полукругом, расположились мужчины, которые пришли поддержать главу семьи в его горе и высказать ему слова сочувствия. Рахамим с абсолютно невидящим, устремленным куда-то сквозь них взглядом поворачивал голову то в сторону одного, то в сторону другого говорящего, но сказанные земляками слова не доходили до его сознания.

Из глубины расположенного рядом дома раздавались тягостные причитания и плач женщин. Здесь, в передней, с раскиданными по всей комнате нимдерами, сидя на полу, устеленном по такому случаю ковром, уже несколько дней

громко стенали женщины в черных одеяниях. Среди них немало искусных плакальщиц, которые по очереди голосили навзрыд, стараясь поддеть тонкие потаенные струнки души людей, испытавших потерю. В своих гирьё они вспоминали покойного, убитого на фронте молодого солдата Беньягу, а также своих когда-либо умерших родственников. Некоторые из женщин уже выбились из сил. Это понятно по их оцарапанным от самоистязания безучастным лицам и беспорядочно вздернутым волосам.

Время от времени на особо громкие крики и плач из этой части дома болбочащими тирадами отзывались индейки, кучной стайкой расположившиеся в середине двора. Это невольно вызвало неуместные улыбки и веселье у некоторых мужчин. В конце концов, птиц прогнал один из присутствующих — соседский юноша.

У дальней стены комнаты лицом к центру сидела сорокадевятилетняя мать погибшего бойца Динара с темными кругами под темно-карими глазами, растрепанными волосами с проседью и свежими пятнами крови на щеках. Горькое сожаление и отчаяние выражало ее опухшее от слез лицо. Обессиленная женщина уже не могла ни плакать, ни разговаривать. Пытаясь уберечь мать от чего-то извне, рядом с ней постоянно находилась ее дочь Сипро. Она лишь ненадолго покидала свое место для того, чтобы принять соблезнования от женщин. Ее двоюродная сестра Мегило, дочь Мозолут, кипятила чай в маленькой кухоньке, пристроенной к комнате. Она помогала Тамаре, которая взяла на себя основные хлопоты по обслуживанию гостей, приходивших разделить скорбь вместе с хозяевами об их младшем сыне.

Тамара находилась здесь уже третий день, оставив семилетнего Зимро дома на попечение свекрови. Покинувшая после замужества родной Ленинград молодая женщина

уже успела испытать немало потрясений. Ненамного выше среднего роста, в теперешнем черном одеянии она казалась нескладно высокой. Этому ощущению способствовала обшая худоба тела и угловатость линий рук. Но так было не всегда.

История любви Тамары и Равино была стремительной. Летом 1933 года, окончив Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт, молодой человек перед началом своей трудовой деятельности впервые приехал в Ленинград.

Город на Неве потряс его своими размахом и красотой. Еще более поразила парня девятнадцатилетняя дочь дяди Манашира, у которого он остановился на время поездки. Она была такого же роста, как и Равино, но не пыталась выглядеть ниже, надев, к примеру, обувь с низкой подошвой. Светлокожая с длинными вьющимися волосами, прекрасно сложенной фигурой и женскими прелестями, она покорила молодого человека. Задерживаясь допоздна на правах родственницы молодого гостя, Тамара с удовольствием и восторгом открыла Равино волшебство белых ночей. Она была прелестным экскурсоводом, ведь этот город был для нее родным.

Тамара, так же как и Равино, в этом же году закончила учебу в фармацевтической школе и не могла определиться, по какой стезе ей пойти работать: устроиться в аптеку или в больничный стационар.

У обоих вся жизнь была впереди, и летняя непринужденность, некоторая схожесть чувств перед предстоящей взрослой трудовой деятельностью, понимание своего практически единого родственного начала в условиях большого романтического города сблизила эти два молодых сердца. Приехав после Ленинграда в Махачкалу, Равино признался матери, что ему очень понравилась двоюродная сестра тети Динары, жены ее брата Рахамима.

— Давай вас поженим, — предложила Мозолут. — Тебе уже 22 года, да и ей уже почти девятнадцать — чего ждать?

— Мама, они не согласятся. Они другие, понимаешь. Интеллигентные, что ли, как ашкеназские. У них дома несколько шкафов книг.

— А мы, по-твоему, какие? Дикари, что ли, или варвары? Вон и у отца полно книг, только пыль собирают. К тому же, ответь мне, сынок, многие из тех ребят, которых ты знаешь, имеют высшее образование? — с убежденностью в своих доводах возмутилась Мозолут, глядя прямо в глаза сыну. — И потом... никакие они не ашкеназские, такие же, как и мы, горские евреи.

— Не отдадут. Да и куда я ее отвезу? В краснодарскую глубинку? — сомневался Равино.

— Отдадут. Не переживай. Лучше тебя им не найти. Где они в Ленинграде найдут такого умного образованного интеллигентного красавца — горского еврея? Да им еще повезло, что ты появился в их доме. Так бы и мариновали свою дочь годами. А сын Пинхас, прелестный умный уважаемый ребенок, глядишь, не приведи Господь, скоро на русской женится.

К счастью для Равино, родители Тамары Манашир и Циля одобрили этот брак. Похоже, мнение девушки было не последним. Свадьбу сыграли в Махачкале. В Ленинграде также состоялось торжество в одном из ресторанов для друзей и коллег отца и матери невесты. Около двух лет молодые прожили в небольшом поселке в Краснодарском крае, где в 1934 году у них родился мальчик, которого они назвали Зимро. После ареста Рамбома Равиновича молодая семья переехала в Махачкалу к свекрови, а затем, после известных уважаемому читателю скорбных событий, — в Янгикент.

Мозолут после случившегося с мужем так и не смогла окончательно прийти в себя. Она часто посещала еврейское кладбище Янгикента. Здесь не было могилы ее мужа, но несчастной вдове, бродившей между отчасти завалившимися надгробиями единоверцев, было легче предаваться воспоминаниям и разговаривать со своим Рамбомом — как будто бы здесь, на кладбище, находился невидимый тоннель, связывающий ее с тем местом, где обрел покой ее муж.

Заметив усталость на лице Тамары, Мегило настояла, чтобы та на некоторое время присела отдохнуть рядом с другими скорбящими, и молодая женщина воспользовалась предоставленной возможностью.

Через некоторое время Тамара пришла в удивление, услышав за дверью неуверенный голосок своего сына. Тот спрашивал кого-то, где ему найти маму. Через мгновение она увидела мальчишку в проеме двери. Женщины, понимая, что случилось нечто серьезное, прекратили плакать и посмотрели в сторону вошедшего. За спиной Зимро показала Тамарина соседка. Ее присутствие и выражение ее лица не предвещали ничего хорошего.

Мальчишка бросился к ногам матери, протягивая ей бумажный треугольник и не ожидая последовавшей за этим душераздирающей реакции.

Это была уже вторая за неделю похоронка, пришедшая в семьи близких семей Рахамима и Мозолут. Погиб Равино.

Глава 3.2. Преемник

Как известно, ремесло — это источник пропитания, в разной мере гарантировавший мастерскому и его семье выживание. Быть хорошим специалистом в своем деле особенно важно в суровых условиях гор, где земля не настолько плодородна, как на равнинной низменности. Определенными ремеслами занимались большие семейства и даже целые села, и у каждого мастера был свой уникальный узнаваемый почерк. Многие имели свои строго хранимые секреты, выгодно отличающие их изделия от продукции конкурентов.

Семилетнему мальчику Зимро, потерявшему сначала горячо любившего его дедушку Рамбома, а затем и отца Равино, не случилось идти по стопам своих образованных и состоятельных предков — он был вынужден зарабатывать на хлеб вдали от дома, в Маджалисе, трудясь в мастерской и на дворе у брата своей бабушки, дедушки Рахамима.

Стоит отметить, что Равино был квалифицированным мелиоратором. Стремлением его отца было привлечение сына к шелководческим проектам республики, в которых он видел перспективу. Рамбом Равиноевич полагал, что к тому времени, пока Равино закончит обучение, он найдет возможности для поддержки сына в его профессиональном и карьерном росте. Впрочем, по окончании института молодой инженер-мелиоратор с разрешения отца остался работать в одном из хозяйств *Северо-Кавказского края*¹, куда он был распределен. Здесь Равино отработал несколько лет независимо, но под пристальным вниманием отца, до тех пор пока не получил известие об аресте последнего.

---

¹ Северо-Кавказский край — административно-территориальная единица на территории РСФСР, существовавшая с 16 октября 1924 года по 13 марта 1937 года.

Деда Рамбома Зимро практически не помнил. В сознании всплывали только умные и добрые глаза аккуратно подстриженного и чисто побритого седовласого мужчины, смотрящие на него с любовью. Был ли это дед или другой когда-то увиденный им человек, мальчишка точно не знал. Отца же Зимро помнил отчетливее, особенно один день, проведенный с ним на его работе, когда тот показал ему оросительный канал с металлическими заслонками и шлюзами. Память зафиксировала событие, которое оставило след в душе ребенка. На одном из участков канала отец поймал большую усатую рыбину, и затем они вместе отпустили ее обратно в мутную воду.

Одно за другим всплывали впечатления детства: десятки плоских тепличных рам, расположенных в поле многими рядами, и женщины-труженицы, ухаживающие за выращиваемой под этими рамами рассадой овощей; обед на настеленной прямо на земле белой скатерти под большим развесистым деревом с белыми по одну сторону вытянутыми листочками; теплые взгляды присутствующих, карамельные конфеты, которыми угощали Зимро. Он хорошо помнил тепло и заботу отцовских рук, десятки и сотни его подробных и терпеливых ответов на вопросы об обустройстве этого мира.

Теперь же мальчик с еще молодой, но измученной тяжелой работой в поле матерью Тамарой и бабушкой Мозолут пытались выживать.

Брат Мозолут, дедушка Рахамим, долгие годы не мог простить своего сына Шомоила, со скандалом покинувшего отчий дом. Старший сын, первенец, не оправдал надежды отца на преемственность в семейном деле. Младший — Беньягу, напротив, был послушен, исполнитель, трудолюбив, но и он покинул отца — погиб на войне через два месяца после мобилизации.

Других сыновей жена ему не дала, поэтому, когда сестра Мозолут попросила брата обучить ремеслу медника своего внука Зимро, Рахамим без энтузиазма, но вынужден был согласиться. К тому же мальчик проявлял неподдельный интерес к ремеслу, был очень прилежен, на лету схватывал все, о чем ему говорил наставник, быстро овладевая азами профессии. Прежде чем допустить Зимро к обучению, Рахамим долгое время испытывал его на прочность, поручая ему не по возрасту тяжелые или грязные работы в своем доме. Зачем эта жесткость к ребенку нужна была Рахамиму, остается загадкой. В семье, в которой поселился траур, не находилось доброго слова для несчастного мальчика, лишь ежедневный тяжелый труд приглушал боль от потери близких людей. Тем не менее в распоряжении уже немолодого Рахамима оставался какой-никакой, но все же потомок — паренек, на которого он мог рассчитывать, внучатый племянник Зимро.

Несмотря на трудные военные годы, ремесло Рахамима позволяло двум родственным семьям худо-бедно существовать и избежать голода.

К девяти годам Зимро неплохо овладел некоторыми используемыми в мастерской технологическими операциями. Он уже мог изготавливать некоторые изделия самостоятельно. Однако стремительному росту благополучия и мастерства мальчика помешало неожиданное возвращение в Маджалис старшего сына мастера с семьей.

Шомоил бен Рахамим, точнее Шамир Романович Рафоилов¹, был осужден как контрреволюционер, сторонник троцкистско-зиновьевской оппозиции. Успешного и перспективного выпускника КУТВ им. Сталина, молодого

---

¹ В разные времена некоторые евреи изменяли свои имя и отчество, пытаясь скрыть происхождение, информация о котором могла затруднить возможности в обучении, карьере и безопасности.

комсомольца Шамира Рафоилова, как оказалось несколькими годами позже, очевидно, по неведению подставили его старшие товарищи-кураторы. Во время последнего года обучения его от лица университета направили в Ленинград на представительный форум, где он выступил, казалось бы, с прекрасной программной жизнеутверждающей речью о значимости молодежного движения в развитии социалистического строительства и претворении в жизнь коммунистических идеалов. К несчастью Шамира Романовича, основными докладчиками на форуме, помимо него, были, как оказалось впоследствии, представители группы зиновьевцев из так называемого «ленинградского центра» и троцкистская организация, участниками которой был ряд старейших и заслуженных членов большевистской партии. Практически все делегаты указанного форума подверглись репрессиям после гибели в декабре 1934 года 1-го секретаря ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома партии С.М. Кирова. Они обвинялись в терроризме, сотрудничестве с иностранными гражданами. Шестнадцать выдающихся партийных деятелей были приговорены коллегией Верховного суда СССР к расстрелу, другие преследовались судом Военного трибунала. Все лица, имевшие какое-либо отношение к тому ленинградскому форуму, несмотря на прямое или кулуарное общение на его площадках, были расстреляны либо осуждены на длительные сроки за терроризм, правоопортунистические, контрреволюционные выступления, злонамеренные действия, вредительство и двурушничество.

В эти репрессивные жернова попал в 1936 году и Шамир Романович, не совершив практически ничего преступного, искренне и по убеждениям отстаивая ценности Советской власти на политическом поприще. Если бы не эта командировка в студенческие годы, то судьба ответственного партийного работника, добропорядочного семьянина

сложилась бы иначе. А так, приговор — десять лет лагерей. При аресте супруга арестованного была на четвертом месяце беременности.

После пересмотра дела в 1942 году Шамира Романовича освободили. Буквально несколькими днями проведав жену и детей, восьмилетнего сына и пятилетнюю дочь, проживавших в Махачкале, мужчина отправился воевать на повторно сформированный Юго-Западный фронт, который наряду с другими фронтами участвовал в окружении группировки немецких войск под Сталинградом. В служении Родине Шамир не щадил ни себя, ни врагов, не прятался за спинами боевых товарищей. В одном из сражений тридцатипятилетний рядовой, приписанный к артиллерии, получил ранение в область бедра. После оперативно оказанной необходимой медицинской помощи Шамир остался на поле боя и продолжил стрельбы. Впоследствии он был госпитализирован с усугубленной рваной раной и большой кровопотерей. Он выжил и даже мог ходить после операции, но сильно похрамывал — при ходьбе он несколько выворачивал левую ногу. Спустя месяц Шамир был комиссован и вернулся в Махачкалу. О работе в столице республики, соответствующей его комсомольскому и партийному опыту, можно было забыть.

В мае 1943 года с *медалью «За боевые заслуги»*¹ на прямоугольной красной колодке, прикрепленной к лацкану пиджака, мужчина появился на пороге дома своего отца. Рядом стояли его изящно по-городскому одетая жена-бабинка, дочь одного из бывших ответственных партийных

---

¹ Медаль «За боевые заслуги» — государственная награда СССР, учрежденная Указом Президиума ВС СССР 17 октября 1938 года для награждения за умелые, инициативные и смелые действия, сопряженные с риском для жизни, содействующие успеху боевых действий с врагами Советского государства.

работников в *Азнефти*¹, сын, дочь, два чемодана вещей и мебель в виде двух связанных между собой стульев.

После примирения наставничество Рахамима по их с сыном договоренности переключилось на родного внука Бориса. Роль Зимро постепенно сместилась к уровню второстепенного подмастерья. В основном подросток занимался лужением. Борис не был настолько же смышленным, как Зимро, но засевшее в нем желание овладеть мастерством во что бы то ни стало, дух соперничества со своим ровесником, подстрекания и подбивание к работе со стороны отца приводили к определенным результатам. Задиристый по характеру мальчик часто неоправданно выставлял Зимро неумехой перед своими дедом и отцом. Рахамим же, ослесливленный возможностью передачи ремесла родным людям, постепенно отходил от дел. Во внучатом племяннике Зимро он видел неплохого способного работающего парня, но в то же время внук для него был неоспоримо ближе.

Из-за ревности вновь приобретенных родственников к способностям Зимро ему все меньше поручалась достойная его навыкам и мастерству работа. За общим обеденным столом, где ему пока еще не возбранялось находиться, с ним никто не заговаривал, разве что только Рахамим мог спросить его о самочувствии матери и бабушки. Видимо, дедушка Рахамим обратил внимание на некоторую вынужденную отчужденность парнишки, однако чувствовал ли он при этом свою причастность к его теперешнему положению? Конечно же, да. Но силы постепенно оставляли Рахамима. Вместе с передаваемым сыну делом, которому он посвятил почти всю жизнь, он не сопротивлялся и переходу к нему функций хозяина дома, главы семьи.

---

¹ Азнефть — производственное объединение по разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений на суше в Азербайджанской ССР Министерства нефтяной промышленности СССР. Находится в Баку. Создано в 1920 году.

В холодном январе 1944 года, возвращаясь домой из мастерской, легко одетый пятидесятидвухлетний Рахамим переохладился, получил воспаление легких и через несколько дней скончался.

Не прошло и месяца после смерти отца, когда Шамир по надуманной причине выгнал племянника из мастерской и из своего дома. Не стоит говорить, какие трудности испытывали Зимро и его близкие — мама и бабушка, оставшись практически без куска хлеба. Несколько месяцев мать с сыном скитались в поисках временной работы и ели крайне мало, проще сказать, бедствовали, в то время как в семье Шамира намечался достаток.

Бабушка Мозолут после трагической смерти мужа практически не проявляла интереса к жизни. Но когда дело касалось ее семьи, то она находила в себе силы встать на защиту ее интересов. Так, была исправлена вопиющая несправедливость в отношении ее невестки и внука. Мозолут поговорила с Шамиром, подобрав слова, чтобы устыдить племянника, и добилась того, чтобы он, в конце концов, взял ее внука Зимро на работу и выделил ему небольшое жалование, дабы не позорить своего отца и всю семью. Так Зимро снова стал лудильщиком в мастерской, правда, ему поручалась еще и уборка в хлеву, в котором год от года с увеличением достатка хозяина прибавлялось все больше и больше работы.

Окончилась война с фашистами, и тысячи мужчин-воинов потянулись в свои города и села, к своим сильно поредевшим, опустошенным и осиротевшим домашним очагам, вернулись к покинутым земельным участкам и ремеслу.

По настоянию дяди Шамира Зимро пошел учиться в *Маджалисскую среднюю школу*¹. В послевоенные годы

---

¹ Маджалисская средняя школа – ныне Маджалисская средняя общеобразовательная школа (МСОШ) Кайтагского района Республики

здесь работало большое количество русских учителей. Обучение велось преимущественно на русском языке. Классы составляли дети разных возрастов в зависимости от уровня знаний. Так, вместе с двенадцатилетним Зимро обучались и девятилетние ребята, и пятнадцатилетние юноши. В этом же классе училось и несколько девочек, среди которых была и дочь Шамира Дора. Шамир наказал племяннику провожать дочь в школу и обратно, строго следить, чтобы ее никто не смел обидеть. Это ли было причиной его настойчивого желания направить Зимро учиться или искреннее желание дать мальчику необходимые знания, неизвестно. Брат Доры Борис учился двумя классами старше и изредка лишь как член школьного совета проявлял интерес к классу своей сестры.

Раз в две недели, а то и чаще Зимро навещал свою маму и бабушку, добираясь до Янгикента пешком по перекрестной местности. Весь путь занимал не более двух с половиной часов. Тамара всегда чувствовала заранее, что сын направляется домой, и очень радовалась, когда он появлялся на пороге. А как же иначе — он был ее единственным ребенком, к тому же кормильцем. Бабушка Мозолут также проявляла свою любовь, пытаясь зацеловать внука, когда он предоставлял ей такую возможность. Она прислушивалась к каждому сказанному им слову, но, похоже, ее сил не хватало и на обыкновенную улыбку. Присутствие в доме этой красивой пожилой женщины придавало парнишке уверенности в себе.

Направляясь из Маджалиса в Янгикент, Зимро всегда останавливался попить воды из родника, пробивающегося

Дагестан. Является социально-культурным центром села, опорно-методическим центром района. Со дня открытия в 1939 году школа не прекращала свою деятельность. Создана на базе открытой в 1930 году начальной школы, которая, в свою очередь, преобразована из открытого в 1899 году в Маджалисе земского сельского училища.

фонтанчиком из слоистой скальной породы. Здесь в тени розовых акаций, под пение птиц, он мог передохнуть на середине пути. В сентябре 1951 года, приближаясь к этому месту, он явственно почувствовал гарь. Это сразу же показалось ему плохим предзнаменованием. Молодой человек, не останавливаясь, ускорил шаг и вскоре заметил множество людей у двора своего дома. Его предчувствия подтвердились — умерла бабушка Мозолут.

Глава 3.3. Дора

Прошло три года. Зимро и дети Шамира повзрослели, окончили школу. Борис стал больше времени проводить в мастерской, помогая отцу. Дора поступила в медицинское училище в Дербенте. Конечно же, отец приложил руку к тому, чтобы ее взяли, но она все равно была умницей — скромной, исполнительной и сообразительной девушкой. Целеустремленность, трудолюбие и усидчивость позволили ей без особых усилий обучаться и получать неплохие оценки за успеваемость.

Когда Дора приехала домой на первые каникулы, Зимро будто прошибло током. Ранее беззаботно общавшийся с ней, теперь он не мог не только спокойно говорить, но и смотреть на девушку — кровь предательски прилиwała к щекам юноши, выдавая его смятение. Желание быть где-то рядом с ней всякий раз будто неожиданно сталкивало молодых людей — у ее дома, у реки, на тропинках и улочках, иногда в сопровождении подружек.

Это, конечно же, стало заметно окружающим. Шила в мешке не утаишь, как говорится, а блеск глаз и пламя сердца влюбленного горского парня тем более.

Как-то мама, то ли заподозрив чувства сына, то ли из простого интереса спросила у Зимро, как он относится к Доре. Всегда спокойный и благожелательный молодой человек резко повысил на нее голос, обозначая, какое ей до этого дело. После сказанного он выбежал из дома будто ошпаренный. В конце концов, разобравшись в чем дело, Тамара пошла в дом Шамира, чтобы исподволь понять, какие перспективы у ее сына, благо отношения с матерью Шамира Динарой у нее всегда были теплыми. К тому же, несмотря на большую разницу в возрасте, эти женщины были двоюродными сестрами. Жена Шамира Инна тоже относилась к Тамаре просто, доброжелательно.

Инна, будучи в общении прямой, сразу же раскусила замысел Тамары и сказала, что она не против — мальчик хороший, трудолюбивый, умный, а вот ее муж никогда не согласится на этот брак.

— Представь, пожалуйста, Тамара: Зимро почти весь день у мужа на глазах в грязной одежде, выполняет все его указания как работник, и это правильно. Но каким образом Шамир увидит в нем таком жениха своей дочери? Нет, здесь надо что-то изменить, — предложила она.

— Что изменить? — спросила встревоженная мать парня.

— Не знаю и подсказать бы хотела, но не знаю, дорогая.

Динара же всплакнула, вспоминая, как Рахамим тепло отзывался о мальчике, отмечая его доброжелательность и чуткость. Она убеждала Тамару, что Зимро долгие годы был ей за внука, и, если бы решение было за ней, она бы, конечно же, не возражала, чтобы Дора составила его счастье.

Обе женщины поддержали Тамару, впрочем, зная характер Шамира, не понимали, что конкретно могло бы изменить его отношение к молодому человеку. Больше в тот день женщины не возвращались к этой теме, но на душе Тамары скребли кошки.

Вечером у матери с сыном состоялся серьезный разговор.

— Зимро, ты хочешь жениться на Доре? — спросила она.

Зимро тяжело вздохнул, но и без того было ясно, что все его мысли были заняты этой девушкой.

В другой раз мать твердо сказала сыну:

— Ты должен бросить работу у дяди Шамира и работать самостоятельно. Мы накопили немного денег, их должно хватить на обустройство небольшой мастерской здесь, на заднем дворе — на месте курятника и укрытия

для повозки. На обучение в институте, о чем мы с тобой мечтали, все равно не хватит. А без денег — не поступить, ты уже два раза пробовал.

Всю ночь Зимро не спал. Придя утром на работу, прежде поблагодарив дядю за все, он объявил, что хочет уйти. Шамир был несказанно удивлен и спросил, чем тот будет заниматься. На что Зимро честно ответил, что хочет открыть свое дело.

О таком можно было сказать дедушке Рахамиму, если бы тот был жив. Возможно, он и понял бы своего юного подмастерье, так как сам прошел подобный путь. Как вы думаете, уважаемый читатель, какова была реакция Шамира?..

Мужчина сразу же почернел от злости.

— Кого я пригрел у себя дома?! Как ты можешь?! И это после того, сколько я сделал для тебя и твоей неблагодарной матери? — буквально зарычал он. — Вон! Вон, сукин сын! И чтоб ни ноги, ни духу твоего здесь больше не было!

На шум выбежали все домочадцы, в том числе и Дора. Зимро хотелось сказать что-то в ответ, но, заметив лицо изумленной девушки, молодой человек не стал этого делать. Он развернулся и медленно вышел за ворота. Сложно выразить словами, что в этот момент творилось у юноши в голове. Ноги несли его к развалинам старой синагоги, разрушенной властями много лет назад, далее — в сторону кладбища, где он остановился у могилы Рахамима. Здесь на надгробии было высечено еще одно мужское имя — имя его младшего сына Беньягу, не вернувшегося с фронта. Зимро помолился и просил у Господа упокоения для душ его усопших родственников, включая отца, деда и бабушку Мозолут.

Далее он шел без остановок до родника, того самого, что подал ему несколько лет назад недобрый знак. Посто-

яв немного в раздумьях, не в силах усидеть на специально уложенном здесь для отдыха бревне, молодой человек снял с себя одежды и стал омываться. Вода была холодной и солоноватой. Он жадно пил ее из сложенных лодочкой ладоней плоток за глотком, пока в его душе не воцарилось состояние успокоения сходное с безразличием. Размеренный крик горлицы, усевшейся на верхушке ближайшего дерева акации, подействовал на него неожиданным образом. Он почувствовал себя свободным и несколько обновленным — молодым человеком, готовым идти к своей цели без оглядки на кого-либо, уверенным в своих силах и возможностях.

Уже возле Янгикента на тропе Зимро встретил встревоженную маму, идущую ему навстречу. Тамара была очень напугана долгим отсутствием сына и не могла усидеть дома.

— Что, сынок? Что случилось? Как все прошло? — воздевая руки будто в мольбе, спросила она.

— Все хорошо, мама! Будем жить по нашему плану, — ответил Зимро, приобняв свою исхудавшую за последние дни, но все еще прелестно выглядящую маму.

Следующий день прошел в подготовке к выезду — починена выходная обувь и подготовлена одежда, а утром, взяв у мамы необходимые денежные средства, Зимро направился в Дербент. Он нередко бывал здесь и с детства знал всех поставщиков дедушки Рахамима, а затем и дяди Шамира. Не раз сам ездил с ними, помогая привезти запасные части, инструменты и расходные материалы для работы. Но в сегодняшней поездке все же было одно отличие, которое подчеркивало некоторую новизну этого его путешествия: он отправился в Дербент на автобусе¹. До-

---

¹ В начале 1950-х годов в Махачкале открылось автобусное движение. Обслуживание началось со столицы Дагестана, затем стали

бравшись до шоссе на повозке, Зимро пересел на идущий по расписанию раз в день по утрам междугородний автобус Махачкала–Дербент.

Обойдя всех известных ему поставщиков, лавки которых, в основном, располагались на дербентском базаре и вокруг него, молодой человек испытал разочарование. К кому он ни обращался, все, извиняясь и подбадривая парня, отказывали ему. «Как же так? — недоумевал юноша. — Почему?»

Впрочем, разговор со случайно встреченным им приятелем, сыном одного из поставщиков, пролил свет на происходящее. Тот признался Зимро, что вчера к ним в лавку на рынок приходил Борис и передал просьбу своего отца: «Если появится Зимро, ничего ему не продавать»

Все торговцы жалели юношу, но профессиональная солидарность не позволила им помочь осуществлению его замысла. Так, почти ничего не купив, Зимро вернулся домой.

Мать с сыном, обсудив сложившуюся ситуацию, пришли к выводу, что здесь ему не удастся заняться ремеслом, даже если Зимро найдет, где ему продадут материалы и инструменты для мастерской.

— Даже если ты начнешь работать и будешь производить свои изделия, их никто не купит, так как Шамир делает все, чтобы не допустить этого, — уверяла она.

Проведя бессонную ночь и дождавшись пробуждения сына, Тамара предложила ему новый план:

— Давай обратимся к моему брату и твоему дяде Пинхасу. Никогда его ни о чем не просила, неудобно было,

---

осуществляться междугородние маршруты от Махачкалы до городов республики, а к концу 1950-х годов внутригородские автобусные маршруты появились во всех городах республики. В числе первых для пассажирских перевозок в Дагестане использовался автобус ЗИС-16.

видимо, пришло время это сделать. Он, когда приезжал погостить, всегда настаивал, чтобы мы обращались к нему, если понадобится помощь.

В самые тяжелые военные и послевоенные годы Тамара не беспокоила свою семью, понимая, что всем сейчас нелегко. «Однако сейчас почему бы не обратиться за помощью? — рассуждала она. — Даже если Пинхас не сможет помочь, близкие должны видаться и общаться. Последний раз Пинхас был в Янгикенте в 1949 году. Он приезжал с сыном Робертом. Такой любознательный парень! Да и с Зимро они почти ровесники. Как же им было интересно вместе!»

Найдя в узелке с документами новый адрес брата в городе Сталинграде, Тамара стала готовить сына к дальней дороге. Она и сама с удовольствием поехала бы, но это путешествие для их небольшой семьи было бы довольно накладным.

К вечеру Зимро был в Маджалисе, спустился к роднику и присел недалеко от него на завалинке. Он ждал, что Дора спустится за водой. Ношение воды в семье Шамира было закреплено за Дорой. Когда девушка была в отъезде, к роднику ходила ее мама Инна.

Не прошло и получаса, как появилась Дора. Она заметила Зимро и, опустив глаза, продолжила движение к источнику. Когда кувшин наполнился, Зимро выхватил его из рук девушки и, приподнимая, произнес:

— Дора, я завтра уезжаю. — Девушка с тревогой посмотрела в глаза молодому человеку. — На какое время, не знаю. Но я приеду и обязательно засватаю тебя! — с задором выпалил Зимро. — Будешь меня ждать?

Дора растерялась, но еле слышно спросила:

— А ты куда едешь?

— Поеду в Россию и вернусь. Обещаю, что я стану настоящим мастером, чего бы мне это ни стоило. Подождешь меня?

— Вот еще! — вспыхнула девушка, выхватывая кувшин и быстро удаляясь от родника вверх по тропинке. Зимро приуныл. Но на самом верху горки, прежде чем снова ускорить шаг, Дора обернулась и воскликнула: — Подожду!

Счастья Зимро не было предела.

Глава 3.4. Пинхас

Ранним утром в конце лета 1955 года скромно одетый молодой человек, промывавшись почти трое суток в пути, пересаживаясь с поезда на автобус и обратно, появился на железнодорожном вокзале города-героя Сталинграда. В руках у него были плетеная корзина и мешок с сельскими гостинцами — вином, фруктами, овечьим сыром и овощами, а в кармане штанов лежал клочок бумаги с адресом проживания семьи дяди Пинхаса. Не будет преувеличением сказать, что Зимро был ошарашен красотой города, количеством красиво и чисто одетых людей, спешащих куда-то по асфальтированным тротуарам, автомобилям на ухоженных мостовых, выложенных булыжником. Прежде чем гость добрался до дома дяди Пинхаса, он прошел пешком почти полгорода, к тому времени уже было за полдень.

Дверь в квартиру открыла в меру упитанная, аккуратно и модно выглядящая брюнетка на вид сорока лет. Она удивленно и вопросительно посмотрела на позвонившего в дверь молодого человека, державшего в руках мешок и корзину.

— Я Зимро, племянник дяди Пинхаса, — произнес молодой человек.

— Петя! Петр Михайлович! — позвала, очевидно, хозяйка квартиры, обращаясь в глубь комнаты. — К Вам пришли...

В проеме двери за спиной миловидной женщины появился дядя Пинхас в тренировочных брюках и белой майке. Его лицо было наполовину покрыто мыльной пеной.

— О! Дорогой мой племянничек! — обрадовался дядя Пинхас. — Какой взрослый стал! Жених! Что же ты у двери стоишь? Ну-ка давай проходи, дорогой мой!

— Маша, это мой племянник с Дагестана. Я тебе о нем рассказывал, — обратился он к женщине, — проводи его, пожалуйста, в гостиную.

Маша, не выразив никакой положительной эмоции, уступила дорогу гостю и направилась вслед за ним по коридору.

— Вот, присаживайтесь на диван. Ваш дядя скоро освободится.

Немного придя в себя после прохладного приема хозяйкой дома, как Зимро показалось вначале, он передал ей, вошедшей для сервировки обеденного стола, гостинцы. Помимо плетеной корзины, он вручил женщине вынутую из мешка плотно запакованную сумку. Хозяйка с недоверием посмотрела на эту вещь и попросила Зимро перенести ее в лоджию, дверь на которую выходила из гостиной.

Осмотревшись, парень пришел в восторг. Гостиная приблизительно двадцати метров была заставлена вдоль одной из стен шкафами, на большинстве открытых взгляду полок располагались ряды книг и несколько фарфоровых статуэток. На противоположной от шкафов стене висел огромный ковер с великолепным красочным орнаментом. На металлических крепежах, поддерживающих это великолепие, были также развешаны два чеканных изделия с изображением горянок с кувшинами, а посередине — огромного размера рог. В чеканках угадывалась рука мастера — дедушки Рахамима.

Выйдя из ванны, дядя Пинхас надел свежую клетчатую рубашку и сел в кресло напротив племянника. Он расспросил его о сестре, родственниках и знакомых — обо всех и всём, о ком и о чем он был в какой-то мере наслышан.

— Ты приехал очень вовремя. По старой традиции в субботу к нам с супругой Мариной Эдуардовной приезжает сын Роберт с семьей. Они будут к обеду. Можешь пока принять душ с дороги и переодеться.

Пинхас захлеб рассказывал о своей замечательной внучке Дашеньке, в которой он, очевидно, не чаял души, и

тщательно готовился к ее сегодняшнему приезду, приводя себя в идеальный порядок.

Воспользовавшись предложением дяди, Зимро пошел мыться. Находясь в ванной, Зимро поразился текущей из крана горячей воде и душу, в котором едва разобрался, мягкости и запаху того мыла, которым он пользовался при купании.

Молодой человек проникся необычайным уважением к дяде. «Так могут жить только падишахи. Мой дядя Пинхас — падишах!» — резюмировал он.

Обтершись предложенным полотенцем, надев чистое белье и переодевшись, Зимро вышел из ванны окрыленный, однако либо в квартире, либо у него в ушах стоял какой-то непонятный шум.

— Надолго к нам? — услышал он неожиданный вопрос из-за спины.

Вместе с вопросом прекратился и шум в ушах. Марина Эдуардовна, выключив пылесос и отделив матерчатый пылесборник, укладывала его в нишу между дверью и стеной гостиной. Это устройство под маркой «Пионер», как выяснилось позже, использовалось хозяйкой квартиры вместо веника. Каким образом оно могло облегчить труд женщины, осталось для Зимро загадкой.

— Не думаю, что надолго. У меня там мама. Она ждет меня, — ответил молодой человек.

Шумной гурьбой в квартиру ворвалась семья Роберта. Молодой человек с неподдельной радостью сразу кинулся обнимать и расспрашивать двоюродного брата. Прекрасные воспоминания многолетней давности о пребывании в Янгикенте не оставляли его лица без улыбки. Он представил гостью свою жену и дочь. В отличие от супруги дяди Пинхаса прелестная спутница Роберта отнеслась к новому знаком-

ству с большей симпатией, чем способствовала некоторому раскрепощению дагестанского гостя. Трехлетняя девочка сразу же бросилась на руки деду Пинхасу и долгое время с них не слезала, переходя периодически с его живота на спину и обратно.

Роберт после окончания института был распределен на опытное нефтехимическое предприятие в городе Волжском. Здесь, в тридцати километрах от родного Сталинграда, он работал технологом и проживал с семьей в малосемейном заводском общежитии. Близостью места распределения от дома молодой специалист был обязан отцу и его связям, а должность он получил благодаря собственному стремлению продолжить складывающуюся династию.

Обед стал для Зимро очередным открытием. На столе было три вида сыра, да таких, которых он никогда не пробовал. Сыр, привезенный гостем, на столе представлен не был. Помимо сырного изобилия, внимание Зимро привлекли и другие закуски: на отдельных блюдечках лежали ломтики вареной и сырокопченой колбасы; из солений представлены квашеная капуста и соленые огурчики. Хлеб в форме кирпича был нарезан и выложен в соломенную корзинку. На первое подали гороховый суп с копченостями. Вторым блюдом стали запеченная курица с картофелем и заливное. Из напитков были компот из сухофруктов и сорокапроцентная водка.

В этот вечер Зимро почувствовал такие неподдельные внимание и поддержку, с какими прежде никогда не сталкивался, поэтому и выпил несколько больше, чем когда-либо. Близкие, которым ты интересен, которым небезразличны твоя судьба, твои достижения и провалы, твои переживания и помыслы, твои потери и планы — как же это прекрасно! На душе молодого человека было тепло, как в раннем

детстве, когда еще живы были отец, дед Рамбом и бабушка Мозолут. Зимро понял, что они с мамой далеко не одиноки. И это сделало его сильнее.

Весь вечер присутствующие непринужденно болтали. Чувствовалось, что Марина Эдуардовна ревнует сына и мужа, которые проявляли симпатию к своему приезжему родственнику. Зимро после нескольких безуспешных попыток сблизиться с хозяйкой, восхваляя ее кулинарные таланты, понял их бесперспективность. Он решил просто не смотреть в ее сторону, дабы не портить впечатления от такого вечера, одного из лучших в его молодой жизни.

Утро воскресенья началось для Зимро с бодрых криков дяди Пинхаса, который звал всех на пробежку. Зимро обул старые кеды Роберта, которые пришлись ему впору. В восемь часов, когда трое мужчин выбежали на набережную, было прохладно. Физическая форма всех троих была великолепна.

Пробежавшись около часа, группа вернулась домой, последовательно приняла душ и присела завтракать. Тутто, видимо, и пришло время тех вопросов, которые Зимро ожидал.

— Зимро, дорогой, есть ли у вас с мамой какие-то проблемы? — поинтересовался дядя Пинхас.

— Не так чтобы проблемы... — смущаясь, ответил Зимро. — Впрочем, я кое о чем хотел Вас спросить.

— Спрашивай, сынок. Не стесняйся, — участливо предложил мужчина, глядя в глаза племяннику.

— Вы, знаете, дядя Пинхас, долгое время я работал у дедушки Рахамима помощником, овладел некоторым мастерством и худо-бедно обеспечивал нашу с мамой семью. Теперь же я остался без работы. Я ушел сам. К дяде Шамиру у меня нет никаких претензий. Однако, работая с ним,

я бы наверняка всегда оставался бы на побегушках, к тому же его сын Борис начал проявлять интерес к родовому занятию, и необходимость во мне отпала. Нам двоим одновременно не было бы места в мастерской. Возник вопрос, как мне дальше существовать, на что дальше жить нам с матерью? И тогда мы с ней решили на накопленные деньги открыть свою собственную мастерскую.

— И правильно! Молодец, сынок! Давно пора было это сделать! — горячо откликнулся на рассказ племянника Пинхас. — Не сомневаюсь, что ты справишься с этим и без дяди Шамира.

— Уверен, что справлюсь! У меня есть даже некоторые идеи, которые я хотел бы воплотить в своей работе, получив некоторые преимущества.

— Интересно! — включился в разговор Роберт. — И какие же?

— Потом расскажу, — несколько смутившись, пообещал Зимро.

— И правильно! Зачем распространяться о своих профессиональных секретах, — улыбаясь, поддержал племянника Пинхас.

— Так вот, — продолжил Зимро, воодушевленный поддержкой близких ему людей, — когда я поехал за необходимым оборудованием и материалами для начала работы, то столкнулся со сговором, в котором участвовал дядя Шамир. Все, к кому бы я ни обратился за интересующими меня товарами, отказывали мне в покупках. Пришлось возвращаться домой ни с чем.

— А какое оборудование и материалы тебе необходимы? — спросил Роберт. — Может быть, я помогу?..

— Ну, прежде всего, мне нужны горн, паяльная лампа, педальная машинка для сверления, точения и шлифовки,

наковальня средних размеров, кисти для нанесения флюсов и кислот, те же флюсы и кислоты, хлористый цинк, припой, листовые медь и латунь.

— Ну у тебя и списочек!.. — улыбнулся Роберт. — Нужно практически все — с нуля.

— Почему с нуля?! У меня есть часть инструмента — напильники, щетки, молотки, зубила разных размеров, пассатижи, кусачки, ножницы по металлу, небольшая наковальня и еще кое-что. Я зря время не терял, готовился.

— Ну что, сынок, — снова вмешался в разговор дядя Пинхас, — я могу помочь с горном, машинкой, которая тебе необходима. Проще было бы тебя обеспечить аналогичными электрическими станками, но, видимо, тебя это не интересует.

— Интересует, дядя Пинхас. Просто у нас пока сложно с электричеством, поэтому лучше без него. По старинке — оно надежнее.

— Ясно, — понимающе кивнул дядя Пинхас. — Где брать металл, подскажу... У нас есть опытная мастерская в Каспийске. Знаешь, где это?

— Да, недалеко от Махачкалы, — ответил молодой человек.

— Удобно добираться?

— А что — выбора-то другого пока нет. Конечно, немного дальше, чем до Дербента. Пока так, а в дальнейшем посмотрим, может, дербентские продавать будут.

— А я тебе помогу с химией, — улыбаясь, произнес Роберт. — И с доставкой определимся. Завтра приглашаю тебя на свой завод. Хорошо?

— Отлично! — поразовался Зимро. — Спасибо!

— Тогда с утра и поедем. Тут рядом автобусная остановка. Через полтора-два часа будем на заводе.

— Ладно.

Оставшуюся часть дня мужчины вместе Дашенькой провели на прогулке по новому Сталинграду и последовавшем за ней весьма обильном, на взгляд Зимро, обеде.

За едой о деле не говорили. Много вспоминали о Янгикенте, помянули отца Зимро Равино, деда Рамбома, Мозолут, деда Рахамима и его младшего сына Беньягу, деда Манашира.

Манашир Пинхасович прожил около семидесяти лет и умер во время войны в эвакуации в Челябинской области. Несмотря на пенсионный возраст, он был востребован и активно работал. Умер Манашир Пинхасович на своем рабочем месте на военном заводе. Его жена Циля работала в местной школе заведующей учебной частью. После окончания войны женщина вернулась на свою квартиру в Ленинград. Пинхас неоднократно убеждал маму переехать к нему в Сталинград, но женщина предпочитала жить одна, отдаваясь работе школьного учителя.

Внезапно загрустивший из-за воспоминаний об отце и матери Пинхас засобирался ко сну, а братья еще какое-то время продолжали беседовать на кухне. Роберт много и увлеченно рассказывал о своей работе, о том, что у них ведутся опытные работы и исследования по производству искусственного каучука и есть существенные положительные результаты. Зимро больше говорил о любимом деле и уверенности в своих возможностях.

Глава 3.5. Роберт

Ранним утром понедельника в автобусе, направлявшемся в город Волжский, Зимро рассказал Роберту о своем профессиональном секрете.

Работая у дедушки Рахамима в доме, убираясь в местах размещения домашних животных, он обнаружил, что случайно оказавшиеся в овечьем навозе медные луженые предметы приобретали специфическую матовую расцветку, напоминающую благородную золотисто-коричневую с малиновой *побежалостью*¹ *патины*².

В дальнейшем Зимро не раз пробовал проверить воздействие этого фактора на готовые изделия. И его догадка о том, что именно овечий навоз вызывает такую реакцию на поверхности металла, подтверждалась. Изделия с образовавшейся матовой патиной выглядели привлекательнее, чем обработанные традиционно.

— И что ты собираешься — все изделия опускать в дерьмо, а затем осчастливливать ими ничего не подозревающих покупателей? — заметил, улыбаясь, Роберт.

— Нет, конечно, Роберт. Я не так образован, как ты, но понимаю, что к такому эффекту приводит воздействие определенного вещества, которое находится в этом несчастном овечьем навозе.

— Молодец! Хвалю! Общение с гениальным химиком Робертом Ошировым дает результаты, — продолжал

---

¹ Побежалость — радужная окраска поверхности металлов, минералов, образующаяся при появлении тонкого слоя окислов от нагревания, под воздействием кислорода и т. д.

² Патина — тонкий слой, который образуется на поверхности меди, латуни, бронзы и аналогичных металлов (потускнение, вызванное окислением или другими химическими процессами) или некоторых камней, а также деревянной мебели (блеск, вызванный возрастом, износом и полировкой) или любого подобного приобретенного изменения поверхности в результате возраста и воздействия.

ребячиться брат. — И даст еще больший результат, когда мы произведем *хроматографический анализ*¹ этого твоего великолепного вещества. Найти образец, полагаю, не составит для меня труда. Баранов у нас в области хватает!..

Молодые люди подошли к проходной, где в отделе пропусков Зимро с помощью брата смог получить разрешение на посещение территории завода.

При входе в один из цехов юноша был ошеломлен: в уши ударил грохот десятков работающих станков. Он надел предложенный Робертом халат и подошел в его сопровождении к ближайшему из производственных агрегатов, жадно наблюдая за происходящим и пытаясь понять характер производимых технологических операций. Это не осталось незамеченным цеховыми работниками. Они также с любопытством наблюдали за реакциями молодого человека, пришедшего с их инженером-технологом. Среди них было немало женских глаз, что несколько смущало Зимро. Роберт показал гостю и следующий за этим цехом — гальванический, где наглядно продемонстрировал влияние различных жидкостей на поверхность обрабатываемых изделий. Гальваническая обработка металла и качество обработанной поверхности впечатлили молодого медника. Все это казалось невероятно передовым по сравнению с тем, чего можно было добиться кустарным производством.

После плотного обеда в заводской столовой кузены расстались. Роберт заверил брата, что завтра, пока тот будет прогуливаться с отцом, он сделает все необходимые анализы и расчеты.

И правда, на следующий день вечером Роберт заехал в отчий дом и обрадовал Зимро тем, что тому не придется

---

¹ Хроматографический анализ — метод анализа, позволяющий определять качественный и количественный состав органических веществ, включая летучие углеводороды и биологические жидкости.

больше совать изделия в овечье дерьмо. Он обещал синтезировать для молодого мастера именно то химическое вещество, что вызывает такое воздействие. Название реагента было несколько сложным для запоминания, поэтому Зимро записал его в подаренную дядей Пинхасом тетрадь.

— Ты когда планируешь домой? — поинтересовался Роберт.

— Я бы и сегодня уехал, если дядя Пинхас не будет возражать.

— Если задержишься до послезавтра, то уедешь со своим реагентом. Думаю, литров пять на первое время тебе вполне хватит. Будешь разбавлять с теплой водой. Пропорцию я тебе укажу. Да и всю другую химию по твоему списку подготовлю.

— Подожду, если так. Что там с деньгами? Сколько нужно заплатить?

— Ладно, пусть тебя это не беспокоит. Думаю, что платить ничего не придется. Ну или какая-то мелочь для прикрытия — я разберусь. Это не такие количества, которые были бы обременительны по деньгам. Только упакуй все так, чтобы никто не догадался о том, что ты везешь. Конечно, в случае чего объяснения найдутся, но лишние вопросы, сам понимаешь, никому не нужны.

Следующий день прошел в поездке на разрушенную в Великую Отечественную войну часть Сталинграда. Здесь Пинхас Манаширович рассказал о подвигах наших воинов при удержании города, показал отчасти восстановленный после бомбежек Дом солдатской славы — *Дом Павлова*¹.

---

¹ Дом Павлова — 4-этажный жилой дом, расположенный на площади Ленина, — одна из главных достопримечательностей города. Здесь во время Сталинградской битвы в течение 58 дней героически держала оборону группа советских бойцов под руководством, по мнению части историков, старшего сержанта Я.Ф. Павлова. Этот дом стал символом мужества и стойкости.

Через два дня Зимро уже ехал в направлении дома, сев на поезд Сталинград–Астрахань. Под жестким сиденьем в плацкартном вагоне находился тщательно упакованный багаж, к которому молодой человек относился с очевидным благоговением.

Мать встревоженно встретила его множеством вопросов. Яркие краски о городе-герое Сталинграде и сталинградских родственниках так и лились в изложении Зимро. Даже тетя Марина выглядела прелестной женщиной, умеющей отлично готовить. А самое главное — Зимро осознал, насколько человеку важно иметь родных людей и что связь между близкими бесценна.

Через неделю, как и было уговорено с дядей Пинхасом, он подъехал на арендованной у односельчан повозке с трехлетним жеребцом по указанному им адресу мастерской в городе Каспийске. Молодой человек заплатил запрошенные на складе деньги, загрузил повозку оборудованием, инструментом и материалами практически под завязку и получил на руки соответствующие документы. Накрыв содержимое повозки грубой конопляной тканью, ослепленный легкостью решения вопроса, который тяготил его долгое время, Зимро погнал жеребца. По дороге он широко улыбался и пел приходящие ему в голову куплеты:

Аспелей ме, аспеле,
Эз харле туь кем келе,
Эз харле туь эгъуьлменд,
Бер мере э Янгикент.

Аспелей ме, ранг гъэтош,
Дуьлхуьрди эз ме мебош,
Шелегьо бер зур-зури,
Гендуьмлере михури.

Хуьрд ме бош те оmore.
Гъэребелей ме, гъэребеле,
Нийлуьм э четине руьз,
Черхой туьре ругъэнсуьз.

* * *

Жеребец, мой жеребец,
Быстроногий молодец,
Мал как ослик, но умен —
Отвези меня в район.

Мой жеребчик — цвет огня,
Отвези домой меня,
Целой довези поклажу,
Накормлю пшеничной кашей.

Эх, арба-повозочка,
Будь хорошей деточкой,
Смажу маслицем колеса,
Будешь петь сладкоголосо!

(смысловой перевод с джуури)

Глава 3.6. Успех

К радости Зимро, благодаря помощи близких и удачно сложившимся обстоятельствам основные траты на приобретения для мастерской оказались меньше, чем в его самых оптимистических расчетах. На оставшиеся деньги молодой человек выкупил часть переднего двора и одну из каменных пристроек дедовского дома, отошедшую более двух десятилетий назад малоимущей семье одного из «красных партизан». На этих площадях, включая участок пустовавшего уже много лет загончика для овец, молодой человек и разместил свой небольшой кустарный промысел. Большое внимание Зимро уделил укреплению фундамента и установке на него основного оборудования. Также был приподнят и восстановлен давно разрушившийся забор, с тем чтобы скрыть производство от любопытных глаз. С наступлением зимы стуком молоточков и горячим дыханием горна началась самостоятельная карьера нашего молодого медника.

За все это время дядя Шамир даже не поинтересовался тем, чем живет уволившийся по какой-то непонятной ему причине подмастерье.

Первым произведенным Зимро изделием был кубок, отчасти похожий на чашу или вазу. Он заслуживал того, чтобы первым получить клеймо молодого мастера, из под которого выводился оттиск с литерами большой латинской «Z» и маленькой «г», вместе представляющих буквенное сочетание «Zг». Форма кубка, чеканный рисунок и клеймо на нем родились в сознании молодого мастера несколько лет назад. Отлуженное и обработанное секретным средством готовое изделие выглядело великолепно. Молодой мастер сделал несколько таких ваз, наиболее, на его взгляд, удачную он отложил до ожидаемого очередного приезда

Доры. Остальные, в числе иных произведенных им изделий — кувшинов, тазов, кружек, чаш и другой мелочи, он лично отвез на дербентский рынок. Зимро пообещал торговцам заведомо лучшие условия для продажи, чем у кого бы то ни было, включая своего дядю Шамира.

Прошло менее десяти дней, когда в Маджалис приехал посланец от одного из рыночных торговцев. Тот сообщил молодому мастеру, что все его изделия проданы, и просил срочно отгрузить новую партию товара. Воспользовавшись возможностью, Зимро отправил с подводой нарочного все, что у него было в наличии, на продажу. К неудовольствию посланца, мастер предоставил лишь дюжину мелких изделий.

Зимро с удвоенной энергией взялся за дело. Однако он уже не успевал зарабатывать запрашиваемый торговцами товар — требовалось все больше и больше. Тогда он взял себе в работники ранее уволенного Шамиром подмастерье, а затем еще и разнорабочего.

При в общем-то равной цене однотипных изделий у разных рыночных продавцов покупатель стал отдавать предпочтение тем, на которых было клеймо мастера «Zr». Это стало очевидно не только большинству торговцев, но и мастерам-медникам, реализовывавшим здесь свой товар. Получив на руки изделие конкурента, те отмечали выгодно отличавшую их красоту поверхности — сформированную на ней неизвестным ранее способом патину. Заметил это и Шамир, однако ему и в голову не могло прийти, что конкурентом является его племянник.

Понял он это, когда обнаружил у себя дома кубок с характерной поверхностью. На вопрос, откуда здесь эта непонятного применения посуда, он получил ответ, что ее принесла Дора.

Дочь рассказала отцу, что это Зимро подарил ей произведенное им изделие.

— И с какой стати этот мальчишка дарит тебе подарки?

— Он не мальчишка, папа. Ему уже двадцать лет. И он зрелый мастер.

— Зрелый мастер, говоришь? Ему никогда не бывать мастером! — воскликнул раздраженный отец, ударив кубком о пол.

Об этой реакции отца Дора рассказала Зимро, когда тот в очередной раз встретил ее у родника.

— Я заработаю денег и к осени приду к твоему отцу со сватами. Я возьму с собой людей, которые объяснят твоему отцу, что я — хороший мастер, а мои изделия продаются лучше, чем те, что производят другие мастера. Я отдам все, что у меня есть, за тебя. Посмотрим, окажутся ли у него какие-либо аргументы, чтобы отказать.

Вскоре дом вдовы Тамары и Зимро неожиданно посетил сам Шамир. Хозяева доброжелательно встретили родственника, пытались угадать все его желания, быстро послали к резнику одну из двух заведшихся у них в текущем году индеек. Мужчина придирчиво осмотрел кустарную мастерскую, прощупав некоторые изделия и материалы. Не выразив ни хулы, ни похвалы ее хозяину, он, сославшись на большую занятость, покинул дом. На прощанье Шамир попросил Зимро при возможности посетить его в Маджалисе.

Это был шанс для Зимро. Не без излишнего пафоса через неделю Зимро, одевшись во все новое, на нанятом по этому поводу фаэтоне подъехал к хорошо известному ему дому. Здесь, совсем рядом, в мастерской деда Рахамима, прошли его детство и юность.

Дома хозяина не оказалось. Его жена и мать Доры Инна была подчеркнута внимательной. Она попросила Зимро остаться и в ожидании Шамира пригласила его к столу, предложив чаю с вареньем из белой черешни.

Когда Зимро уже было отчаялся увидеть Дору, та появилась в кунацкой. Она была в легком домашнем бешмете и шароварах. Длинные черные волосы, большие темно-карие глаза возбуждали в молодом человеке неудержимую страсть, сердце билось в бешеном ритме, ноздри жадно вдыхали воздух, еле справляясь с его нехваткой. Зимро встал и тут же опешил: девушка сама в каком-то легкомысленном порыве приблизилась к нему.

Двое молодых людей впервые одни в уютной домашней обстановке. Как удержаться, чтобы не прижать к себе эту прелестную, не раз лелеянную в мечтах, любимую девушку?

— Будь осторожен, Зимро, пожалуйста. Отец все еще против тебя, — произнесла Дора и исчезла за дверью так же быстро, как и появилась.

— Ладно, — вслед ей произнес Зимро. — Постараюсь.

Все, что позволил себе молодой человек, — только глубокий глоток воздуха, который только что разделяла с ним его любимая.

Шамир появился через два часа. Раздевшись, он за руку поздоровался с молодым человеком.

— Ну что, молодец! Ты достиг определенных успехов в деле. Продажи у тебя растут. Глядишь, и весь рынок останется за тобой, — будто бы искренне радовался за племянника Шамир. — Есть, конечно, некоторые погрешности в пропорциях. Но это со временем пройдет. Ну что совершенно точно — поверхность у тебя получается великолепной.

— Спасибо, дядя, — скромно ответил Зимро.

Шамир приблизился лицом и, уставившись в глаза молодому человеку, спросил:

— И как тебе это удастся?

Зимро не нашелся что ответить.

— Возможно ли, что это секрет мастерства, который был украден тобой у моего отца?

— Нет! Что Вы говорите? — испуганно и с недоумением произнес молодой человек. — Ваш отец не мог передать мне того, о чем бы не рассказал Вам.

— Я надеюсь, что это так.

Немного смягчившись и налив вина себе и Зимро, Шамир продолжил:

— Чего бы тебе хотелось за твою тайну?

— Никакой тайны нет, дядя Шамир.

— Ты, парень, не юли. Говори, что да как. И сколько стоит твой секрет?

Мужчина выпил вино практически залпом и вопросительно, в упор посмотрел на гостя.

Зимро также осушил свой стакан и, дабы не откладывать главного, из-за чего он здесь, выпалил:

— Я люблю Дору. Выдайте ее за меня.

Кулак хозяина едва не снес голову незадачливого жениха. Оказавшись на полу, Зимро со злостью посмотрел на Шамира.

— Что Вы себе позволяете? Меня ни дедушка Рахамим, ни отец так не били.

Зимро встал и направился к выходу.

— Стой! Стой, тебе говорю! — окрикнул его Шамир. — Секрет и пять сотен за Дору. Согласен?

— Да, — не веря свои ушам и все еще потрясенный от нанесенного удара, ответил молодой человек.

— Дора! — громко позвал Шамир.

В гостиную вошла Дора и, опустив глаза, ждала, что скажет отец.

— Выйдешь за Зимро?

— Да, — ответила девушка, опустив голову от счастья и стыда.

— Я отдам тебя за него, если его секрет окажется ценен для нашего дела и если он оплатит определенный мной рэхьпули. А теперь иди и не попадайся ему на глаза до сватовства. Поняла?

— Да, папа, — ответила девушка и, едва взглянув на возлюбленного, скрылась за дверью.

В этот же день, опьяненный от ожидания исполнения данного обещания, за неспешным разговором за обеденным столом с вином и разносолами Зимро рассказал Шамиру о своем секрете.

Глава 3.7. Репутация

Продажи мастерской Шамира выросли. Причиной был новый подход к обработке меди при лужении. Заказы увеличились кратно. Мастер был доволен. Лишь одно обстоятельство смущало его — обещание молодому выскочке, который утер ему нос, выдать за него дочь. Ему — человеку, профессией которого долгое время было возвращать из подобного молодого племени высокоидейных мобилизованных на социалистическое строительство людей. Простить другим их успех не всегда получается, так же как и простить им свои собственные ошибки. Поэтому, когда стали приходиться первые немногочисленные претензии от покупателей на качество изделий с новой поверхностью, отличающей изделия двух мастеров из Маджалиса и Янгикента от других медников, Шамир воспринял это не как угрозу своему благосостоянию, а прежде всего, как возможность отозвать свое обещание по поводу дочери.

Как оказалось, помимо более приятного внешнего вида, изделия двух мастеров-медников отличало еще и то, что в местах крепления элементов чаще, нежели в других изделиях, образовывались разломы и сколы. Это уменьшало их срок службы при применении по назначению.

Шамир распорядился принимать такую продукцию к возврату и направлять ее напрямик молодому мастеру. Поначалу Зимро не очень задевало это обстоятельство, но, когда ни с того ни с сего посыпались массовые возвраты изделий, большинство из которых были с чужим клеймом, он обратился к старшему партнеру, с тем чтобы тот прекратил использовать его метод лужения.

— В таком случае я требую компенсацию моих потерь и отзываю свое обещание в отношении моей дочери, — заявил Шамир.

— Ваши потери я компенсирую. Вы же, я полагаю, не платите покупателю за возвращаемый им товар. Это делаю я, — стараясь быть спокойным, парировал Зимро. — За что же Вы хотите лишиться счастья меня, Вашего племянника, и свою дочь?!

— Несчастлива она будет, если выйдет за такого, как ты, никчемного человека! — вскипел Шамир. — Иди и на глаза мне не попадайся больше, а то я найду способ закрыть твой сарай!

Зимро некоторое время рассчитывался с обманутыми покупателями: кому-то возвращал деньги, кому-то чинил возвращенное или изготавливал новые изделия взамен старых без злосчастного метода лужения. С Дорой он встречался, как и раньше, тайком. Она всеми силами противилась желанию отца непременно выдать ее замуж, однако было понятно, что долго испытывать его терпение она не сможет.

Все тщательно обдумав, Зимро прихватил с собой несколько забракованных изделий и поехал в Сталинград, вернее в город Волжский, к двоюродному брату.

Роберт на то время являлся начальником опытного производственного участка завода. Он сразу же проникся обозначенной кузеном проблемой, созвал небольшой совет из мастеров и специалистов.

Было очевидно, что применяющийся при лужении химический состав ослабляет пайку в местах крепления. Причину этому определили в том, что контакт двух соединяемых частей изделия не был плотным из-за наличия на скрепляемых поверхностях неровностей и пленки окиси. В цеху провели испытания с использованием ряда технических жидкостей и разрабатываемого специалистами завода материала — отвержденного латекса¹. Уже на следующий

---

¹ Латекс — водная дисперсия полимеров. Для получения твердого материала смесь латекса вулканизируют с химическими веществами.

день оптимальные варианты были подобраны. Прочность изделия в месте пайки и рядом с ним практически не отличалась от прочности всей поверхности изделия в целом. При наполнении объемного изделия латексом создавалась оптимальная жесткость поддержки спаиваемых поверхностей.

Осчастливленный в очередной раз братом, с пробной партией латекса и рецептом технической жидкости в руках Зимро направился восвояси, прежде проведав дядю. Пинхас был безмерно рад приезду племянника и особенно горд способностями своего сына самостоятельно и успешно решать возникающие проблемы.

Для того чтобы торговцы на рынке возобновили продажи изделий мастера с подмоченной репутацией, Зимро пришлось сделать им существенные скидки и продемонстрировать надежность паяных соединений. Он предлагал сравнить прочность своих изделий с аналогичными у конкурентов. В ход пошли десятки кружек, кувшинов и другой утвари. Победу непременно одерживали товары с клеймом «Zr». Помимо скидок торговцам, Зимро предусмотрел подарки первым покупателям в виде различных предметов мелкой кухонной утвари.

Месяц спустя дело молодого мастера начало постепенно набирать обороты, и изделия Зимро снова начали захватывать рынок в Дербенте. Затем они стали появляться в Махачкале и Буйнакске. Зимро обзавелся состоятельными и влиятельными партнерами. Вместе с некоторыми наиболее близкими из них и матерью на двух автомобилях под сигналы клаксонов он приехал в Маджалис к дому Шамира. Все село вышло поглазеть на диковинные еще для многих сельчан легковые машины.

Хозяин с настороженностью принял гостей, которые недвусмысленно заявляли о цели своего приезда. Зимро все время молчал, а Шамир не торопился с каким-либо ре-

шением, заинтригованный обилием состоятельных на вид гостей. Зрелый и опытный мужчина понимал, что на этот визит стоит реагировать осмотрительно. Знатные люди и шум на все село могли дискредитировать и его, и его дочь в случае отказа, и поэтому ему нужен был дополнительный стимул для принятия решения. И этот повод, в конце концов, нашелся. Существенная денежная сумма, переданная отцу за его дочь, золотые кольца и цепочки для нее самой перевесили чашу весов в сторону согласия.

Свадьбу играли сначала в Маджалисе, затем и в Янгикенте. Мечта Зимро осуществилась. Это большое счастье коснулось и его матери. Она, наконец, пришла в себя от бесконечных треволений за сына и больше стала уделять внимания своему здоровью и внешнему виду. Когда Дора вошла в ее дом, женщина предподнесла ей серьги, те, что когда-то подарила ей свекровь Мозолут.

Глава 3.8. Вызов

К 1974 году доходы от кустарного промысла Зимро значительно снизились. Виной тому стали новые материалы и технологии, а также советское плановое производство. Цены штучных изделий, изготавливаемых мастером-медником, оказывались непомерно выше тех, что делались в производственном масштабе. Можно было бы сколь угодно говорить, что в этих «новых» изделиях нет души, что они все одинаковы и безлики, но нельзя остановить неумолимый бег времени. Прогресс ступал тяжелыми шагами, растапывая по ходу своего движения благополучие десятков тысяч мастеров кустарных промыслов.

В период такого затишья, в том числе и в жизни семьи Исроиловых, местный почтальон вручил Зимро уведомление о вызове в администрацию села Маджалис в строго обозначенные часы.

Наступление даты посещения, указанной в повестке, взрослые домочадцы ожидали с тревогой, беспрестанно гадая о возможных причинах этого приглашения. Энтузиазма не прибавляла и уверенность старшей в семье, Тамары, о том, что ничего хорошего от этого визита ждать не приходится.

В назначенный день и час Зимро скрепя сердце направился по вызову. На входе его направили в кабинет 11, расположенный в глубине одного из крыльев здания. Прождав около получаса возле двери в ожидании вызова, сорокалетний мужчина робко постучал в дверь.

Послышался твердый мужской голос:

— Войдите!

Зимро с тревогой просунул голову в открытую дверь.

— Исроилов? — не отрываясь от письма, спросил лысоватый мужчина с редкими бледно-русыми волосами и в сером шерстяном пиджаке.

— Да, — ответил Зимро, снимая папаху и оглядываясь по сторонам.

— Проходите. Присаживайтесь. — Зимро присел на предложенный табурет. Мужчина дописал несколько строк, закрыл и зашнуровал картонную папку, встал и, с громким лязгом открыв металлический сейф, положил ее туда. Затем, оставаясь спиной к посетителю, спросил его: — Итак, прошу Вас представиться полностью и сообщить о Вашем адресе жительства.

— Исроилов Зимро Равинович, село Янгикент.

Хозяин кабинета, видимо, удостоверился в правильности выбора папки, которую ему надлежало обнаружить в сейфе, взял ее, закрыл дверцу и присел за стол. Раскрыв папку, в которой уже находилось некоторое количество листов исписанной бумаги, он некоторое время молча изучал их содержимое.

В какой-то момент Зимро отвлекся от собеседника, а когда снова взглянул на него, то обнаружил на себе твердый холодный взгляд серых глаз. Он поразился этой хищной способностью — так смотреть на человека, бесцеремонно вторгаясь в его внутренний мир.

— Лейтенант Сергеев Муртуз Хафизович, — представился мужчина. — Я из республиканского комитета государственной безопасности. У меня будет к Вам несколько вопросов.

— Хорошо! Задавайте, — произнес Зимро, безуспешно пытаясь скрыть волнение.

Лейтенант в штатской одежде взял один из листов бумаги и приготовился записывать.

— Расскажите, пожалуйста, о себе и своей семье. Как зовут членов Вашей семьи полностью и поподробнее, чем занимаются.

— Я, Исроилов Зимро Рамбатович, 1934 года рождения, кустарный мастер, занимаюсь изготовлением изделий из

меди. Жена моя — Исроилова Дора Шамировна, 1937 года рождения, по профессии фельдшер, не работает, воспитывает четырех детей. Мать Исроилова Тамара Манашировна, 1914 года рождения, — пенсионерка. Дети — все школьники: Исроилова Мозолут Зимроевна — 1957 года рождения, Исроилова Хибо Зимроевна — 1958 года рождения, Исроилов Равино Зимроевич — 1960 года рождения, Исроилов Рамбом Зимроевич — 1965 года рождения.

— Так, хорошо, — произнес лейтенант. — Проживаете вместе?

— Да.

— Имеются ли у Вас родственники за рубежом?

— Насколько мне известно — нет.

— Подумайте. Хорошо подумайте. Может, забыли кого?

— Нет. Не припоминаю.

— Имя Шимон бен Исроил Вам ничего не говорит?

Зимро задумался: «Какой еще Шимон?»

— Нет, не знаю, — с недоумением отвечал он.

Комитетчик снова пронзил собеседника взглядом, но, видимо, ничего его в этом сельском труженике больше не интересовало.

— На Ваше имя, Зимро Равиноевич, пришло приглашение на постоянное проживание в Государстве Израиль. Вызов пришел на Вас и всю Вашу семью. Все приглашаемые лица перечислены по полному имени. Приглашающее лицо — Исроилов Шимон бен Исроил. Полагаю, что это Ваш родственник.

Зимро не смог вспомнить никого из близких с таким именем.

— Поедете?

— Нет, с чего это?.. — нехотя произнес Зимро, принимая протянутое ему приглашение.

— Все вы так говорите, потом, глядишь — уже заявление подали, — холодно продолжил лейтенант Сергеев. — Думайте, хорошо подумайте, что Вам ближе — наша огромная советская Родина, давшая Вам возможность достойно жить, работать и воспитывать детей, или клочок земли, постоянно подвергающийся агрессии соседние страны.

Зимро не нашелся что сказать. Да и кто он такой, чтобы отвечать на такие высказывания государственного ответственного работника?

Аналогичные визы-приглашения, очевидно, инициированные близкими либо знакомыми, покинувшими Родину во время становления Советского государства, и поддержанные еврейскими сионистскими, религиозными и правозащитными организациями типа *Министерства абсорбции Израиля*¹ или *агентства «Сохнут»*², приходили и другим семьям в Маджалисе, Янгикенте, Дербенте и по иным адресам евреев, проживающих на территории Советского Союза.

Многие из них подали заявление на выезд, так как счастливое коммунистическое будущее все никак не насту-

---

¹ Министерство абсорбции Израиля — до 2013 года, ныне Министерство алии и интеграции Израиля. Было создано в первый раз в 1948 году и просуществовало 3 года. Воссоздано в 1968 году после волны лавинной иммиграции, последовавшей в результате Шестидневной войны. Министерство управляло всеми делами, связанными с абсорбцией репатриантов в Израиле, и взяло на себя функции Еврейского агентства «Сохнут» в тех странах, где оно не присутствует, в том числе управления выездом евреев из диаспор.

² Еврейское агентство «Сохнут» — международная сионистская организация с центром в государстве Израиль, созданная в 1908 году Всемирной сионистской организацией. Занимается репатриацией в Израиль (алией) и помощью репатриантам, а также вопросами, связанными с еврейско-сионистским воспитанием и глобальным еврейским сообществом. С 1989 года официально работает на территории СССР, а позднее и стран СНГ.

пало и даже не просматривалось, а для своих подрастающих детей хотелось чего-то лучшего.

Евреи в селениях Янгикент и Маджалис практически исчезли из-за отъездов семей в крупные центры — Дербент, Махачкалу, Пятигорск, а также в центральные города СССР, а в последнее время еще и в Израиль. Ходили слухи о цветущей стране с вкуснейшими квадратными арбузами и помидорами, с двумя, а то и тремя сезонами вызревания овощей и фруктов, с прекрасным, умеющим постоять за себя, единым в своем устремлении в будущее народом. И эти слухи появлялись неслучайно. Несмотря на полное отсутствие с лета 1967 года каких-либо политических, экономических или культурных контактов между Израилем и СССР, кроме единичных встреч министров иностранных дел, последний посещали волонтеры международных правозащитных и религиозных организаций. Так, в дербентской синагоге появился и некоторое время служил пожилой рабби Исроил ашкеназского происхождения. Поговаривали, что он приехал из Израиля. Возможно, при посредничестве именно таких людей информация об условиях жизни, составе семей и чаяниях еврейских диаспор оказывалась доступной за пределами СССР.

Глава 3.9. Ерушалаим

На семейном совете Тамара, Зимро и Дора приняли решение уехать. Зимро рассказывал домочадцам, что при одном из посещений дербентской синагоги он видел фотографию из Израиля, которую любезно продемонстрировал рабби Исроил. На цветном фото полтора десятка улыбающихся людей разного возраста, очевидно родственников, собралось за столом на какое-то торжество. Эти яркие добродушные лица, как, впрочем, и одежда на некоторых из них, разноцветие этикеток на бутылках, в большом количестве расставленных на обеденном столе, впечатлили Зимро и добавили ему желания уехать в это сообщество казавшихся счастливыми людей.

Дядя Яагу с женой, обосновавшиеся после выхода на пенсию по настоянию одного из своих многочисленных сыновей в Пятигорске, не то чтобы подумать о том, чтобы покинуть Родину, они даже говорить об этом не хотели. Советоваться с Борисом, братом Доры, не стали. Он несколько отдалился от сестры, общения между ними практически не было.

Разрешения ждали около трех месяцев, а после его получения стали быстро собираться. Несмотря на соблазн многое увезти с собой, решили не идти на поводу у своих страхов и воспоминаний, быть сильными — взять только документы, носильные вещи, минимум посуды, деньги и золотые украшения и червонцы, которые приобрели благодаря продаже имущества.

Теплым сентябрьским утром 1975 года ворота в ту часть дома, где жила семья Исроиловых, были раскрыты настежь. В нескольких метрах от них стоял микроавтобус «РАФ-977» с открытой задней дверью, в который уже была погружена часть багажа. Возле ворот ожидало несколько

десятков провожающих, некоторые из них проходили в дом и прощались с отъезжающими, выходя затем оттуда с заплаканными лицами. Затем были выведены и посажены в машину дети Зимро и Доры. Соседи помогли вынести еще несколько сумок и разместить их в конце салона автомобиля. Наконец вышли хозяева, которые сразу же попали в объятия тех, кто желал попрощаться лично. Раздавались плач и причитания с пожеланиями счастливого пути. Даже некоторые мужчины пустили слезу. После того как отъезжающие и кто-то из провожающих односельчан сели в рафик, водитель дал несколько торжественных сигналов клаксоном. За отъезжающей машиной новой хозяйкой проданного жилья¹ было выплеснуто полведра воды. Далее люди двинулись в направлении уехавшей машины и постепенно, оживленно обсуждая произошедшее, разошлись по своим делам. Затем новые хозяева закрыли ворота дома, в котором полвека жила, деля радости и печали, одна из еврейских семей.

Через полтора часа рафик подъехал к железнодорожному вокзалу города Дербента. До прибытия поезда оставалось два часа. Разгрузились. Тамару и детей рассадили на скамейке у перрона, Дора стала хлопотать, с тем чтобы накормить оголодавшую семью. Две испеченные загодя в *тону*² лепешки с сыром и родниковая вода из специально изготовленного кувшинчика немного насытили новых репатриантов.

---

¹ Репатрианты официально отказывались от своего жилья в пользу Советского государства, но имелись возможности передачи жилья конкретным труженикам или семьям при наличии у них формальных оснований на улучшение жилищных условий или бесплатное жилье.

² Тону — традиционная печь-жаровня у горских евреев и других народов Кавказа. Печь растапливают древесиной, тесто накидывают прямо на внутренние стенки печи из обожженной глины, по готовности лепешки или иные изделия из теста снимают, легко отлепляя их от стенок.

Подъехал поезд. Семья быстро и суетно добралась до своего вагона, который оказался несколько дальше, чем они полагали, и, показав проездные билеты проводнице, переместилась в купе. Рассадив родных, Зимро посмотрел в глаза своей Доре. Она несколько осунулась в эти дни. Поезд тронулся, и женщина, наконец, улыбнулась.

Москва их встретила прохладой. Они вышли из вагона и стали ожидать на платформе, как им было указано при оформлении выезда. Людской поток прибывших их поездом и встречающих его уже схлынул, когда к ним подошел небольшого роста усатый человек в темном пиджаке и фетровой шляпе. Он назвал их фамилию и предложил погрузить багаж на тележку, подогнанную мужчиной в спецовке, очевидно грузчиком. Далее все переместились на привокзальную площадь, где маленькой стайкой вокруг своего скарба устроилась в ожидании еще одна, очевидно, еврейская семья. Сев в подъехавший автобус, под сухие рекомендации поведения в городе высокой осанистой проводятой женщины репатрианты добрались до гостиницы. Здесь их разместили в номера, объяснили, где поблизости можно купить продукты, и с пожеланиями приятного отдыха оставили предоставленными самим себе.

Следующим вечером семью вывезли на Белорусский вокзал и посадили в поезд. Среди прочих пассажиров угадывалось несколько семей ашкеназских и семья бухарских евреев. Ночью поезд прибыл в Брест, где всех высадили для проведения пограничного контроля. В это время поезд «переобувался» под колею европейского размера, несколько меньшую, чем в СССР.

По прибытии в Вену наших героев вместе с такими же эмигрантами встретили на перроне.

Местные волонтеры, в отличие от людей, встречавших и сопровождавших их в Москве, были крайне любезны и

улыбчивы и с неподдельным интересом реагировали на все запросы репатриантов. Тем не менее на венском железнодорожном вокзале при выходе из вагонов последние услышали собачий лай. Это были полицейские с овчарками, которые наблюдали за приехавшими и располагались вдоль коридора их следования на стоянку такси. В здании вокзала десятки людей с транспарантами, очевидно, встречали какого-то диссидента, приехавшего на том же поезде, что и семья Зимро. Они скандировали лозунги и его имя. На стоянке у вокзала прибывших рассадили по легковым автомобилям и отвезли в гостиницу, где было все необходимое для жизни. Затем семьям репатриантов выдали картонные коробки и попросили, чтобы весь багаж был переупакован в них и надписан именами. Далее всех пригласили в конференц-зал, расположенный в гостинице, где пояснили, что все присутствующие теперь свободные люди и могут ехать куда угодно. Впрочем, реальные предложения с оказанием поддержки слышались только от волонтеров из США и Израиля. В Европе оставаться никто особо не предлагал. Семья бухарских евреев, с которыми по большей части из-за близости языка и менталитета Исроиловы сдружились во время поездки в поезде, уговаривала ехать вместе с ними в Америку, уверяя, что близкие друзья лучше родственников, что за ними там «большие» богатые родственники, и обещая поддержку. Но несмотря на это, семья из Янгикента даже не рассматривала иных возможностей, кроме как государство Израиль, да и подвести тех людей, которые их приглашали, они не могли.

В аэропорту имени Бен-Гуриона¹ репатриантов проводили в отдельный зал. Здесь к ним периодически подходи-

---

¹ Аэропорт имени Бен-Гуриона — главный израильский аэропорт. Основан в 1936 году британскими властями. Находится в 14 км к юго-востоку от Тель-Авива, около города Лод. Назван в честь Давида Бен-Гуриона, первого премьер-министра страны.

ла куратор, говорящая на русском языке, и подсказывала, какие действия следует предпринять. Зимро подписал несколько бумаг. Затем его спросили, встречает ли его кто-нибудь. Зимро в недоумении повел плечами: мол, не знает. Тогда женщина-куратор на время удалилась, а когда вернулась, улыбаясь, произнесла:

— Все, пойдемте. За Вами тут целая толпа приехала.

Действительно, при выходе в зал прилета Зимро несколько раз услышал свое имя. А когда направился в сторону, откуда доносились эти голоса, то сразу же попал в окружение счастливых улыбающихся родственников. Множество мужчин и женщин, представляясь братьями и сестрами, дядями и тетями, племянниками и племянницами, тепло обнимали и осыпали поцелуями Зимро и всех членов его семьи. Одна бабушка смачно расцеловала Зимро огромным беззубым ртом и тут же зарыдала, по-видимому, от счастья. Вновь обретенные родственники, постоянно о чем-то спрашивая и рассказывая, практически на руках переместили прибывших на автомобильную стоянку, где их ждали два автобуса с флагами Израиля и с двумя крайне доброжелательными темнолицыми водителями. Один из них представился Зимро троюродным братом.

Автобусы покинули территорию аэропорта и направились в небольшое поселение, расположенное в двадцати километрах к югу. Весь путь сопровождался громкими радостными выкриками, хлопанием в ладоши и песнями на родном языке джуури. Несмотря на позднюю осень, было жарко. За аллеей из десятка диковинных пальм на каменных опорах стояло трехэтажное здание, во дворе которого рядом с накрытым в ожидании прибывающих из аэропорта людей столом сидел, как оказалось, глава семейства, *куамле*¹ дедушки Рамбома, старший сын Исроила

---

¹ Куамле — сын брата отца (перевод с джуури).

Шимон¹, покинувший Россию в 1917 году вместе с большой семьей своего отца и семьей леле Боруха. Это был пожилой сухопарый человек лет восьмидесяти.

По-видимому, деду Шимону было тяжело вставать, но он все же приподнялся, опираясь на массивную палку-трость, и по очереди расцеловал всех прибывших из России.

— Ты, по-видимому, Зимро, внук Рамбома? — тщательно всматриваясь в глаза, обратился он к немного подуставшему от столь радушного приема мужчине. — Подойди, сынок, сядь возле меня.

Когда Зимро присел рядом, на его ладонь легла сухая, но по ощущениям достаточно еще крепкая ладонь старика:

— *Эхир-эхириш оморей, хэлеф ме! Имогьой эй е чиш дуэльпесо мебош! Туь э хуней хуьшде! Э Ерушолоими!*²

---

¹ Шимон (Семен) — при переселении в Эрец-Исраэль репатрианты часто меняли свои имена, данные родителями от рождения, на звучащие правильно в соответствии со встречающимися в текстах Торы, Мишны и Галахи.

² Эхир-эхириш оморей, хэлеф ме! Имогьой эй е чиш дуэльпесо мебош! Туь э хуней хуьшде! Э Ерушолоими! — Наконец-то ты приехал, сыночек! Теперь ни о чем не беспокойся! Ты в своем доме! В Израиле! (Перевод с джуури.)

Список литературы

Атаева Д.З. / Темир-Хан-Шуриновское реальное училище в образовательном пространстве Дагестана пореформенного периода / Дагестанский государственный педагогический университет. История и археология (<https://cyberleninka.ru/article/n/temir-han-shurinskoe-realnoe-uchilische-v-obrazovatelnom-prostranstve-dagestana-poreformennogo-perioda>).

Белковец Л.П., Белковец С.В. / Выезд за рубеж советских граждан в 1920–1930-е годы / Миграционное право. № 5 2006. — Стр. 38–45.

Буйнакская центральная городская больница: история ЦГБ (<http://bcgb05.ru/o-nas/istoriya/>).

Варзар Василий Егорович / Список фабрик и заводов Российской Империи. 1912 г. СПб: Типография Киришбаума (отделение) (<https://istmat.org/node/26498?>). Горские евреи в русской периодической печати, 1853–1917 / Авт.-сост. Е.Н. Улицкий. — М.: Летний сад, 2017. — 335 с.

Гасанов Магомед / Роль табасаранского народа в установлении советской власти в Дагестане / Зори Табасарана, 2021 (<https://zoritabasarana.ru/rubriki/gazeta/item/13588-rol-tabasaranskogo-naroda-v-ustanovlenii-sovetskoj-vlasti-v-dagestane>).

ГКУ «Дагестанавтодор». История (<http://dagavtodor.ru/page/istoriya>).

Глиняный квартал: [Очерки] / А.Н. Ракитников. — Ленинград; Москва: [Огиз] — Гос. изд-во худ. лит-ры, 1931 (Л.: Тип. им. Евг. Соколовой). — 253 с.

Горские евреи в Первой мировой войне / Сост. И.Х. Михайлова. — Санкт-Петербург: Астро-Принт, СПб, 2020. — 287 с.

Горские евреи Дагестана в национальной политике советской власти в 1920–1930-е гг. / Д.Ш. Рамазанова. — М.: Парнас, 2014. — 184 с.

Горские евреи: История, этнография, культура / Сост. и науч. ред. В. Дымшиц. — Иерусалим: ДААТ; М.: Знание, 1999. — 462 с.

Гусейнов М.Ш., Идрисов М.М. / Гигант северокавказской индустрии — завод «Двигательстрой» на Каспии (1932–1940 годы) / Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 3(203) 2019. — Стр. 34–38.

Еврейская община Дагестана (часть первая) / STMEGI media group. Новости (https://stmegi.com/posts/13217/evreyskaya_obshchina_dagestana_chast_pervaya_4818).

Захаров В.А. / 28 мая 1918 года. Провозглашение Армянской республики / Ноев Ковчег, 2011. № 10(169) май 2011 (https://noev-kovcheg.ru/mag/2011-10/2576.html?ysc_lid=156tvkzfzt140151180).

Ибрагимова А.Ш. / Переселение горских евреев в Кизлярский округ в 30-х гг. XX в. (по материалам ЦГА РД) / Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4(16) 2008. — Стр. 99–105.

Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища 1880–1889 / Е.И. Козубский. — Порт-Петровск, 1890. — 211 с.

История Кайтага / С.М. Зубаилов. Махачкала, 1995. — 144 с.

Каймаразов Г.Ш, Каймаразова Л.Г. / События Гражданской войны в Дагестане (1918–1921 гг.) через призму комического (по воспоминаниям очевидцев) / Тамбов: Грамота, Манускрипт, том 12. № 10. 2019. — Стр. 56–63.

Касумов Назим Касумович / Дербент — центр региональной и международной транзитной торговли

в XVIII — первой половине XIX в. / канд. ист. наук Касумов Н.К. Отечественная история. — Махачкала. 2006. — 182 с.

Мамраш / Российская еврейская энциклопедия: География (<https://www.rujen.ru/index.php/МАМРАШ>).

На родине предков: селение Маджалис и Кайтагский район / Хана Рафаэль. STMEGI media group. Новости (https://stmegi.com/posts/15275/na_rodine_predkov_selenie_madzhalis_i_kaytagkiy_rayon_7223/?ysclid=l6z20bq9bq635764809).

На родине предков. Село Маджалис Кайтагского района / Ирина Михайлова. Gorskie.ru. Новости (<https://gorskie.ru/juhuro/history/item/19400-na-rodine-predkov-selo-madzhalis-kajtagского-rajona>).

Образование. Первая Петровская / Махачкалинские известия. Общественно-политический еженедельник (https://midag.ru/2006/12/02/pervaya_petrovskaya/?ysclid=l56u0d8rrw833233324).

Отечественное коневодство: история, современность, проблемы / Е.В. Кожевников, Д.Я. Гуревич. — М.: Агропромиздат, 1990. — 221 с.

Поиск героев войны / Портал «Памяти героев войны 1914–1918 годов» (<http://gwar.mil.ru/heroes>).

Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. / Организация призерения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны / Журнал исследований социальной политики, том 3, № 2. 2005. — Стр. 147–162.

Рамазанова Д.Ш. / Горские евреи Дагестана в переселенческой политике Советской власти (1926–1933 гг.) / Научная мысль Кавказа. № 1 2011. — Стр. 89–96.

Репрессии 30-х годов в Дагестане (Документы и материалы) / Составители Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, Р.И. Джамбулатова. Институт истории, археологии и этно-

графии ДНЦ РАН. — Махачкала: Издательство «Юпитер», 1996. — 528 с.

Русско-татский (горско-еврейский) словарь / Михаил Дадашев. — М.: Собрание, 2006. — 287 с.

Салихова Л.Б. / К вопросу формирования органов Временного правительства в Дагестане / Вестник Кемеровского государственного университета, том 21, № 2 2019. — Стр. 365–374.

Список фабрик и заводов Российской Империи / под ред. В.Е. Варзара — Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 2012. — 720 с.

Тонкости приготовления искусственной патины на медных сплавах / Ярмарка мастеров. Творческая мастерская Романовых (<https://www.livemaster.ru/topic/3034649-tonkosti-prigotovleniya-iskusstvennoj-patiny-na-mednyh-plavah?ysclid=156sr9k3nr833906327>).

Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период) / И.Р. Нахшунов. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956 [вып. дан. 1957]. — 157 с.

Содержание

<i>От автора</i>	5
Пролог	18
Часть 1. Динор	
Глава 1.1. Отец и брат	33
Глава 1.2. Супруг	45
Глава 1.3. Дочь	55
Глава 1.4. Первенец	68
Глава 1.5. Младший сын	77
Глава 1.6. Захарья	82
Глава 1.7. Пропажа	89
Глава 1.8. Потеря	93
Глава 1.9. Маджалисский медник	98
Глава 1.10. Возвращение Азарьи	108
Глава 1.11. Неосторожное купание	116
Глава 1.12. Зоволу	123
Глава 1.13. Солдатская доля	127
Часть 2. Рамбом	
Глава 2.1. Пенуил	133
Глава 2.2. Юбилей Исроила	146
Глава 2.3. Хасан	159
Глава 2.4. Метания фабриканта	164
Глава 2.5. Встреча с шурином	173
Глава 2.6. Вести	185
Глава 2.7. Мамрашская трагедия	192

Глава 2.8. Комиссар	196
Глава 2.9. Шомоил	203
Глава 2.10. Шелковод	209
Глава 2.11. Лошадники	216
Глава 2.12. «Двигательстрой»	223
Глава 2.13. Незнакомец	230
Глава 2.14. Репрессии	234
Часть 3. Зимро	
Глава 3.1. Скорбь	243
Глава 3.2. Преемник	248
Глава 3.3. Дора	257
Глава 3.4. Пинхас	264
Глава 3.5. Роберт	272
Глава 3.6. Успех	277
Глава 3.7. Репутация	283
Глава 3.8. Вызов	287
Глава 3.9. Ерушалаим	292
Список литературы	298

Рахмилов Гемриил Исаевич

РАХАМИМ

Книга 2 серии «Горские евреи»

*Издательство
Литературного объединения
горских евреев России*

**Текст стихов,
переводы и примечания:** *Гемриил Рахмилов*

Главный редактор: *Наталья Ханина*

Верстка: *Алексей Чистяков*

**Фото на обложке:
«Арочный мост
в селе Маджалис»** *Мурад Магомедов
(marat_magov)*

**Используемый в коллаже
фрагмент картины:** *Рами Меур*

Обратная связь с автором: *gemriil@mail.ru*

Отпечатано в типографии «Бит-Принт».

Подписано в печать 03.01.2023 г. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная 80 г/м². Гарнитура Times. Печ. л. 19.

Тираж 100 экз. Заказ № 5445.